Мария Арбатова
Шумит Датта Гупта

ИСПЫТАНИЕ СМЕРТЬЮ

или
Железный филателист

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Конец семидесятых, Южная Африка, ужасы апартеида, тайные ядерные испытания, спецоперация легендарного советского разведчика-нелегала по их разоблачению, предательство, арест контрразведкой ЮАР и два года пыток шестью разведками мира…

Книга написана на основе недавно рассекреченных материалов Службы внешней разведки России.

- Мария Ивановна Арбатова, Шуммит Датта Гупта
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая
- Глава шестнадцатая
- Глава семнадцатая
- Глава восемнадцатая
- Глава девятнадцатая
- Глава двадцатая
- Глава двадцать первая
- Глава двадцать вторая
- Глава двадцать третья
- Глава двадцать четвертая
- Глава двадцать пятая
- Глава двадцать шестая
- Глава двадцать седьмая
- Глава двадцать восьмая
- Глава двадцать девятая
- Глава тридцатая
- Глава тридцать первая
- Глава тридцать вторая
- Глава тридцать третья

- Справка
- Послесловие
- notes
    - 1

Мария Ивановна Арбатова, Шуммит Датта Гупта
Испытание смертью или Железный филателист

Хотим выразить огромную благодарность за помощь в предоставлении материалов для сценария и романа

Руководителю Пресс-бюро Службы внешней разведки Сергею Иванову

Заместителю руководителя Пресс-бюро Службы внешней разведки Сергею Гуськову

Историку Пресс-Бюро Службы внешней разведки Елене Барабановой

Президенту Международной контртеррористической тренинговой ассоциации Иосифу Линдеру

Мария Арбатова

Шумит Датта Гупта

Глава первая
КАМЕРИНО

Как всякий немец, Отто Шмидт любил жару. Жители Германии не избалованы жарой, считается даже, что умеренный и ровный немецкий характер обусловлен тем, что страна лежит в умеренном климатическом поясе.

А нынешняя жара в Камерино, уютно вписавшемся в Апеннины, пересекающие «итальянский сапог» с севера на юг, казалась блаженством. На высоте четыреста метров над уровнем море она не пекла, а ласкала и не шла ни в какое сравнение со знакомой Отто липкой жарой Средиземноморья и сухой, изматывающей жарой пустыни.

Он присел за столик маленького уличного кафе, пристроенного к стене древнего здания, и закурил. На фоне серого выщербленного камня стены пылали и кудрявились красноватые листья винограда. Солнце щедро заливало столик и безлюдную пыльную улочку, помнящую тяжелую поступь умбрийских камертиев.

На горизонте зеленела роща, и Отто казалось забавным, что посреди древних итальянских камней, совсем как в Германии, шелестят широкими листьями каштан, граб, ясень и даже дуб.

Он помнил, что фрукты поспевают в Камерино не так охотно, как в субтропических предгорьях Апеннин, где ветки трещат и подламываются под тяжестью плодов, а голова кружится от запаха цветов.

Но строгая чистота горной Италии манила Отто больше крикливой и пестрой стихии больших городов. Видимо, напоминала его уютную, сдержанную и четко выстроенную Германию.

Молодой официант вылетел из-за барной стойки, как черт из табакерки. По блеску в глазах было ясно, что, как всякий итальянец, он извелся без общения в пустом кафе.

— Что желает синьор?

И впился в Отто радостными зелеными глазами. Это ведь миф, что итальянцы темноглазы, они в основном голубоглазы и зеленоглазы, как море, на которое они смотрели столько веков.

— Что порекомендуешь из местного? — спросил Отто на отличном итальянском.

— Если синьор первый раз в Камерино, советую «панночиато» и наш славный анисовый ликер «Варнелли»! Такого ликера синьор не попробует больше нигде!

— Я учился в Камерино в школе искусств имени Данте Алигьери. Правда, это было давно… Неси ликер и подскажи: я правильно иду в сторону старой церкви?

— Пойдете вверх по нашей улице, и церковь сама встанет у вас на дороге. Но, синьор, клянусь Мадонной, там совершенно нечего смотреть! Не понимаю, что вы, иностранцы, находите в этой свалке старых камней?

— Это не свалка старых камней, а жемчужина средневековой архитектуры! — назидательно поправил Отто.

Официант сделал гримасу, выражавшую полное недоумение. Похоже, он готов был болтать о чем угодно, лишь бы не выполнять заказ.

— Какая там жемчужина, синьор? Пыльные развалины, каких везде полно… — Тряхнул каштановыми кудрями и протестующе взмахнул руками, но так и не двинулся в сторону ликера.

— Сам подумай, кто бы взбирался на Апеннины в городишко на несколько тысяч человек, если бы не эти пыльные развалины? И как бы ты без них заработал себе на хлеб? — напомнил Отто.

— Синьор не знает, что наш город славится не развалинами, а университетом! К тому же здесь родился поэт Уго Бетти! Он попал в Первую мировую в немецкий плен и написал там книгу! — Официант похвастался таким тоном, словно был родней этому самому Уго Бетти. — И скажу вам честно, если б здесь совсем не было туристов, я бы с чистой совестью уехал в большой город, как мой младший брат! А эти призраки прошлого, синьор, создают обманчивую перспективу, чтобы не пускать нас в большой мир. Извините, забыл про ликер! Сейчас принесу!

Он неторопливо пошел за барную стойку и вернулся через пару минут с ликером.

— Раз вы учились в школе Данте Алигьери, то, наверное, вернулись найти кого-нибудь? — спросил он с заговорщическим видом.

— Кого? — удивился Отто.

— Какую-нибудь девушку из прошлого… — подмигнул официант. — И хотите глянуть на нее одним глазком, хотя прекрасно понимаете, что у нее уже пятеро детишек и ленивый лысый муж, которого не волнует ничего, кроме молодого вина и футбола. Но ложась спать, она вспоминает ваши свидания двадцатилетней давности!

— С чего ты взял? — усмехнулся Отто.

Этот парень, годящийся ему в сыновья, казался очень симпатичным.

— Так бывает! Не стесняйтесь, синьор, Антонио знает в этом городе всех и достанет любого из-под земли. Конечно, прошлое

не вернуть, но приятно искупаться в воспоминаниях.

Выдержав паузу, Отто спросил:

— А что, многие приезжают за этим?

— В том-то и дело, что нет! — покачал головой официант и снова взмахнул руками — итальянцы ведь разговаривают руками больше, чем языком. — Для меня это было бы дополнительным заработком, ведь наше кафе попадается туристам первым! Я бы легко понял таких людей, потому что сам жду, когда осматривать наши руины приедет Романова!

— Романова?

Отто вздрогнул от неожиданно прозвучавшей фамилии, принадлежавшей русскому императорскому дому.

— Русская артистка, что играет Татьяну Романову в фильме «Из России с любовью»! Помните сцену, когда Джеймс Бонд и Романова плывут в лодке по каналам Венеции? Я смотрел «Из России с любовью» тринадцать раз! — Зеленые глаза парня засияли.

— Хочешь взять автограф?

— Зачем мне один автограф, синьор? Она нужна мне целиком! — Парень отчаянно замахал руками, словно Отто иначе не понял бы его слов. — Клянусь, синьор, если однажды она вот так, как вы, появится на нашей улице с фотоаппаратом, я уговорю ее выйти за меня замуж! Я простой официант, но после смерти дяди мне достанется обувная мастерская, потому что у него нет своих детей. Правда, он требует, чтоб я выбросил фотографию этой русской и женился на дочери нашего соседа Карло. Но вы ведь видели эту Романову?..

— Согласен, она красотка! — кивнул Отто и отметил про себя, что парень не умеет читать.

Ведь у Антонио была возможность ровно тринадцать раз прочитать, что спутницу Джеймса Бонда Татьяну Романову играет итальянка Даниэла Бьянчи. Все-таки на дворе стоял 1979 год, люди вовсю летали в космос, изобретали новые материалы, считали на калькуляторах, в Южной Африке сумели пересадить человеку сердце… А этот парень с задворок Европы все еще не умел прочитать титры самого кассового фильма.

Фильм «Из России с любовью» о рыцаре плаща и шпаги английской спецслужбы, агенте 007, казался Отто смешным. И он смотрел его не тринадцать раз, как Антонио, а всего три. Непотопляемого Джеймса Бонда играл любимец женщин Шон Коннери.

Это была веселая галиматья про террористическую организацию СПЕКТР, советское шифровальное устройство «Лектор» и соблазнительницу из советского консульства в Турции

Татьяну Романову.

В финале злобные преследователи умудрялись перестрелять друг друга; а агент 007, выйдя живым из всех передряг, приезжал в Венецию, чтобы плыть с русской Татьяной Романовой в идиллическом объятии на идиллической лодке по идиллической глади канала.

Отто читал, что фильм услужливо сняли после того, как президент Кеннеди назвал роман Яна Флеминга «Из России с любовью» одной из десяти главных книг своей жизни. И что именно этот фильм стал последним, увиденным Кеннеди перед смертью.

Еще Отто читал, что для сцены в катакомбах Стамбула нужны были крысы, а согласно сумасшедшим английским законам в кино запрещалось снимать диких крыс. Их заменили на белых лабораторных, намазав их порошком какао. Но крысы упоенно вылизывали друг друга и светлели к концу каждого дубля.

Так что съемки крысиной сцены пришлось перенести в Мадрид, поскольку кровожадные испанцы спокойно относятся не только к съемкам крыс, но даже к корриде.

Самым смешным в фильме для Отто были таблички на дверях советского консульства. Там было написано «ДЕРГАТ и ПИХАТ», наверное, имелось в виду «дергать и пихать». Отто немного знал русский.

— Я с детства собираю марки. У меня есть несколько ценных марок из СССР, — признался он, чтобы хоть как-то поддержать русскую тему, значимую для официанта.

Но парня совсем не интересовали марки.

— Дядя говорит: Антонио, ты не умеешь работать, только болтать языком, тебе надо было стать политиком или священником! Я бы стал политиком, синьор, но у меня не было возможности закончить школу, — пожаловался официант. — Дядя воспитывал нас братом с тех пор, как отца застрелили за контрабанду, а мама умерла от разрыва сердца.

— У тебя благородный дядя, Антонио, — вежливо ответил Отто.

— Вы-то сами-то откуда будете?

— Из Западного Берлина.

— Из западной части Берлина?

— После Второй мировой нас, немцев, разделили. Неужели ты ничего не слышал о Берлинской стене?

— Я видел что-то такое по телевизору. Но, может быть, это была Китайская стена? И как называют немцев, живущих в разных частях?

— Так и называют — западными и восточными немцами, —

вздохнул Отто.

Ликер был хорош, Отто любил все крепкие напитки с анисом, кроме абсента.

Абсент, придуманный швейцарскими сестричками Энрио и назначаемый их другом лекарем от всех болезней, требовал большой осторожности. Лекарь бежал от Великой Французской революции, где лучшим лекарством считалась гильотина, и предпочитал абсент с анисовым вкусом остальным медикаментам.

В старой подшивке газеты «Нью-Йорк таймс» Отто читал, что абсент в свое время стал «пороком прогрессивных женщин с надменным характером наравне с велосипедом и сигаретой». И что молодые француженки страдали циррозом печени чаще остальных потому, что пили абсент неразбавленным. Ведь корсет не позволял пить большими порциями, а до прихода в индустрию моды великой Коко Шанель они каждое утро утягивали тело шнуровкой.

В Алжире, где Отто прожил много лет, давно появились дешевые марки абсента, «спустившиеся» из бокалов богемы в грубые стаканы работяг. Напиток стал доступнее и вреднее.

А в некоторых странах он оказался в десять раз дешевле вина и превратился в настоящий яд, продаваемый в забегаловках без столов и стульев. Врачи говорили о наркотическом воздействии и неадекватном поведении любителей, но «абсентье» смеялись им в лицо.

В начале века швейцарский фермер, упившись абсентом, застрелил всю свою семью. И только после этого больше восьмидесяти тысяч человек подписали властям петицию с просьбой запретить напиток.

Вслед за Швейцарией задумалась Франция. Накануне великой войны 1914 года в палате депутатов прозвучало, что «пьющие пиво тевтонцы истребят пьющих абсент упадочных французов», а на улицах появились плакаты, на которых грудастая немка в остроконечной каске варила абсент «для врагов».

После 1915 года «винное лобби» добилось запрета жидкого наркотика во Франции, в Германии, Бельгии, Италии, Болгарии, США.

Отто любил историю, и, казалось, не было ни одной страны и ни одной детали, которую бы он не положил на полку огромной «библиотеки», уместившейся в его темноволосой бюргерской голове.

— Антонио, ты когда-нибудь пил абсент?

— А что это? — насторожился парень. — Это немецкое вино?

— Это ликер, похожий на вкус на то, что ты принес, только с наркотическими свойствами. Его долго запрещали к производству, а теперь понемногу возвращают в Европу. Абсент пьют в тесных французских ресторанчиках, где все так орут, что почти не слышат друг друга. А там, где он запрещен, подают похожий на него пастис с банановым сиропом или самбуку. — Отто посмотрел рюмку на свет. — В Греции есть узо с таким же анисовым вкусом. А в арабских странах — арак, который становится белым как молоко, если добавить в него льда. Но ваш «Варнелли» не уступает им всем, даже мягче и богаче оттенками.

— Я пил только самбуку. Синьор объехал весь мир! А я не был нигде, кроме нашей дыры и окрестных деревень, — расстроился парень. — Вы, наверное, архитектор или художник, раз учились в школе Данте Алигьери?

— Нет, я езжу по странам и продаю машины и химикаты для химчистки нового поколения — несу людям прогресс! А штаб-квартира нашей компании находится в Риме.

— Ездите по странам?

— Антонио, я бы, как и ты, сидел дома, если бы его не разрушили. Не мотался бы по свету и не засыпал каждый день на гостиничных простынях, — признался Отто. — Но я не могу видеть железобетонную уродину, делящую Берлин на Запад и Восток.

— Там, синьор, настоящая стена?

— Настоящая. И возле нее маленькая нейтральная полоска земли, говорят, ночью на ней танцуют тени погибших перебежчиков…

— Каких перебежчиков? — снова не понял Антонио.

— Представь, что твой Камерино разделили пополам. И на той половине остались родственники, друзья по школе, бывшие клиенты… и когда они пытаются перебежать к тебе, их расстреливают. А они просто не могут смириться с тем, что им больше не принадлежит весь Камерино!

— Бедные люди, я бы тоже не смог так жить, — покачал головой официант.

— Мне пора. Ариведерчи, Антонио! — Отто положил на стол деньги.

— Я всегда на месте, если понадоблюсь, — кивнул Антонио. — Вы меня огорчили историей про немцев, но знайте, теперь у вас в Камерино есть верный друг.

Отто улыбнулся и пожал парню руку. Он любил итальянцев с их детскостью, искренностью, порывистостью, забывчивостью и открытостью. Как говорится, для того, чтобы стать другом на севере, надо спасти человеку жизнь, а на юге достаточно дать

прикурить.

Дорогие светлые ботинки Отто утопали в дорожной пыли. Разрушенная церковь медленно приближалась к нему, а он медленно приближался к церкви. На улице было по-прежнему пусто, как бывает днем в маленьких итальянских городках.

Антонио оказался прав, местные устали жить среди остатков былой роскоши. Они ценили уникальные развалины церкви только в той мере, в которой она привлекала кошельки туристов.

Сегодня церковь не интересовала никого, кроме Отто. Он достал из сумки фотоаппарат, сфотографировал ее с разных ракурсов. Зашел внутрь. Мягкая поступь его шагов не разбудила дремавшую у входа пожилую нищенку, отчаявшуюся получить от туристов монетку.

Отто не наведывался в Камерино с тех пор, как закончил школу Данте Алигьери. И с раздражением отметил, как сильно разрушилась церковь за эти годы и что никто не задумывается, насколько еще хватит ее руин, хотя бы для привлечения туристов.

Потом споткнулся, сел на груду обвалившихся кирпичей, снял ботинок и вытряс из него натиравший ногу камушек. А когда выходил, кашлянул. Нищенка открыла глаза и окутала его профессионально слезливым взором.

Отто бросил монетку в ее жестяную банку от леденцов и вышел на улицу, чтобы сфотографировать церковь сзади.

Его пьянили изысканная пустая улочка, невероятно красивый профиль развалин, горный воздух и анисовый ликер «Варнелли».

Но Отто стряхнул все это, как абсентовое наваждение, и тихо сказал самому себе:

— Отпуск закончился, предстоит увлекательное и небезопасное приключение!

Глава вторая
МАЛАВИ, БЛАНТАЙР

Прежде Отто никогда не был в Малави. Не видел ее лесов, ежегодно восстающих из пепла после летних пожаров, устраиваемых лакированными пальмовыми листьями, сыплющими солнечных зайчиков в сухую траву.

Не сталкивался с буйством местных акаций, смоковниц, тунгов и жакаранды, не проезжал мимо зарослей тростника и папируса у болот, кишащих кровососущей нечистью. Не вдыхал сладости эвкалиптовых и свежести олеандровых рощ. Не ронял шляпу, задирая голову на пятнадцатиметровые мопане и баобабы.

Прежде Отто считал, что отлично знает и чувствует Африку, но только сейчас понял, что квинтэссенция Черного континента — его юг. Словно небесный диспетчер театрально преувеличил здесь краски, природу, богатства недр, энергетику земли и человеческих эмоций.

Блантайр считался финансовым и торговым центром Малави, здесь проживало около двухсот тысяч человек.

По дороге Отто был потрясен видом из окна машины — по сочно-зеленым лесам разгуливали львы, слоны, антилопы, зебры, жирафы, бегемоты, буйволы, двурогие носороги, дикие свиньи, леопарды. Словно дорога пролегала не по стране, а по многокилометровому зоопарку. Правда, и запах стоял как в зоопарке.

Отто выбрал отель с хорошей репутацией. Вид из окна, к сожалению, не напоминал вида из окна машины, а был простеньким эпизодом из жизни колонизаторской резервации.

Зато в номере стояла тяжелая старинная мебелью, обтянутая яркой местной тканью, ванная была оформлена в игривом стиле ванных комнат Людовиков, на полу лежали шкуры, а в антикварной фарфоровой вазе топорщились угрожающие желто-черные цветы.

Столы в ресторане хрустели безупречно накрахмаленными скатертями; а сигарная комната с мелкими околосигарными игрушками, в которые так любят играть богатые мужчины, словно целиком прилетела на самолете из Лондона.

О том, что ты в Африке, напоминал в отеле только рабский взгляд обслуживающего персонала. У черной прислуги в Европе взгляд был не такой.

Служащий за конторкой сразу же выдал Отто, как богатому постояльцу, приглашение в клуб для белых. Клуб располагался в

помпезном особняке. Все годы колонизации белые прятались в подобных клубах от буйной южноафриканской реальности, пытаясь вести привычный европейский образ жизни.

Они старались не обращать внимания на неожиданности малавийской политической ситуации 1979 года, считая ее играми дикарей, не пересекающимися с их комфортным бытом. Примерно как взрослые не обращают внимания на возню в детской, и не заглядывают туда, пока из щели не повалит дым или не раздастся громкий плач.

Проехав множество неспокойных африканских стран, Отто отчетливо понимал, что перестрелки ведутся настоящими, а не холостыми патронами. И рисковал только потому, что в горячих точках люди как-то особенно отчаянно покупали новые вещи, словно пытаясь схватить сегодня то, что завтра может им не понадобиться вовсе.

Как опытный коммерсант, Отто знал, что пятна крови лучше всего выводить с помощью машин — химчисток нового поколения. И начал в Блантайре с клуба для белых потому, что только такой клуб давал возможность сориентироваться, оценить местный рынок и завести полезные знакомства.

Он проводил в клубе целые дни и потихоньку становился своим. С ним начали здороваться, опекать и давать советы по продвижению химчисточного бизнеса, а это было главным условием успеха в незнакомой стране.

Вот и сегодня после переговоров с потенциальным покупателем Отто пришел в клуб в отличном настроении. Потенциальный покупатель хотел, чтобы его убеждали в необходимости новых машин химчистки и рассказывали историю чистой одежды с того самого часа, как в шестом веке до нашей эры финикийцы и галлы научились варить мыло из козьего жира и древесной золы…

Отто с удовольствием читал лекции по истории возникновения химической чистки, утешая себя тем, что если человек после этого не приобретает у него машину, то хотя бы получает полезные знания. Он много лет тренировал интуицию, но так и не научился определять реального покупателя с первой встречи.

Зайдя в клуб, Отто обошел столы для карточных игр и рулетку. Жужжание потолочных вентиляторов, стук стаканов у барной стойки, треньканье шарика рулетки, громкие разговоры на английском и немецком создавали полное ощущение Европы.

Отто выбрал столик, сидя за которым можно было видеть эстраду. Там за хорошо настроенным роялем сидел пожилой белый пианист в смокинге, а немолодая черная женщина

необъятных размеров в платье с блестками пела под Эллу Фицджеральд.

За столиком сидел полузнакомый англичанин. Здесь все были полузнакомы потому, что, даже долго живя в Малави, ощущали себя в этой стране проездом. Когда к столу подошла столь же полузнакомая Тиана, Отто с англичанином играли в карты.

Отто уже пару дней встречал в клубе эту хрупкую, изысканную европейку с копной каштановых волос. Тиане, видимо, уже было сорок, на которые она не выглядела. И в ее манере одеваться и вести себя неумолимо просвечивали лихие шестидесятые — время свободолюбия и раскрепощения.

Отто ни разу не видел Тиану в джинсах, но по жесту, которым она отбрасывала с лица пряди длинных распущенных волос, понимал, что студенческие годы она проходила в джинсах, бусах из бисера, с холщовой сумкой на плече и лозунгом «Make love, not war!».

Тиана игриво заглянула в его карты, наклонившись критически близко, обдала душным запахом местных духов, засмеялась и сказала по-английски:

— Зря вы, Отто, сели играть против англичанина! Немцы слишком серьезны и прямолинейны для карт. Они не умеют блефовать!

Она была очень женственной, что чуточку смягчало развязность. Впрочем, в белых клубах Африки собирался такой коктейль человечества, что, не зная биографии собеседника, было невозможно понять, где проходит граница между раскованностью и развязностью.

Особенно сложно это шифровалось у женщин, ведь кто-то из них прошел западную феминистскую революцию и демонстрации в защиту своих прав; а кто-то научился напору у пожилых черных женщин, не боящихся ни бога, ни черта.

Карты у Отто действительно были неважные. И он, не любивший проигрывать, решил отвлечь противника болтовней.

— Вы правы, Тиана. Картежники из немцев плохие, я рискнул сесть играть исключительно из своего природного упрямства, — согласился он по-английски.

— Зато немцам иногда удается обыграть Англию на футбольном поле. Правда, правила футбола придуманы для идиотов — кто забил больше голов, тот и победитель, — добродушно вставил англичанин, имя которого Отто не расслышал, когда его представляли. — Это, наверное, самое понятное, что мы, англичане, подарили человечеству!

— Снимаю шляпу перед народом, который триста лет

управлял Индией с населением в триста миллионов, послав туда всего триста тысяч человек. — Отто шутливым жестом приподнял несуществующую шляпу. — А вот у нас, немцев, блистательный блицкриг закончился позорным провалом. Назовите землю, на которую не ступала нога английского солдата или коммерсанта?

— СССР! — Англичанин поднял вверх указательный палец.

— Русских не побеждал никто, начиная с Наполеона. Европа пала к ногам Германии без боя, а русские задавили нас пушечным мясом и морозами. Ведь со стороны СССР погибло в пять раз больше солдат, чем со стороны Германии.

Отто дотошно изучал результаты войны.

— Вы, оказывается, совсем не патриот, — с иронией заметила Тиана.

— После фашизма стыдно считать себя немцем. Как говорил Эйнштейн: «Я пережил две войны, двух жен и Гитлера!» Первая мировая закончилась для нас частичным проигрышем и унижением, вторая — физическим и духовным разгромом. — Он отложил карты. — Я думаю, бог решил таким способом показать, что война — не призвание немцев. Призвание немцев — философия, литература, музыка, наука, искусство… все, что угодно, кроме войны.

— Вы углубились в политику потому, что расстроились от проигрыша? — попыталась снова кокетничать Тиана.

— Из меня плохой картежник. С гораздо большим удовольствием я поговорил бы о марках, но здесь, в Блантайре, ни одного клуба филателистов. Я сел играть не потому, что рассчитывал выиграть, а потому, что, когда сидишь спиной к певице, кажется, что это сама Элла Фицджеральд, — признался Отто.

А про себя вспомнил, как ходил с покойной женой на концерт Эллы Фицджеральд и Дюка Эллингтона, и как у нее горели глаза, и как она выстукивала в такт музыке по его коленке своей нежной рукой.

— Собираете марки? Мне казалось, что это занятие для маленьких мальчиков, — заметила Тиана презрительно.

Отто хлебнул кофе и кивнул:

— А я и есть маленький мальчик, и взрослею только тогда, когда говорю о работе.

— Знавал я в Лондоне старичка, который продал на аукционе марку за миллион фунтов! Причем какую-то бракованную! — Англичанин тоже отложил карты и, щелкнув пальцами, позвал черного юношу: — Кумбени, виски с содовой!

— Да, сэр! — откликнулся черный старательный Кумбени в ярко-красном национальном костюме и шустро побежал к барной

стойке.

Англичане захватили территорию Малави, считая, что несут на штыках прогресс и борются с работорговлей. Как всякие носители прогресса на штыках, они немедленно разделились на части.

Одна часть принялась выкачивать из страны ресурсы, а вторая — насаждать христианство. В результате в малавийском сервисе появилась масса черных, свободно говорящих по-английски и для получения работы объявляющих себя христианами.

— Бракованную? — удивилась Тиана и присела за столик.

— Наверное, это был «Маврикий». Первые марки Британской империи, выпущенные вне метрополии. Их напечатали с ошибкой в тексте. Мечта любого филателиста — хоть одним глазком глянуть на «Маврикия»! — вздохнул Отто.

О марках он мог говорить часами, а «Маврикий» означал для филателиста примерно то же, что Библия Гутенберга для букиниста. «Маврикиев» оранжевого и голубого цвета, с изображением профиля королевы Виктории, выпустили в конце девятнадцатого века. А слева от монаршего профиля напечатали «Почтовое отделение» вместо «Почтовый сбор оплачен».

— Я же говорю, занятие для маленьких мальчиков, — хмыкнула Тиана.

— Однажды к Эйнштейну подошла юная девушка и спросила, чем он занимается. Эйнштейн ответил: «Физикой». Девушка удивилась: «В вашем возрасте вы занимаетесь физикой?! А я закончила заниматься физикой еще год назад!» — попытался развеселить собеседников Отто.

— Сто раз слышала этот анекдот от мужа. Он тоже… был физиком. И поэтому наших домашних котов зовут Ньютоном и Эйнштейном.

Перед словом «был» Тиана взяла напряженную паузу. Отто положил карты, интерес к игре у него иссяк.

Англичанин предложил:

— Сделаем перерыв. Кумбени! Ты там уснул?

Черный официант подлетел со стаканом на подносе.

— И мне двойное виски со льдом, — заказал Отто. — Тиана, не выпьете с нами?

— От алкоголя у меня начинается приступ головной боли. — Тиана поморщилась. — Так почему бракованная марка стоила миллион?

— Кумбени, где мое виски? — рявкнул англичанин. — Знаете, что такое «поли-поли»? Это традиционный африканский менталитет! Дословно переводится, как «не спеша». Их боги

утверждают, что не надо никуда спешить, все, чему суждено произойти, и так произойдет!

— Несу, сэр! Вот ваш заказ! — услужливо пропел подлетевший Кумбени.

— Марки, о которых речь, были выпущены англичанином еврейского происхождения Джозефом Барнардом и обессмертили его имя в истории филателии! — провозгласил Отто. — Этот парень приехал на Маврикий зайцем…

— Маврикий — это остров возле Мадагаскара, оттуда в Англию везут сахарный тростник и моллюсков, — уточнил англичанин таким тоном, словно планета существует исключительно для поставок еды на столы британской аристократии.

— Барнард выпустил пятьсот марок, большинство из которых жена губернатора Маврикия приклеила на пригласительные открытки воскресных балов. И опечатка «Почтовое отделение» вместо «Почтовый сбор оплачен» вызвала переполох. Ходили слухи, что Барнард был слепым стариком. На самом деле этому проходимцу было чуть за тридцать!

— Все равно не понимаю, почему марка стоит миллион? — напомнила Тиана.

Отто посмотрел на ее красивые руки без маникюра, заметил у венки на запястье комариный укус. Вспомнил про новую мазь от комаров и москитов, взятую в путешествие. Подумал, что надо спросить, боятся ли ее местная муха цеце, скорпионы и термиты.

— Потому, что филателия чуть ли не единственная область, в которой дорого платят за брак. Историкам удалось доказать, что надпись была преднамеренной, поскольку марки с такими же надписями вышли в Америке на несколько месяцев раньше! — ответил Отто, смакуя виски.

Тиана была хороша собой, но уж слишком активно брала быка за рога, а Отто любил входить в отношения с женщиной по самостоятельно выстроенной схеме.

Впрочем, одна ее фраза сильно заинтриговала…

— А через двадцать лет в сюжете с «Маврикием» снова появились шаловливые женские ручки! Шерше ля фам! — улыбнулся Отто. — Жена бордоского купца, копаясь в бумагах мужа, нашла марки и смекнула, что их можно хорошо продать. Они пошли по рукам коллекционеров, пока не оказались у знаменитого Феррари. И тот организовал продажу на аукционе в 1921 году. Так «Маврикий» приобрел королевский статус!

— У вас тоже есть марки стоимостью миллион? — подняла натуральную бровь Тиана.

Надо сказать, Отто терпеть не мог женщин с выщипанными

бровями.

— У меня скромная коллекция. Я коллекционер из любви к маркам, а не ради корысти. — Отто покопался в дорогом желтом кожаном портфеле, извлек оттуда лупу, пинцет и альбом в потертой кожаной обложке. После этого бережно, как кошка, переносящая за шкирку котенка, достал пинцетом с разных страниц альбома две маленькие марки и весело посмотрел на собеседников: — Найдите сходство и отличия между мужчинами на этих двух марках!

— Родезия. «Британская Южно-Африканская компания». Один фунт. Это портрет английского короля с супругой, — сказал англичанин, разглядев первую марку в лупу.

— Верно. Это Георг Пятый с супругой Марией. Выпущена в 1910 году в честь его коронации. А теперь вторая марка?

— Незнакомый язык. Это тоже Георг, но в другом возрасте, — неуверенно ответил англичанин.

— Ваша версия, Тиана?

— Я согласна с Джорджем, — сверкнула та глазами. — А язык, возможно, русский.

— Русский. Но на второй марке последний русский царь Николай Второй, расстрелянный коммунистами. Это марка 1913 года из серии «К 300-летию Дома Романовых» номиналом 5 русских рублей, — пояснил Отто.

— Но ведь это одно лицо! — удивилась Тиана.

— Они кузены. И вместе воевали в Антанте против нас, немцев, в Первую мировую. А германскую армию возглавлял король Вильгельм, который тоже был их кузеном! — засмеялся Отто.

— Получается, что история Европы всего лишь семейная драма, — покачал головой англичанин.

— Стыдно, что я не знала о родстве Георга и Вильгельма, знала только о родстве Николая и Вильгельма, — со значением заметила Тиана. — Ведь они вместе пытались помочь бурам, когда их уничтожали англичане.

— Британцы уничтожали не буров, а рабовладение на юге Африки, — уязвленно ответил англичанин. — И Вильгельм поддержал действия британцев. Особенно после того, как мы уступили Германии спорные острова в Тихом океане!

— Вы, англичане, боролись с рабством так, что первыми в мире создали концентрационные лагеря и применили тактику выжженной земли! — вспыхнула Тиана и встала.

— Не женское дело — обсуждать ведение войны, — усмехнулся англичанин.

— Объясните туристу, что вы так агрессивно обсуждаете? —

взмолился Отто. — Тиана, сядьте, пожалуйста!

— Вероятно, миссис из буров, — ответил англичанин с непонятной интонацией. — И потому обожает небылицы своего дедушки!

— Миссис из буров, но изучала историю в Европе! И презирает тех, кто либо не знает ее, либо намеренно лжет! — Тиана взяла в руки сумку.

— Но вы ведь не бросите меня из-за разных оценок Англо-бурской войны? Предлагаю выпить за мир! — предложил Отто и крикнул: — Кумбени! Ты опять спишь стоя, как лошадь?

Кумбени подбежал к столику с очень странным выражением лица.

— Кумбени, что? Опять землетрясение или повстанцы? — с тревогой спросил англичанин.

— Нет, сэр! То есть да, сэр! Но сегодня они сюда не ворвутся! — суетливо закивал парень, прижимая к груди пустой поднос.

Отто предупреждали, что Малави — одна из самых сейсмоопасных стран Африки, да еще со шквальными ветрами по имени «мвера», летящими с Индийского океана вместе с жуткими грозами и водяными смерчами. Что в качестве компенсации за экстремальность климата природа щедро делится с населением полезными ископаемыми, предлагая чуть ли не всю таблицу Менделеева. Вплоть до урана.

Правда, все, что добывается, достается заезжим европейским жуликам. А местное население по-прежнему живет в хижинах из высушенного ила, покрывает их соломой из сорго, работает на земле, лепит горшки без гончарного круга, режет по мыльному камню и слоновой кости, плетет циновки и корзины из пальмовых листьев и тростника и ткет из хлопка местную ткань «каллико».

Но о том, что повстанцы врываются прямо в клубы для белых, Отто не предупреждали. Он быстро посадил марки в прозрачные кармашки альбома, спрятал альбом в желтый портфель и щелкнул замком.

— То, что они не ворвутся, тебе гарантировал деревенский колдун? — повысил на официанта голос англичанин.

И тут в паузе между куплетами местной Эллы Фицджеральд, Отто отчетливо услышал выстрелы и увидел обращенные к нему с мольбой глаза Тианы.

— Они не ворвутся, сэр! Хозяин усилил охрану! — замотал головой Кумбени. — К тому же я не хожу к колдуну, я протестант, сэр. Иначе меня не взяли бы сюда работать!

— Чего хотят эти повстанцы? — спросил Отто.

— Они здесь всегда воют, а сейчас упали цены на табак и чай

или что-то в этом роде, — махнул рукой англичанин. — И их диктатор Хастингс Банда — точно такой же папуас, как этот Кумбени!

— Не такой же, он получил в Америке степень бакалавра философии и исторических наук! А еще окончил медицинский колледж Мехарри! — возразила Тиана тоном, подчеркивающим невежество собеседника, и села за стол.

— Перестаньте! — махнул рукой англичанин. — Черный, получивший образование, все равно не становится белее! Ноги бы моей здесь не было, если бы не их дешевый сахарный тростник!

— Согласен с вами. Не понимаю, как здесь живут? Просто каменный век! — поддержал его Отто. — Я предлагаю самые современные машины-химчистки, работающие на фторхлористых углеводородах! А они отказываются и при этом чистят дорогую одежду керосином, после чего отправляют ее на помойку! Мне, как немцу, непонятна подобная логика. — И стряхнул микроскопическую пылинку со своих белоснежных брюк.

— Еще бы, у немцев «Ordnung muss sein» — «Порядок превыше всего», — засмеялся англичанин.

— Зря смеетесь! Благодаря немецкому национальному характеру мы быстро пришли в себя после Второй мировой, восстановили города, подняли экономику! — напомнил Отто. — А здесь, на юге Африки, люди живут вне цивилизации. Спросите хоть этого Кумбени, представляет он, что происходит в мире? Знает ли, что человек полетел в космос? Слышал ли о том, что такое атомная бомба?

— А вы большой специалист по атомным бомбам? — с вызовом посмотрела ему в глаза Тиана.

— Нет. Я большой специалист по тому, как чистить мех, кожу и замшу, не разрушая цвет и рисунок ткани! — обезоруживающе улыбнулся Отто. — Можете думать, что я тупой немецкий коммивояжер, но я готов доказать, что нация, которая пользуется современной химчисткой, — это нация, за которой будущее!

— Отто, все-таки вы совершеннейший мальчишка, — покачала головой Тиана. И бросила на него долгий многообещающий взгляд, который пообещал бы еще больше, если бы дверь бара с грохотом не распахнулась и внутрь не ворвались несколько орущих на своем языке повстанцев.

Один из них начал ожесточенно палить по зеркалам, а остальные — по потолку и окнам. Певица завизжала голосом напуганной Эллы Фицджеральд и спряталась за роялем, который никак не мог скрыть ее объемные формы.

Пианист бросился на пол и прикрыл голову крутящимся табуретом от рояля. Кумбени, закрываясь подносом, начал что-то

кричать повстанцам на своем языке. Англичанин проворно метнулся в туалет. Но при этом люди, сидевшие за рулеткой, не двинулись с места, а привычно подняли руки вверх и продолжили игру.

Все это Отто видел боковым зрением, потому что в момент появления повстанцев автоматически сгреб Тиану в охапку, практически взлетел вместе с ней за массивную дубовую барную стойку, а приземлившись, накрыл ее своим телом.

Глава третья
БЛАНТАЙР. КЛУБ ДЛЯ БЕЛЫХ. ПРОВОДЫ

Прячась за стойкой, Отто и Тиана отчетливо слышали стрельбу, удары дерущихся, грохот падающей мебели, крики на разных языках. По интонации все это больше походило на импровизированную акцию устрашения, в которой нападающие пугали чуть больше, чем запланировали, а жертвы пугались чуть меньше, чем предполагала их безопасность.

На спину белого пиджака Отто сыпались осколки стекла и летели брызги алкоголя, кто-то из повстанцев с подростковым наслаждением палил по бутылкам на барном прилавке.

Градус конфликта постепенно понижался, а потом, судя по шуму, в зал влетела толпа полицейских. Глаза Тианы были совсем близко, кокетство в них сменилось неподдельным ужасом. И Отто подумал, что без позы завоевательницы она значительно привлекательнее.

— Все в порядке, сэр! — Радостный Кумбени с поцарапанной щекой, наконец, свесился за стойку. — Можно выходить! Все безопасно!

Отто посмотрел в недоверчивые глаза Тианы и сказал:

— Кажется, обошлось… — Встал, подал ей руку, отряхнулся. — Кумбени, еще одно виски с содовой! — И бросился проверять, все ли в порядке с портфелем.

— Мне тоже виски с содовой! — жалобно попросила Тиана, поправляя платье.

— Ваш столик! — Кумбени торопливо смел полотенцем осколки стекла со столешницы и схватил пепельницу, в которой еще дымился окурок, брошенный Отто до прыжка за барную стойку.

Официанты за соседними столиками делали то же самое такими же привычными жестами.

— Обратите внимание, сэр! Ни одного рикошета! Это наша местная особенность, ведь стены и потолок из пробки! Повстанцы это знают! — заговаривал зубы Кумбени. — Уже несу виски! Ваш сосед покинул туалет и ушел, как только вошли полицейские, но не просил ничего вам передать!

— Повел себя как истинный джентльмен, — попробовал пошутить Отто, но Тиана не смеялась, она была бледна как полотно.

Бармен выскочил из подсобки, привычным жестом выхватил уцелевшие бутылки и начал очень быстро разливать напитки по уцелевшим бокалам, так что Кумбени прибежал с подносом через полминуты. Было даже странно, что он умеет так быстро обслуживать.

— Почему охрана дрыхнет, как мухи, напившиеся соком маракуйи? — прикрикнула на него Тиана.

Отто отметил, что пальцы у нее все еще дрожат.

— О нет, мэм! Они связались с полицией по уоки-токи! — убеждал Кумбени. — Никто не думал, что повстанцы выломают дверь! Они всегда лезли через окна, но теперь хозяин приказал укрепить окна пуленепробиваемой смесью!

В «укрепленных» окнах не было половины стекол, и вентиляторы не справлялись с потоками душного воздуха.

— И сколько из них спасла эта смесь? — криво усмехнулся Отто. — Посоветуй хозяину купить пуленепробиваемую смесь для окон у другого колдуна! Если бы они прострелили мой альбом с марками, я объявил бы Малави войну!

Ему совершенно не нравилась перспектива погибнуть от шальной пули куражащихся повстанцев. С возрастом Отто все меньше и меньше жаждал подобного адреналина.

Пожилой белый пианист встал с пола, поправил пробор, тренькнул по клавишам; и певица, одергивая и оглаживая юбку мощными черными руками, низко запела:

— Summer time…

Отто был не только немцем, но и специалистом по чистой одежде, и белый летний пиджак в осколках стекла и разноцветных липких пятнах ликеров выводил его из себя. Он снял его, встряхнул, свернул и спрятал в портфель, обнажив мощный торс, обтянутый светлой тенниской. Вызвал такси и подвез Тиану до ее отеля. И все никак не мог распрощаться, стоя на крыльце отеля.

— Я не понял, почему этот официант — как его? Кумбени? — совсем не боится повстанцев? — спросил Отто.

— Возможно, они родственники… или их деревни дружат. У них практически первобытнообщинный строй. Повстанцы ненавидят белых потому, что здешний диктатор Хастингс Банда учился в США, — напомнила Тиана. — Они врываются куда ни попадя потому, что кровь кипит. Могут расстрелять первого попавшегося, особенно если пьяные или под наркотиками…

— Если б не эти черные психи, Блантайр был бы похож на маленький английский город, — заметил Отто.

— Вы вели себя как герой! Не ожидала такого от продавца химчисток! — Тиана подняла на него обожающие глаза.

Отто сдержанно ответил:

— Я немец и помню, что такое люди с автоматами. К тому же долго жил в Алжире в очень горячий сезон!

— Алжир — это северная страна?

— Тиана, для нас, немцев, северная страна — Исландия, а Алжир — страна на севере Африки!

— В Алжире красиво? — спросила она в интонации «увези меня туда».

— Очень красиво. Нигде в мире нет таких старых кварталов, как в Касьбе. Кажется, что там родились все арабские сказки. Именно в Алжире я потерял самое дорогое…

— Что? — насторожилась Тиана.

— Жена умерла при преждевременных родах. Мы не рассчитали сроки и поехали по моим делам в глубинку, почти в пустыню. Оказались в дороге без нормальной медицинской помощи… А надо было отправить ее рожать в Германию.

— Сочувствую, — прошептала Тиана.

— Но я не мог отправить ее одну в Германию, — добавил Отто.

Повисла пауза, наполненная баюкающим жужжанием насекомых. Отто вспомнил о хозяйке малавийских просторов, переносчице мучительной сонной болезни, — мухе цеце. Ведь он не намазался специальной мазью.

Вся надежда была на полосатую тенниску: муха цеце нападает на любой движущийся теплый предмет, даже на автомобиль, но не трогает зебру. Создатель специально раскрасил зебру так, чтобы муха цеце считала ее мельканием черных и белых полос.

— Я вас понимаю…

— Мой отец воевал с коммунистами и был убит. Мама погибла во время бомбежки. Это выталкивает меня из Германии, — пояснил Отто. — Наверное, поэтому я выбрал работу, которая заставляет мотаться по свету.

— Как говорят в ЮАР, мудрость приходит вместе со шрамами.

— А где ваш муж?

Снова повисла пауза. Тиана открыла сумочку и начала в ней сосредоточенно копаться, словно ответ был именно в сумочке. А потом закрыла ее, с остервенением щелкнув замком.

— Полагаю, в аду, — сказала она без всякого сожаления и сделала рукой неопределенный жест. — Он исчез…

— Вы расстались?

— Нет. Он просто вышел из дома и не вернулся.

— Повстанцы? — нахмурился Отто.

— Нет. — Она покачала головой. — До этого была попытка убить его в автокатастрофе, но не получилось.

— Откуда вы знаете? — удивился Отто.

— Я была за рулем… — совсем без эмоций ответила она.

— За что?

— За то, что в отличие от вас он кое-что понимал в атомной бомбе. С тех пор я предпочитаю мужчин, которые в ней не понимают! И больше не будем об этом. — Она переменила интонацию на дежурную: — Долго пробудете в Блантайре?

— Пока ничего не складывается. Несмотря на мое упрямство, рассказы о растворителях пятен, безопасных для здоровья, оставляют их равнодушными! В Европе появилось поколение веществ негорючих, как перхлорэтилен, и чистящих так же мягко, как бензин… — почти рекламным тоном начал он, но осекся. — Но за неделю пребывания здесь у меня всего один бонус.

— Какой?

— Запах ваших волос… когда мы лежали за барной стойкой. Я тогда подумал: неужели моя жизнь оборвется в объятиях такой красивой женщины? Мы, немцы, очень романтичны.

— Отто, ну в каких объятиях? Вы швырнули меня за стойку, как мешок с одеждой в вашей химчистке! — Она наконец улыбнулась.

— Было мало времени на хорошие манеры. А вы надолго в Блантайре?

— Завтра уезжаю в Йоханнесбург.

— Я сразу понял, вы скучающая миллионерша-путешественница.

— Неужели похожа? — Она снова улыбнулась.

— Хотите, расскажу вашу биографию? Вы учились в американском университете, ходили на демонстрации, посещали феминистские кружки, сочувствовали хиппи, ненавидели кружевные блузки, выбрасывали косметику и рассуждали о сексуальной революции под бокал мартини, — перечислил он. — Короче, поколение «Секс, наркотики, рок-н-ролл». А потом в вас влюбился такой же бунтующий миллионер. Угадал?

— Кое-что угадали, — кивнула она.

— Я всегда побаивался таких женщин. Немецкому бюргеру понятнее женщина трех «К» — «киндер, кюхен, кирхе». И в клубе вас побаивался, пока они не ворвались. А когда ворвались, увидел, насколько вы беззащитны. — Отто сделал паузу и поменял тему: — Вы, наверное, уже осмотрели здесь все достопримечательности? Что посоветуете?

— Обязательно посмотрите озеро; говорят, в нем водится пятьсот видов рыб! Конечно, водопад Мерчисон, национальный

парк. Мужчины едут сюда для охоты на крокодилов. Местные организуют ее за небольшую плату, у них даже есть поговорка: «Мы вынуждены выбирать между крокодилами и людьми».

— Не люблю охоту. Нечестно соперничать с животным, когда у тебя оружие, а у него только желание жить. А на озеро съездил бы с удовольствием. Составите компанию?

— Нет, — жестко отказалась Тиана. — Я приехала к местному колдуну, а не осматривать красоты.

— К колдуну? — От неожиданности Отто чуть не выронил портфель с любимыми марками.

— Он по национальности чева. Надевает пестрые тряпки, впадает в транс, кричит заклинания и поит меня варевом из трав. Самое удивительное, что после этих спектаклей надолго проходят приступы головных болей. — Она доверительно посмотрела ему в глаза и добавила: — В той автокатастрофе я отделалась черепно-мозговой травмой.

— Колдуны, крокодилы… Слишком много экзотики! Хотите, найду вам хорошего немецкого врача?

— Европейские врачи мне не помогают. Уже попробовала. — Тиана пожала плечами.

— Тогда позволю себе спросить, что вы так нервно обсуждали с англичанином?

— Мы, буры, ненавидим англичан. Это не люди! — Глаза ее снова засверкали. — В Европе никому не интересно знать, что они тут творили! Они расстреливали без суда, держали пленных в скотских условиях, морили голодом, закалывали штыками обессиленных, не оказывали медицинской помощи, умерших вытаскивали из тесных камер только тогда, когда тела начинали разлагаться!

— Но ведь это уже история, — осторожно заметил Отто.

— Это история для вас, европейцев. А для меня это жизнь моего деда и его братьев! Потому я и пошла изучать историю! Об этом напоминает все, что англичане сделали в ЮАР. Все, что они изуродовали под свои порядки, даже сделали наше движение левосторонним! — пояснила она взволнованно и сменила тон на более официальный: — Отто, раз вы мой спаситель, приглашаю вас в Йоханнесбург на ужин. Ведь вы приедете туда продавать машины-химчистки?

— Да, и очень скоро!

— Вот моя визитная карточка. Обещаю немецкую свинину с тушеной капустой! И конечно, пиво! — усмехнулась она.

— Так заманивают тупых продавцов растворителей пятен? — заметил Отто.

— Ах да, забыла… Еще обещаю к ужину пластинку Эллы

Фицджеральд!

Глава четвертая
ЙОХАННЕСБУРГ, ЮАР. УГО

Приезд в Йоханнесбург Отто не стал откладывать. Население Малави не жаждало ходить в одежде, почищенной химчистками нового поколения. Вещи с неотстирывающимися пятнами отдавали деревенским прачкам. И те — не интересуясь «поколением веществ негорючих, как перхлорэтилен, и чистящих так же мягко, как бензин» — спасали их местной травой или горячей молитвой. Ровно в половине случаев трава и молитва не давали результата, и дорогая европейская одежда отправлялась в мусорный бак, откуда ее радостно забирали черные бедняки и перешивали на свой лад.

С точки зрения продажи химчисток, ЮАР выглядела перспективнее. И население там было во много раз больше, чем в Малави, и оно, несмотря на людоедский режим апартеида, кишмя кишело западными дельцами в дорогих костюмах.

Город Йоханнесбург выглядел таким же безумным, как и вся его история, начавшаяся с австралийского авантюриста Харрисона, накопавшего золота на территории поместья Ланглахте аж в 1886 году. После чего коллеги Харрисона бросились сюда со всего мира, и город возник как жилые кварталы, построенные для золотоискателей.

Отто поселился в самом центре Йоханнесбурга. Он предпочитал буржуазные отели со старинными, чуточку вытоптанными коврами, манерной антикварной мебелью и медленными деревянными лифтами.

И не сосчитать, во скольких номерах он просыпался по зову будильника, с напряжением вспоминая, что же за страна сегодня за окном. Все эти временные жилища давно слились для него в один среднеарифметический просторный уютный номер, столь же равнодушный, сколь и гостеприимный.

Нынешний отель, к сожалению, был новым, а номер неброским и вполне функциональным. Пожалуй, в нем не было ничего примечательного, кроме висящей над двуспальной кроватью кроваво-красной картины, на которой был изображен букет цветов.

С точки зрения искусствоведческих знаний Отто, картина была стопроцентной мазней местного авангардиста, расковавшегося после учебы в Европе.

Впрочем, если бы не она, то современная бледная мебель, стены анемичного цвета и унылые жалюзи напоминали бы

интерьер больничной палаты.

Отто приехал в логово беснующегося апартеида за заказами на химчистки. И его ни на секунду не волновала местная политика, самым громким событием которой была недавняя смерть в тюрьме основателя движения «Черного самосознания» Стивена Бико.

Отто меньше всего занимало происходящее в юаровских тюрьмах. Он почти ничего не знал о лидере борьбы с апартеидом, информация о котором передавалась местным населением из уст в уста.

А меж тем, почетный президент «Собрания темнокожих» Стивен Бико, исключенный из местного университета за пропаганду политических взглядов, и при жизни находился под жестоким надзором власти. Ему было запрещено покидать город, разговаривать более чем с одним человеком и публично выступать.

Его не разрешалось цитировать как в печати, так и в устной речи. Но именно цитаты Стивена Бико сыграли решающую роль в организации молодежных протестов против введения обязательного преподавания всех школьных предметов на языке африкаанс.

Африкаанс, являвшийся до начала XX века диалектом нидерландского, был языком белых завоевателей. А местное население разговаривало и хотело учиться на языках ндебеле, коса, зулу, сесота, тсвана, свази, венда и тсонга.

Молодежные протесты были жестоко подавлены полицией, а власти начали охоту на Бико. Его арестовали по подозрению в терроризме, по статье, дававшей тюремщикам любые полномочия. После допросов и пыток Бико был перевезен в тюрьму Претории и тут же скончался в тюремном лазарете.

Министр юстиции ЮАР объявил, что причиной смерти Стивена Бико стала политическая голодовка, но экспертиза показала, что это результат черепно-мозговых травм.

Народные волнения после убийства Бико были жестоко подавлены, а организации, выступающие против политики апартеида, запрещены. Именно тогда Совет безопасности ООН и ввел эмбарго на ввоз и продажу оружия ЮАР.

Как добропорядочный немец и христианин, Отто, безусловно, осуждал апартеид, но как делец радовался отсутствию конкурентов. Смерть Стивена Бико в тюрьме Претории была для него чем-то из телевизионных новостей, а не из реальной жизни.

Отто понимал, что в такой сумасшедший дом, как ЮАР 1979 года, едут только по-настоящему рисковые парни. Поле для бизнеса казалось огромным, ведь прежде на землю ЮАР не

ступала нога торговцев химчистками.

Размышляя об этом, Отто решил рискнуть по-крупному — нанять самолет, чтоб развозить химчистки нового поколения по всей стране.

С одной стороны, черные повстанческие группы могли продырявить этот самолет не только по идеологическим соображениям, но и из чистой любви к пальбе по движущимся предметам.

Но с другой стороны, это все равно было меньшим риском, чем автомобильные путешествия по африканским дорогам, проложенным среди полей и прорубленным среди джунглей. Местные предупредили, что на подобных маршрутах к непредсказуемости повстанцев может прибавиться аппетит животного мира.

Идея самолета ласкала мальчишеское воображение Отто. Появление торговца новыми химчистками с неба само по себе выглядело как реклама технического прогресса и гармонично сочетало немецкую страсть к машинам и театральности.

Отто дал объявление с анкетой в местную скандальную газету «Citizen» о том, что ищет пилота с опытом работы в экстремальных условиях. И в ответ на объявление почтальон принес ему мешок заполненных анкет от самых невероятных людей. Судя по ответам, большинство из них видели самолет только в кино.

Перечитывая страницы, заполненные корявыми почерками суперменов и тех, кто хотел бы ими казаться, Отто выбрал немца примерно своего возраста, позвонил ему и назначил встречу в баре отеля.

Пилота звали Уго Ластман. Это был крепкий, сдержанный блондин невысокого роста. Говорят, высоким неудобно долго сидеть в кабине самолета — устают ноги. Глаза у Уго были стальными и по цвету, и по выражению.

Отто шокировали коротковатые брюки пилота и летняя обувь на босу ногу. Он считал пляжный стиль одежды на деловых переговорах дурным тоном, но сделал вид, что не обратил на это внимания, и протянул руку для крепкого рукопожатия.

Когда сели за барную стойку, Уго заказал кофе.

— Может, чего-нибудь покрепче? — спросил Отто.

— Господин Шмидт, я — военный летчик и предпочитаю летать и обсуждать дела на трезвую голову, — резковато ответил Уго. — Из вашего объявления в газете я не понял, для чего вы ищете пилота?

По его интонации Отто стало ясно и то, что парню очень нужна работа, и то, что у него проблемы с алкоголем.

— А я, пожалуй, выпью виски с содовой! На меня плохо действует здешний климат, — приветливо улыбнулся Отто и закурил. — Тем более есть повод: не каждый день встречаешь в Йоханнесбурге западного немца. «Hier sind wir unter uns», в смысле «здесь все свои»!

— Я не западный немец, а просто немец. Родился здесь в тридцать девятом, — холодно уточнил Уго.

— Думаю, любой немец нашего поколения предпочел бы родиться здесь, а не в Германии, — доверительно заметил Отто и кивнул бармену: — Виски с содовой!

— Еще бы! Моих родителей занесло в Йоханнесбург предчувствие беды. — Голос Уго немного потеплел. — Они уехали из Германии до прихода Гитлера к власти.

— Можно только позавидовать… — вздохнул Отто.

— Тем более, что мой дед по матери — еврей. Он к тому времени уже умер, но отец, слава богу, переселил маму поближе к зулусам и подальше от газовых камер. — В понимании гитлеровских нацистов внешне Уго совсем не был похож на еврея, скорее на истинного арийца. — Здесь немецкая диаспора дружит с еврейской. Это у вас в Германии свой — чужой, а здесь по-настоящему «все свои»!

— В стране апартеида?

— Господин Шмидт, никто не имеет права наставлять ЮАР с позиции старшего брата! Со Второй мировой прошло слишком мало времени, чтобы немцы учили других, как правильно жить! — Уго снова перешел на крайне нелюбезный тон.

— Мои родители не были нацистами и спасли несколько еврейских семей. Отец воевал с коммунистами и был убит. Мама погибла во время бомбежки. Мне было одиннадцать, и я тоже бы погиб, если б меня не отправили к дяде в Берлин. Так что я не готов брать на себя вину Гитлера! — не менее жестко ответил Отто, понимая, что пора переходить к теме встречи.

— Извините, не хотел обидеть, — потупился Уго. — Я сам военный пилот и не вижу, на кого сбрасываю бомбы.

— Как раз хотел об этом! Неловко нанимать военного пилота на такую приземленную работу, но нужен профессионал высочайшего класса. — Отто сделал паузу, понимая, что придется уговаривать.

— Высочайшего класса? — хмыкнул Уго, намекая на то, что Отто разбирается в пилотах, как свинья в апельсинах.

— Бизнес нашей фирмы — химчистки нового поколения. У нас отлично идут дела на африканском континенте, но есть места, до которых можно добраться только самолетом.

Повисла пауза, заполненная звоном стаканов, которые мимо

них на деревянном подносе пронес черный официант.

— Вы это серьезно? — Стальные глаза Уго потемнели от обиды. — Вы приглашаете военного пилота впаривать какую-то европейскую дрянь? Вы хоть прочитали в анкете, в скольких боевых операциях я участвовал?

И он решительно встал с табурета у стойки бара и стал копаться в кармане брюк, чтобы демонстративно расплатиться за кофе.

— Сядьте! Вы упрямый человек, но я тоже не подарок! Ваше унижение будет стоить очень больших денег! — остановил Отто почти приказным тоном. — Я не предполагал услышать от человека с такой биографией ничего иного. Но выбрал из сотни анкет вашу потому, что только вы сможете летать над джунглями, кишащими вооруженными черными!

Уго перестал копаться в карманах и посмотрел высокому Отто в глаза исподлобья.

— Могу только извиниться, что за этот гонорар не предлагаю вам убивать людей! В нашем бизнесе клиент всегда прав, а в вашем бизнесе клиент всегда виноват! — Отто умел деморализовать собеседника, иначе ему не удавалось бы так ловко заключать договоры.

Уго продолжал хмуро смотреть на Отто, но не двигался с места. Выдержав длинную театральную паузу и точно определив точку ее финала, Отто чуть сентиментально хлопнул окаменевшего Уго по плечу.

— Послушай, парень, нас, немцев, раскидало по всему свету! Что нам теперь делить друг с другом? Мне не важно, захочешь ты работать со мной или нет, у меня целый мешок анкет, я просто приглашаю выпить со мной!

В ответ на мат, поставленный в один ход, на лице Уго отразилась вся гамма раздражения, обиды, недоумения и растерянности.

Он мотнул головой, набрал полные легкие воздуха и выдохнул:

— Согласен!

И было совершенно не понятно, согласился он пить или летать с химчистками на борту.

* * *

Уже под вечер, набравшись по самые брови, они сидели в любимом гриль-баре Уго «Radium Beer Hall». Дым щипал глаза и смывал облик посетителей до силуэтов, а Отто и Уго болтали,

перебивая друг друга, и гасили сигареты в недоеденное куриное филе в остром соусе «пири-пири» с помидорами и чесноком.

Название старейшего пивного зала Йоханнесбурга «Radium Beer Hall» переводится как «Пивной зал радий». Какое отношение к этому имел радиоактивный химический элемент, открытый Склодовской-Кюри, так и осталось для Отто загадкой.

Стены благородно пестрели фотографиями довоенных футбольных команд, старинных плакатов и газетных вырезок. А джазовый коллектив, состоявший из отличных музыкантов, заставлял вибрировать затоптанный пол и оловянный потолок.

Отто отметил про себя, что если сюда ворвутся повстанцы, то оловянный потолок не погасит звуков выстрелов, как пробковый потолок в Блантайре.

Этому местечку было много лет, оно открылось в начале века как чайная, но было известно всему городу в качестве «shebeen» — адреса подпольной продажи алкоголя черным, ведь закон ЮАР запрещал им пить напитки белого человека.

Впоследствии заведение приобрело лицензию на вино и солод, а в 1922 году известная шахтерка пламенной речью призвала бастующих шахтеров принять участие в Восстании на Рифе. Она стояла прямо на стойке бара, говорила и размахивала тяжелой киркомотыгой. Именно такой запечатлела ее на века фотография, висящая на стене возле столика Отто и Уго.

Со временем бар купил известный футболист Джо Барбарович и сделал одним из самых престижных мест в городе. Так что Отто и Уго с трудом отыскали свободный столик.

— Они повезли меня на пикник в джунгли… Представляешь? В хижину из прутьев… Говорят, ты ночуешь здесь, мы — в соседней, а черные будут охранять от хищников! — рассказывал Отто, пьяно жестикулируя. — Кладу на рюкзак бритву и ремень. Утром просыпаюсь, чувствую, кто-то рядом. Смотрю, два павиана. А на бритве и пряжке ремня играет солнышко, и они блестят. Павианы видят, что я открыл глаза, один хвать бритву, а другой — ремень с пряжкой! И прыг на верхушку пальмы! Представляешь? И я неделю ходил из-за них небритый, и с меня падали штаны!

И они дуэтом захохотали тем грубым смехом, которым смеются в пивных плохо контролирующие себя мужчины.

— Кто ж кладет вещи там, где есть эти мерзкие твари? Мы в Гвинее жрали жареных обезьян и запивали джином! — Под воздействием алкоголя глаза у Уго превратились из стальных в нежно-серые. — А потом трахали местных девок! Главное было убежать, пока не появится их родня из деревни! Клянусь, если не убежишь, тебе отрежут сначала яйца, а потом голову! А когда я

воевал во Вьетнаме…

— Ты воевал во Вьетнаме? — удивился Отто. — Ты же не американец!

— Меня наняли австралийцы, как союзники американцев. Я же не тупой янки, чтобы рисковать жизнью за идею борьбы с коммунизмом! Только за большие деньги!

— Знаешь, что такое частная надпечатка?

— Нет, — помотал головой Уго.

— Это когда человек наносит на марку штамп с информацией, чтобы, пока письмо идет, эту информацию видели люди. Я видел в филателистическом журнале марку, на которой во время войны во Вьетнаме одна американка ставила частную надпечатку с лозунгом «Pray for war!»

— Австралийцев было больше всех среди американских союзников, — бубнил Уго, пропустив мимо ушей филателистический пассаж. — Их много погибло, человек пятьсот или около того. Не понимаю, зачем они полезли к узкоглазым. В Австралии мало хороших военных пилотов…

В пивной было так шумно, что они с трудом слышали друг друга и потому громко орали.

— Хороших пилотов везде мало! Мне повезло, что ты прочитал объявление в газете! — Отто хлопнул Уго по плечу.

— Даже не представляешь, как тебе повезло! В моей жизни, Отто, было такое… Что я сам себе боюсь это сказать, не то что тебе! — Уго оглянулся и приложил палец к губам, словно кого-то в баре занимала их пьяная болтовня.

— Не говори, если боишься! — Отто приобнял его за плечи. — Понимаешь, сто анкет бывших пилотов пришло в ответ на мое объявление в газете. А я выбрал тебя из ста претендентов!

— Бывших пилотов не бывает! — Уго резко снял его руку со своего плеча.

— Прости, неправильно сказал… хотел сказать, демобилизованных военных пилотов! Я выбрал тебя потому, что ты немец! Потому, что ты герой! Потому, что ты настоящий мужик! Мне стыдно нанимать боевого пилота, но это мой бизнес! Я не такой сильный и смелый, как ты, но я твой настоящий друг.

Отто изо всех сил пытался задружиться с этим парнем.

— Я тоже твой настоящий друг. Ты в этом убедишься! — Уго наконец ответно хлопнул Отто по плечу.

— Знаешь анекдот, как немцы пьют пиво?

— Нет, — помотал головой Уго.

— Пруссак, баварец и шваб пьют пиво. Вдруг к каждому в кружку залетает муха. Пруссак выливает пиво вместе с мухой и требует за это новую порцию. Баварец пальцами вынимает муху

из кружки и продолжает пить пиво. А шваб вытаскивает муху и заставляет ее выплюнуть пиво, которое она успела проглотить!

И они снова загоготали, как два напившихся подростка.

— А еще знаешь, почему я тебя выбрал? Только не смейся!

— Говори, — подозрительно взглянул на него Уго.

— Потому, что ты Ластман! Знаешь, кто еще носил эту фамилию? Ластманом был учитель Рембрандта!

И они снова затряслись от хохота.

Как известно, немцу для полного счастья нужны пиво, сосиски, немного уюта и другой немец, с которым можно поспорить о политике или пожаловаться на жизненные неурядицы. Поэтому они так любят клубы и чувствуют себя в них комфортнее, чем в собственных домах.

Ведь если французы ценят в еде и выпивке качество, англичане — хорошие манеры за столом, то немцы ценят количество. Так что, вылезая из-за стола, Отто и Уго бережно поддерживали друг друга, чтобы не упасть.

Они выползли на улицу, вдохнули теплого воздуха африканской ночи и, вместо того чтобы погрузиться в одно из такси, услужливо выстроившихся возле бара, начали выяснять, где именно сейчас находится Большая Медведица.

И уже было нашли ее, как мимо, втянув голову в плечи, прошел молодой африканец, заметный под фонарем только благодаря своей пестрой рубахе и светлым штанам.

— Эй, черномазый! Кто тебе разрешил ходить по белому району ночью? — вдруг прицепился к нему Уго. — Отто, давай надерем черномазому задницу.

Черный попытался пройти, но Уго загородил дорогу и вцепился в его рубаху. Белые водители такси с интересом наблюдали за сценой.

— Ты, черный ублюдок, не знаешь, что после шести вечера твое место в тауншипе? — заорал Уго и начал трясти парня из последних пьяных сил.

— Простите, сэр, мне нужно в аптеку, — стал извиняться черный на хорошем английском. — У меня болен ребенок!

— Если твой ребенок сдохнет, в стране будет одним дармоедом меньше! Ты понял, черномазый? — заорал Уго, и белые таксисты одобрительно кивнули.

— Отпусти его! — сказал Отто.

— Отпущу, но сначала дам ему в морду, чтобы не шлялся, а сидел в своем вонючем бантустане!

— Отпусти! — потребовал Отто, отцепил руки Уго, завел ему за спину и показал африканцу глазами «беги».

— Ты что? — Уго успел ударить черного ногой, оставив след

на его светлых штанах. — Ты с ними заодно? Может, ты коммунист? Может, ты против сегрегации?

И таксисты изумленно уставились на Отто.

— Уго! Моего отца убили коммунисты! — сказал Отто так громко, чтобы это было слышно в последнем такси в очереди. — Этот черный сказал, что идет в аптеку за лекарством для ребенка. Это значит, что он может быть заразен! Ты же знаешь, какая у них тут зараза? Я не хочу, чтобы ты заболел. Фирме нужен здоровый пилот. Я плачу деньги здоровому пилоту. — И отпустил Уго.

— А ты не такой уж хлюпик-филателист, — подозрительно сказал совершенно протрезвевший Уго, потирая руки.

— Не представляешь, с какими кретинами я работаю. Они разбили уже две машины-химчистки — это огромные деньги! Иногда приходится таскать машины на себе! Из-за их идиотизма в Африке я стал атлетом.

— Ты заступился за черномазого потому, что ничего не понимаешь в местной жизни! Мы должны держать Африку в узде! Апартеид будет крепнуть! Мы принесли дикарям свою цивилизацию! Ты согласен, Отто? — замитинговал Уго, и таксисты перевели на него одобрительные взгляды.

— Конечно! Я тебя затем и нанимаю, чтобы в каждой бамбуковой хижине стояла машина-химчистка моей фирмы! — подмигнул Отто.

— Ты надо мной издеваешься! — погрозил Уго пальцем. — Ладно, издевайся. Главное, чтобы ты платил хорошие деньги, раз понимаешь, что без меня у твоего бизнеса нет будущего! Покупай меня, пока сезонное затишье. В следующем году моя цена резко пойдет вверх!

Отто подумал, что Уго невероятно глуп, хвастлив и неосторожен. Ведь в анкете, которую он прислал, было написано о работе пилотом «научного самолета», входящего в специальную эскадрилью ВВС ЮАР.

Глава пятая
ДОМ ТИАНЫ

Тот, кто дружит с географией, знает, что Европу и Африку разделяет всего лишь Средиземное море. Но тот, кто дружит с историей, понимает, что по берегам этого моря находятся два совершенно разных мира.

Тиана дружила с историей и жила в роскошном особняке. В ее изысканную гостиную с книгами, картинами и обтянутой светлой кожей мягкой мебелью вела лестница с дорогими коваными перилами.

На полу в горшках топорщились огромные ухоженные экзотические растения, а на диване возлежали два раскормленных, заторможенных британских голубых кота. Видимо, те самые Ньютон и Эйнштейн. Одним словом, дом был прекрасен во всех отношениях. И в нем хватало всего, кроме счастья.

В гостиной Тианы черная помощница Проджети делала последние штрихи в безупречной сервировке стола. Ужин был романтически накрыт на две персоны, а возле каждого прибора стояла огромная свеча в изысканном подсвечнике.

Гиперактивная и лезущая во все дырки Проджети выглядела как классическая черная домработница. Она была толстухой лет тридцати пяти в ярком национальном платье и белом накрахмаленном переднике. И относилась к хозяйке, как заботливая мамаша к болезненной дочке, несмотря на то, что Тиана была на пять лет старше.

И казалось непонятным, кто из них двоих больше волнуется перед приходом Отто, настолько нервно Проджети в десятый раз перетирала полотенцем бокалы на столе и перекладывала расшитые местным узором салфетки.

— Послушайте, мэм, а может, их убрать в спальню? — Она кивнула в сторону котов. — Вдруг немцы не любят котов?

— Проджети, он мне понравился, но не настолько, чтобы страдали Ньютон и Эйнштейн, — покачала головой Тиана, закалывая свои пышные волосы.

Когда раздался звонок в дверь, Проджети погрозила котам кулаком и побежала вниз по лестнице к входной двери. А Тиана улыбнулась самой себе, поправила на плечах платье с внушительным декольте, щелкнула кнопкой проигрывателя и опустила его лапку на пластинку Эллы Фицджеральд.

Отто пружинисто взбежал по лестнице и протянул букет

гладиолусов цвета запекшейся крови — почти такого же, как на картине в его гостиничном номере. Светлый костюм на Отто казался рекламой химчисток нового поколения, а глаза сияли озорными огоньками.

— Как приятно, что вы не забыли про Эллу Фицджеральд!

Тиана была настроена на «приключение без гарантийного срока», и цветы тронули ее, ведь ей так давно не дарили цветов.

— Удивительно, что торговец новыми технологиями старомодно ходит в гости с букетом! — манерно заметила она. — Да еще с букетом моих любимых цветов!

— Моя бабушка утверждала, что запах цветов снимает головную боль. Я вообще крайне старомоден! Мне хочется жить в старом добром мире, в который уже не вернуться… — Отто патетически развел руки. — Страсть к переменам у меня ограничивается новыми средствами для химчистки.

— Вы не только старомодны, но еще и очень внимательны — запомнили про мои головные боли. Проджети, поставь цветы в вазу! — Тиана протянула букет.

— Слава богу, мэм, после приезда из Малави у вас не было ни одного приступа. Этот колдун племени чева очень сильный колдун! Он лечил мою маму и тетку! — радостно закивала помощница, хотя никто не приглашал ее к разговору.

— Иногда встречаешь женщину, о которой хочется помнить любую мелочь. — Отто посмотрел в глаза Тиане, словно Проджети не было в комнате. — То, что гладиолусы ваши любимые цветы, чистая мистика. Не я выбрал букет, а он меня.

— В каком смысле?

— Я шел вдоль длинного цветочного ряда и в самом конце увидел настоящего зулусского воина при полном параде! — полушутливо-полусерьезно поведал Отто. — А когда подошел ближе, он растаял в воздухе, и на его месте оказался беззубый старик, продававший этот букет!

— Это был дух! — Проджети посмотрела на Тиану с ужасом. — Очень плохое предзнаменование!

— Отто, вы фантазируете! — покачала головой Тиана. — Воины-зулусы очень эффектно смотрятся, но не заезжают в Йоханнесбург.

— Со мной здесь вообще происходит что-то странное! Дух? Но я видел его четче, чем вас, — возразил Отто, серьезно глядя на Проджети.

Ему понравилось пугать эту смешную толстуху.

— Мистеру не надо так на меня смотреть! И не надо сравнивать человека с духом! Такое нельзя допускать даже в мыслях, это всегда очень плохо кончается! — Она прикрыла глаза

ладонью, словно прячась от сглаза.

— Прошу за стол, — поменяла тему Тиана. — Между прочим, большинство декоративных видов гладиолусов вывели на основе диких южноафриканских. Прежде в Европе не было подобных цветов. Отто, где вам будет удобнее? — Она пригласила его жестом за стол.

— Если у меня есть выбор, то я бы предпочел сидеть спиной к Сальвадору Дали потому, что считаю его плохим художником, — искренне сказал Отто.

— Вы знаете работы Сальвадора Дали? — Тиана замерла от изумления.

Отто сел спиной к Дали и поморщился:

— Это «Расщепление атома». Написано в 1947 году. Не обижайтесь, но у вас неважная репродукция. Все желтые тона кажутся здесь коричневыми.

Проджети чиркнула спичкой и зажгла по свече возле каждого прибора, что, конечно, было не слишком уместно на такой жаре.

— Мужу когда-то подарили коллеги. Физики любят подобные шуточки…

— А историки любят? — В его мягкой манере однозначно читалось ухаживание.

— Я не настоящий историк. Училась в университете, хотела преподавать. Но сначала стала просто женой… — Она сделала тяжелую паузу. — А потом… просто вдовой.

Проджети торжественно сняла крышку с фарфорового блюда, на котором красовались свиные отбивные с тушеной капустой и еще какими-то растительными чудесами и приправами.

— Ведь и года не прошло, как злые силы забрали нашего господина! А уж как мы после этого выхаживали нашу мэм! — раскладывая еду с блюда по тарелкам, затараторила Проджети, обращаясь не то к Отто, не то к всевышнему. — Пока мэм была без сознания, я платила колдуну, и он вытаскивал ее оттуда! Прямо вот так, хватал за обе руки и тащил к нам! Если бы мэм была в сознании, она бы этого не разрешила… Она только потом поняла силу колдунов!

— Да, Проджети ходила за мной, как за грудным ребенком, кормила с ложки, — подтвердила Тиана.

Проджети застыла неподалеку от стола, делая вид, что без нее ужин не состоится.

— Когда приходит беда, очень важно иметь рядом верного человека, — согласился Отто. Опередив Проджети, он разлил вино и поднял бокал, глядя в глаза Тиане. — За вас!

— За встречу! — Бойкость Тианы в клубе сменилась дома на неожиданную робость и застенчивость.

— Вино в ЮАР отменное, — заметил Отто. — А вот местной еды боюсь, мне успели рассказать про жареную шкурку дикобраза!

— Это еще не все! — засмеялась Тиана. — Они едят жареных термитов, червяков и гусениц!

— Вы очень любезны, что пригласили меня на свинину с капустой!

— Мистеру немцу надо хоть однажды попробовать подрумяненных скарабеев! Это так вкусно, что можно умереть от удовольствия! — вставила Проджети.

— Я бы предпочел умереть до этого, — шепнул Отто.

— Проджети, ты свободна. Можешь идти, — сказала Тиана.

— А кто же уберет со стола? Вам нельзя этого делать! — возмутилась помощница.

— Обещаю ничего не трогать до твоего прихода утром! Иди, тебя ждут дети. А мы поговорим о делах, — успокоила ее Тиана.

— Конечно, я уйду, раз мешаю. Только не забудьте выпить на ночь лекарство! — обиженно напомнила Проджети.

Она вела себя как мать, не желающая отпускать взрослую дочку на танцы.

Ее мощные бедра заколыхались в сторону лестницы, а пухлые губы забормотали:

— Конечно, Проджети больше не нужна. Только потом коты залезут на стол, побьют посуду, загадят скатерть, а мэм непременно забудет выпить таблетки!

— Проджети — мой маленький домашний тиран, — шепнула Тиана и подняла взгляд на репродукцию Дали. — Откуда такие обширные искусствоведческие знания?

— Я закончил в Италии школу и институт Данте Алигьери. Обучался не только языку, но и истории искусства.

— А вы не так просты, Отто, как кажетесь на первый взгляд! — И она кокетливо поправила платье на плече.

Готовность женщины к интиму Отто безошибочно определял по тому, какую одежду она надевала на свидание. Степень готовности всегда оказывалась прямо пропорциональна простоте сбрасывания одежды.

На Отто всегда посягали женщины с обширным гардеробом, и они выбирали наряд из множества вариантов. Судя по бежевому трикотажному платью Тианы, степень готовности была высокой. Оно сдергивалось одним жестом, как ткань на открытии памятника.

— Отец до войны имел маленькую галерею. Если б я сидел на одном месте, то тоже покупал бы картины. А так собираю марки. Альбом с марками — это маленькая картинная галерея, которая

всегда с тобой, — признался Отто. — Носишь с собой в альбоме целый мир. — Надо было отметить качество еды, а она и вправду была великолепной. — Ваша Проджети великолепно готовит.

— Да, она знает, что нужно положить в мясо. Похоже, Отто, что в Блантайре я вас совсем-совсем не разглядела!

Она продолжала удивляться, ведь на первый взгляд тот немец с ручищами и плечищами мясника показался ей привлекательным исключительно своей животной силой.

— В Блантайре для этого было слишком мало времени и слишком много повстанцев! — улыбнулся Отто.

Тиана протянула кусочек мяса одному из голубых котов, сидящих как сфинксы. Тот неторопливо и осторожно взял его зубами с ладони, а второй с интересом покосился на это, но не шелохнулся.

— Те самые Ньютон и Эйнштейн? — улыбнулся Отто.

— Ну и память у вас! Когда они подросли, Ньютон оказался девочкой. Теперь только они моя семья. И Проджети. Это волшебные существа. Когда начинается приступ головной боли, они ложатся рядом, и становится легче.

Отто протянул руку к коту, но тот зарычал как маленькая собака.

— Осторожно, могут вцепится. Ужасные характеры! Когда не в духе, царапают даже меня!

— Пожалуй, кошка — это даже лучше, чем альбом с марками. Но ее труднее таскать за собой по всему миру, — усмехнулся Отто.

— Не надо шутить при Проджети о духах, для нее это очень серьезная тема, — попросила Тиана. — Они всю жизнь общались с духами, и мне кажется, приняли христианство потому, что в христианстве есть понятие «Святой Дух»… Это моя личная гипотеза!

Отто был покорен Южной Африкой, но даже за такой короткий срок пребывания в Йоханнесбурге начал не столько понимать, сколько чувствовать, что за буйной энергетикой и неотесанной красотой края стоят вещи, едва видные глазу белого человека. Тиана словно читала его мысли.

— Расскажите мне о своем видении на рынке, — попросила она без всякого кокетства.

Отто помялся, налил вина, выпил. Честно говоря, он не понимал, в какой системе координат обсуждать свое наваждение. Входят подобные истории в ритуал местных ухаживаний или, напротив, выдают в нем мистического идиота?

— Если серьезно, то я видел его на рынке второй раз. А впервые — когда бродил по лесу среди каких-то гигантских

деревьев с дымчато-голубыми стволами.

— Это была эвкалиптовая роща возле старых золотых приисков, — кивнула Тиана.

— Там было настолько красиво и спокойно, что даже промелькнула мысль — умирать надо именно в таком райском уголке. И в эту же минуту он появился метрах в двадцати. Я не сразу его заметил, потому что его прикрывал щит в человеческий рост…

Отто рассказывал таким ровным голосом, что было непонятно, издевается он, интересничает или действительно пережил нечто, не укладывающееся в его картину мира.

— А потом из-за щита появился высокий полуголый человек с хвостами белых быков на лодыжках и запястьях и в колпаке с белыми перьями? — спросила Тиана ровно тем же тоном.

— Откуда вы знаете? — От неожиданности Отто даже подвинул бокал, словно протестовал против невозможности ее слов.

— А в другой руке у него было копье с железным наконечником?

— Точно!

— Большое?

— Большое копье с очень большим наконечником. Оно было выше его самого! Метра два, не меньше. Я не успел его толком разглядеть, так как он растворился в воздухе. А на его месте росли цветы, похожие на эти гладиолусы… — Отто показал на букет, который Проджети поставила на подоконник в деревянную вазу, выточенную местными умельцами.

— Как историк скажу вам, что это дух великого зулусского вождя Чаки. А гладиолусы считались оберегами воина от гибели даже в Древнем Риме, — спокойно сказала Тиана и принялась за еду. — Воину вешали на шею луковицу гладиолуса.

— И эти духи у вас постоянно расхаживают перед туристами? — усмехнулся Отто, не поняв перемены ее настроения.

— Расхаживают. У вас культурный шок, как у всякого европейца. Он пройдет, как только адаптируетесь. Только не будьте занудой и не трясите священным писанием. — Теперь она говорила в учительской манере. — А чтобы не думать лишнего, считайте, что это что-то типа Летучего Голландца!

— Ничего другого мне и не остается, — пожал плечами Отто, не поняв ее раздражения.

— Моя мама из буров, но она хотела, чтобы я получила европейское образование, и дала мне возможность учиться в Англии. Я благодарна ей за широту взглядов, ведь буры

ненавидят британцев.

— Да, я помню ваш спор с тем джентльменом в Блантайре.

— Поймите — это не спор! — Она отодвинулась от стола, и голос ее стал резким. — Они не пишут в своих учебниках истории, что сгоняли в концлагеря всех жителей, заподозренных в связях с воюющими бурами: жен, детей, стариков, соседей! Известно одиннадцать крупных лагерей, в которые посадили двести тысяч человек. От истощения и болезней умирало от пятидесяти до семидесяти процентов заключенных. Англичане уморили в концлагерях минимум двадцать шесть тысяч человек, три четверти погибших — дети!

— Никогда не знал об этом, — вставил Отто, прерывая ее длинный возмущенный монолог.

— Не знали потому, что британское правительство уверяло мировую общественность, будто создало сеть лагерей для беженцев по просьбе мирного населения! Англичанка Эмили Хобхауз побывала в концлагерях Трансвааля и Оранжевой и подготовила отчет об этих «убежищах». Она дала в британские газеты фотографии истощенных бурских детей, умирающих от голода. Но правительство запретило публикацию и фотографий, и отчета!

— Тиана, не обижайтесь, я недавно в ЮАР, и мне сложно адаптироваться ко всему сразу, — остановил ее Отто. — Я постепенно войду в курс дела. Но сейчас расскажите о себе. Что было после учебы в Англии?

— После учебы я объехала Европу, пожила во Франции. Потом было несколько лет в США, где познакомилась с будущим мужем. На Западе я получила опыт братства и равенства между белыми, черными, желтыми, индусами, буддистами, исламистами, иудеями, — чуточку презрительно перечислила она. — И поняла, что на клеточном уровне я все равно родом из ЮАР.

— Что это значит?

— Это значит, что в том, что вы видели великого воина Чаку, нет ничего особенного.

— Вы с таким пренебрежением сказали о братстве и равенстве? — заметил Отто.

После нападения Уго на черного он осторожно поднимал эту тему.

— Не слышали анекдот о местной школе? Учительница спрашивает: «Дети, кто любит людей, независимо от цвета их кожи?» Девочка отвечает: «Наверное, это господь бог!» А мальчик отвечает: «А я думаю, это крокодил!»

Отто не засмеялся.

Их разделял изящный обеденный стол с двумя парами гнутых плоскостопых ножек, вызывающих в памяти героев Чарли Чаплина. Искусствоведческим глазом Отто отметил, что стол сделан из родезийского тика, самого крепкого дерева в мире, из которого изготовляют рукоятки стальных ножей.

Сервиз на столе был дорогого английского фарфора, серебряные приборы — хорошей авторской работы. Стеклянная этажерка с фруктами посреди стола дразнила шестью видами фруктов, половину из которых Отто видел впервые.

Пластинка Эллы Фицджеральд закончилась. Тиана сняла с нее пластмассовую лапку проигрывателя и предложила:

— Посидим в тишине?

— Да, конечно… Йоханнесбург слишком громкий для меня город. Я оглушен им, — пожаловался Отто.

Но Тиана словно не услышала его и осталась настроена на собственную исповедальную программу:

— Знаете, я, провинциалка из Южной Африки, когда приехала в Европу учиться, попала просто в котел с крутым кипятком! Ах, какой это был котел!

Отто было интересно слушать ее, но снова напугал напор. Он думал, что Тиана пытается предложить ему с напором свое тело, но, судя по интонации, она с тем же напором спешила вручить ему и душу.

— Я понимаю, о чем вы говорите.

— В этом котле варились харизматические выходцы со всего мира, освободившиеся от пола, расы и религии! Это было время потрясений — Карибский кризис, Кеннеди, Хрущев, Мартин Лютер, Мао, Вьетнам, Хо Ши Мин! Свободная любовь — кайф из лайф! Мы протестовали против всего, в том числе против протеста! Но где-то надо было остановить эту безумную карусель, чтобы не надорваться. Я поехала в Америку и познакомилась с Гидоном. Он приехал из Израиля и, хотя не смог объяснить мне теорию относительности, сделал мою жизнь относительно безопасной и буржуазной. К сожалению, только на тот период! Как говорят черные, джунгли сильнее слона!

Отто подумал, что она не так много выпила, чтобы считать это пьяным душевным стриптизом. И это скорее всего результат долгого одиночества.

Словно поняв его взгляд, Тиана предупредила:

— Я откровенна с вами, как с человеком, который попытался спасти мне жизнь. Никто никогда так не рисковал ради меня. Вы ведь тоже могли бы спрятаться в туалете, как англичанин, с которым играли в карты!

— Не мог. Потому что я немец! — напомнил Отто. — Так что

было после того, как вы не поняли теории относительности?

— Гидон был старше меня на двенадцать лет, а по жизненному опыту — на все сто. Он имел докторскую степень по ядерной физике Стэнфорда и занимался распространением ядерного оружия.

— Может быть, нераспространением? — поправил Отто.

— Оговорилась. Конечно, нераспространением. Он стажировался в штате Невада, в секретном проекте. Приехал в Беркли на конференцию всего на неделю. Я влюбилась с первого взгляда, но тут пришла телеграмма: тяжело заболела мама. Я улетела домой. Потом похоронила маму…. И через несколько лет случайно встретила Гидона в Йоханнесбурге на вечеринке! А расстояние между Беркли и Йоханнесбургом — полпланеты!

Отто налил себе и ей вина, боясь задать вопрос, чтобы не сбить исповедальной интонации.

— Оказалось, он приехал в ЮАР как израильский специалист. Первое время все было замечательно. Правда, он глумился над местными традициями и суевериями, считал мою страну дикарской и неперспективной. — Она встала и начала нервно расхаживать из угла в угол. — А потом начались проблемы…

К этому моменту Отто начисто забыл, что Ньютон и Эйнштейн — живые представители семейства кошачьих, а не меховые украшения особняка. Но как только Тиана заистерила, они проснулись, медленно пошли друг за другом в центр комнаты и уселись рядышком, следя за хозяйкой огромными желтыми глазами.

— Год назад он исчез при загадочных обстоятельствах. — Она внезапно остановилась, прижав ладони к вискам, Отто увидел, что она готова зарыдать. — Извините! У меня начинается приступ головной боли! Я должна выпить таблетку и остаться одна… Извините, что испортила вечер…

Вечер был не то что испорчен, но оборван посередине. По глазам Тианы было понятно, что ей действительно плохо, а стаж знакомства не предполагал помощи в такой деликатной ситуации.

Отто спустился на первый этаж, забрал у входа свою белую шляпу, надвинул ее до бровей, вышел на улицу, захлопнул входную дверь дома, как попросила Тиана, кивнул охраннику особняка и, наконец, закурил. Ему неудобно было курить в доме Тианы.

Конечно, Отто не так представлял себе первое свидание, но, надо сказать, что он совсем не так представлял себе и историю ее жизни.

Думал, что перед ним скучающая богатая вдовушка,

делающая многообещающие глазки заезжему коммивояжеру, а все оказалось сложнее и проще. Как, впрочем, у всех его ровесников и ровесниц, несмотря на континент проживания.

Глава шестая
В САДУ У ДЖОНА

С Джоном Отто тоже познакомился в клубе для белых. Это был англичанин, бывший высокопоставленный военный. Он жил «в очень английском доме с очень английским садом», состоящим из подстриженных газонов и клумб с розами невеселых тонов.

Отто не заходил в ванную дома Джона, но заранее знал, что найдет там два идиотских крана: один с горячей водой, другой — с холодной. Его всегда потрясало, что англичане считали антисанитарную привычку смешивать воду в раковине предметом особой национальной гордости.

Джон поил Отто чаем в садовой беседке. Солнце нещадно палило. На хозяине были шорты и майка, демонстрирующие пожилые неаппетитные, обросшие седыми волосами конечности. Отто ни за что не стал бы принимать в таком виде гостей, хотя его накачанные руки и ноги можно было снимать для обложки спортивного журнала.

На чайном столе стоял антикварный, с гербами, заварной чайничек с отвратительно крепким чаем, который Джон по-английски разбавлял молоком. А еще на столе были бутылка скотча, рюмки, фрукты и галеты.

Отто подумал, насколько разница между немцами и англичанами видна на чайном столе. У немца непременно были бы сдобные булочки, сладкое печенье, конфеты, а англичанин посчитал бы, что галет совершенно достаточно, чтобы сделать гостя счастливым.

Впрочем, счастливым Джону, прежде всего, хотелось сделать не Отто, а своего старого облезлого попугая, дремавшего у стола в клетке.

Джон сперва почистил яблоко, порезал его на дольки и протянул одну попугаю, а потом уже налил чаю гостю. Попугай чуточку погрыз добычу и начал, вопя, выпихивать ее из клетки клювом и лапой.

— Не обращай внимания! Он, как и я, к старости выжил из ума! — пожаловался Джон на попугая, рассматривая в лупу альбом с марками Отто. — Здесь все, как я и думал, глядя на тебя в клубе. Как я и думал… Впрочем, нет, вот хорошая вещь. Но, как ты понимаешь, не уникальная. — Он ткнул в марку худым пальцем.

— Говорят, их не так много, — возразил Отто.

— Не болтай в присутствии старика! Их меньше, чем звезд на

небе, но больше, чем волос на моей голове. Когда говорят «не так много», имеют в виду афганок! Я считаю Ротшильда негодяем!

Джон намекал на историю о том, как представитель австрийской ветви Ротшильдов скупил один из первых выпусков афганских марок и сжег все, за исключением нескольких, на глазах у агентов крупнейших марочных фирм. Это сделало его владельцем редчайших марок и дало возможность нажиться на продаже.

— Просто Герострат! Разве у нормального человека поднимется рука сжигать марки? — Отто был согласен с оценкой Джона.

— В основном пустоцветы, — поморщился Джон, продолжая рассматривать марки Отто. — Разве что вот эта. Ты уверен, что она не поддельная? — И снова ткнул в марку сухим пальцем.

— Совершенно уверен. Показывал ее в филателистических клубах. Мне даже предлагали поучаствовать с ней на выставке, — похвастался Отто и напомнил: — Марки для меня не бизнес. Мой бизнес — машины-химчистки нового поколения.

— Люди совсем испортились. Раньше было много филателистов-романтиков, — вздохнул Джон. — Теперь все думают только о том, чтобы нажиться… А как ты сделал свои деньги?

Он поднес к клюву попугая, вышвырнувшего недоеденную дольку яблока, новую дольку, словно она была вкуснее предыдущей. Но птица заверещала и начала игриво клевать палец хозяина.

Отто уже знал, что больше марок Джон любит только эту облезлую крикливую тварь породы «жако» размером с голубя. Попугай все время был при деле сам и все время трудоустраивал Джона. Просыпаясь, он щелкал и посвистывал, что означало «хочу есть», но как только получал еду, совершал невозможные кульбиты, чтобы выбросить ее из клетки подальше.

— Мне повезло. Я работал в химчистке отеля «Хилтон». Приходилось пахать сутками, но я очень упрямый. Это оказалось не зря, ко мне приглядывался один миллионер, чтобы потом предложить место гендиректора крупной химчистки. Думаю, это потому, что я немец, — предположил Отто. — Мы, немцы, умеем работать. И он не ошибся, филиалы стали расти как грибы после дождя. Ведь чтоб развивать такой бизнес, человек должен быть одинок и легок на подъем.

— И еще страшно тщеславен! — захохотал Джон.

— Дело не в тщеславии. Я — миссионер, распространяющий религию чистоты одежды, — возразил Отто и кивнул на попугая. — Он умеет разговаривать?

— Раньше кричал: «Предъяви dompas, скотина!» Соседский мальчишка научил. А теперь молчит. Надо с ним заниматься словами, эта порода может выучить хоть тысячу слов!

— Что означает dompas?

— Это пропуск для черномазого в белый район.

— Я, конечно, турист, но меня все это шокирует, — осторожно заметил Отто.

— В каждой игре свои правила, — оборвал его Джон и тут же сменил тему: — Плохо, что у тебя умерла жена. Ты молодой парень, а черные шлюхи не могут дать ничего, кроме сифилиса. Я видел тебя в клубе с вдовушкой, мужа которой украли в прошлом году. И вот что посоветую: держись от нее подальше!

— Почему?

Отто не любил, когда обсуждали его личную жизнь, но Джон делал это с такой отеческой заботливой интонацией, что хотелось дослушать.

— Зачем тебе баба, из мужа которой скорей всего сделали фарш? Это значит, ее и тебя может ждать та же участь. — Он скривился. — Была бы она хоть красивой.

— Мне она кажется очень красивой!

— Сынок, ты приехал в Йоханнесбург, а не в Лондон. Или ты этого не заметил? Может быть, ты не заметил на улицах надписи «Только для белых»? Или не заметил, что все здесь немножко психи? — Старик пытливо посмотрел ему в глаза.

— Заметил. Но я долго жил в Алжире, меня трудно удивить, — напомнил Отто.

— Что такое Алжир по сравнению с Йоханнесбургом? Йоханнесбург вырос из золотой лихорадки, она и сейчас у всех в крови. Мой отец примчался сюда, взбудораженный запахом золота, а потом привез из Ливерпуля маму, потому что белому здесь было не на ком жениться. Все белые бабы здесь либо проститутки, либо алкоголички.

— Тиана — девушка из хорошей семьи, — возразил Отто.

— Это она двадцать лет назад была девушкой из хорошей семьи! А сейчас она вдова, которой в катастрофе снесло половину черепа с половиной мозга. Если она не принесла счастья своему мужу, значит, не принесет его и тебе.

— Она не виновата ни в катастрофе, ни в его исчезновении. Пока даже не знаю, как спросить ее о муже. Наверное, он был связан с каким-то криминалом?

— С каким еще криминалом? — поморщился Джон. — Это был жалкий болтливый очкарик из Израиля. У меня много друзей на высоких должностях. И есть некоторые предположения, но они останутся при мне… Тем более, что все твои политические

интересы на уровне новых стиральных машин.

— Джон, вы невнимательны, я занимаюсь машинами-химчистками, — обиделся Отто. — И продаю не пластырь для мозолей, а технический прогресс. Очистка одежды нефтью была придумана еще в 1855 году французом Жаном Батистом Жолли. И если б химчистка не развивалась, половина человечества заживо сгорела бы в собственных домах потому, что в каждой кладовке по-прежнему стояла бы канистра бензина!

— Не горячись. Мне все равно, стирают твои машины или поют! Я только хочу уберечь тебя от дурного шага. Сам был молод, знаю, что такое, когда играет кровь! — Он снова предложил попугаю яблоко.

— Что касается крови, то я уже не так молод.

— Ну, женишься на ней, и что? За ней мало денег, а рожать в таком возрасте не стоит. Да и кого она родит после аварии? Езжай в Европу, вези оттуда молодую, здоровую, воспитанную сироту. — Понимая, что Отто это не понравится, Джон обращался к попугаю: — И она всю жизнь будет тебе благодарна!

Отто встал, сгреб альбом со стола, положил в портфель и холодно сказал:

— Пожалуй, мне пора.

— Обиделся! — захохотал Джон. — Отто, ты хороший парень. Хочешь дожить до моих лет, слушайся меня! Ты не понимаешь самого главного ее недостатка — она из буров!

— И что?

— Мы отменили рабство и заставили их сделать черных свободными. За это буры до сих пор ненавидят нас.

— Но Англо-бурская война была миллион лет назад!

— А я все равно ни за что не дал бы дочери выйти за бура! Это же крестьяне, тупая деревенщина! — возмущенно замахал руками Джон, и попугай начал поддакивать ему жуткими звуками и трясти лысой головенкой. — Ты хоть знаешь, что Конан Дойл был возведен в рыцарское звание именно за защиту действий Англии в Англо-бурской войне, а не за дурацкого Шерлока Холмса? А то, что Черчилль начал карьеру именно здесь, попав в плен к бурам? Мы, британцы, спасли эту землю от буров. Кстати, пилот, которого ты нашел для сбрасывания химчисток на джунгли, не бур?

— Я отобрал трех кандидатов. Из военных пилотов. Буров среди них нет. Хочу посоветоваться, кого из них выбрать, — смягчился Отто.

— А я тебе заранее скажу: все они пьяницы и враны. И все, что они будут рассказывать, дели на сто! — Джон авансом погрозил пальцем пьяницам и врунам, а потом сунул палец в

клетку к попугаю и пощекотал его голову. — Не поверишь, когда он нервничает, он выщипывает свои перья, как человек, который рвет на себе волосы! Особенно, когда идет дождь. А в жару он обожает купаться в своей ванночке!

Отто совершенно не интересовал досуг облезлого попугая, тем более, что из-за него курить за столом было запрещено. Попугай не любил курящих и начинал истошно орать.

— А как его зовут? — из вежливости спросил Отто.

— Чака! — гордо ответил Джон. — В честь великого зулусского воина Чаки!

— Этот Чака преследует меня в Йоханнесбурге на каждом шагу!

— Сынок, Чака был предан братом и убит заговорщиками в начале прошлого века. И теперь по Южной Африке только бродит его дух…

Отто понимал, что все здесь немного наигрывают африканские легенды, как модные мотивчики, но никак не ожидал подобного от старого Джона.

— Дело в том, что я дважды видел что-то вроде привидения какого-то здоровенного черного, и мне объяснили, что это был Чака, — признался Отто. — А если говорить серьезно, я, как немец, не совсем понимаю интонацию обсуждения подобной темы.

Джон посмотрел на него с интересом и спросил:

— Тебя водили к колдунам и поили травой?

— Нет, я не настолько люблю экзотику. Но я никогда не интересовался военной модой зулусов прошлого века, и при этом в точности описал его наряд Тиане. А она ведь изучала в Европе историю.

— Что касается интонации, то, как у нас говорят, мир — это кожа хамелеона. В глазах каждого он имеет свой цвет. Мы, белые, угнетаем черных, а черные духи мстят нам за это, так что все получается по справедливости, — задумчиво сказал старик. — Но ты не бойся, духи обижают тех, кто проливает кровь черных, а не тех, кто чистит одежду. У меня были проблемы с духами, но мы договорились через колдуна. И они отпустили меня на пенсию!

Джон долил себе чаю, а Отто — скотча.

— Кажется, я здесь начал потихоньку сходить с ума вместе со всеми вами! — Отто хотелось вытащить из Джона побольше информации. — Но тогда объясните, зачем, по-вашему, авторитетному духу великого воина тратить время на простого коммивояжера?

— Возможно, он хочет что-то сказать, но ты не понимаешь его языка. Я бы понял, потому что я бывший военный. Ты ведь даже

не знаешь, что это был великий человек. Чака провел военные реформы и сделал блестящую армию из толпы ленивых зулусов, которые до этого не думали ни о чем, кроме плясок под барабан! — сказал Джон почти с гордостью. — Он казнил их за любое нарушение дисциплины, запрещал отношения между женской, хозяйственной, частью армии и мужской, военной. Он придумал кожаные щиты на деревянном каркасе в человеческий рост и тяжелый укороченный ассегай для ближнего боя.

— Что такое ассегай? — успел вклиниться Отто.

— Как-нибудь расскажу тебе историю его ассегая… Все время между боями Чака заставлял воинов делать упражнения и тренироваться, пока остальные жирные черномазые нежились под пальмами, и сделал самую мощную армию на континенте! Но главное не это. Главное — он придумал величайшую технику боя, она называлась «рога буйвола»! — Джон почтительно поднял руки и приставил их к голове. — И лично я преподавал бы ее во всех военных академиях мира!

— Какие еще рога? Во всех военных академиях мира сейчас думают о войне с помощью нажатия на кнопку ядерной ракеты, — возразил Отто. — А уж никак не о войне с большим копьем и кожаным щитом!

— Ерунда! Они бросят пару бомб, испугаются и вернутся к кожаному щиту и ассегаю! Только послушай, как изящно придуманы эти «рога буйвола»! Армия делится на три части. «Рога» с подразделениями неопытных воинов охватывают противника с флангов. — Джон так воодушевился, что отодвинул клетку с любимым попугаем и начал расставлять на столе чашки и приборы, имитируя схему боя. — «Грудь» из серьезных воинов осуществляет фронтальное нападение, фланги берут его с боков «рогами». А «туловище» из ветеранов укрывается подальше от места сражения, чтоб неприятель не мог видеть его. Оно выходит в нужный момент и затаптывает остатки противника! Гениально? Если бы Гитлер поучился у Чаки, он бы завоевал весь мир!

— Я ничего не понял, но, наверное, есть логика в том, чтобы строить армию на примере нападающего животного, — не разделил его восторга Отто.

— Чака — это зулусский Черчилль! Если бы дух Чаки навестил меня, я выразил бы ему свое почтение! А ты можешь только предложить ему почистить меховые украшения в своей химчистке! — процедил Джон сквозь зубы. — Я кажусь тебе выжившим из ума стариком, потому что ты здесь недавно… Ты еще как мальчик с завязанными глазами. А известно ли тебе, что в Йоханнесбурге самый большой рынок детских половых органов?

Отто вздрогнул:

— Сюда едут извращенцы?

— Гораздо хуже! — Джон сделал паузу, в течение которой Отто никак не мог придумать, что может быть хуже. — Сангомас считают, что гениталии детей — самый важный компонент в колдовской смеси.

— Кто такие сангомас? — Отто понял, что старик уже бредит в полную силу.

— Знахари и заклинатели. Они учат, лечат и решают остальные проблемы черного населения. Впрочем, и белого тоже…

Глава седьмая
АЭРОКЛУБ

Пожилой «лендровер» так хрипел и кряхтел по негостеприимным колдобинам, что, казалось, не дотянет до аэроклуба, куда Уго вез Отто на экскурсию. Машина выглядела такой же задрипанной, как и одежда военного пилота.

Отто привык, что автомобили немцев ухожены, укомплектованы, вымыты до блеска, снабжены аптечками, бумажными салфетками для рук и чистой ветошью для стекла. А Уго использовал для всего одну грязную тряпку, торжественно возлежащую возле ручного тормоза, и не имел ни малейшего представления о необходимости аптечки.

В Германии к человеку на грязной машине относились как к дурно пахнущему немытому бродяге. Да и как можно было не ценить и не лелеять четырехколесное чудо, готовое везти и защищать человека?

Автомобиль считался визитной карточкой немца, показателем его общественного положения, да просто другом. Хозяин «опеля» презирал хозяина «БМВ», и определял хозяина «порше» как очень сомнительного типа. Но истинно процветающий немецкий буржуа, конечно же, ездил на «мерседесе».

— Ты счастливчик по жизни, значит, работать с тобой дело выгодное! — сказал Уго, преодолев очередной ухаб.

— Чем именно я уж такой счастливчик? — удивился Отто.

— Разбогател на какой-то стиральной дряни. Едва приехал в Йоханнесбург, уже подцепил красотку. Видел тебя вчера с ней возле клуба, — подмигнул Уго, припарковывая «лендровер» возле дерева.

Они пошли пешком по открытому полю, ведущему к территории аэроклуба.

Уго был так возбужден предчувствием полета, что не мог идти рядом с Отто, а постоянно забегал вперед.

Безупречно отглаженный горничной полуспортивный костюм Отто подчеркивал уважение к аэроклубу. А Уго снова был в каких-то мятых коротких штанишках и такой же несвежей рубашке, хотя спешил к самолету, как на свидание к любимой.

— У тебя жена и дети, а я вдовец… приговоренный к командировкам. Дамочку подцепил в Блантайре. Мало того, что не продал там ни одной химчистки, еще и попал под пули повстанцев! — пояснил Отто. — Представляешь, играем в клубе в

карты, врываются эти пьяные животные с автоматами и начинают палить!

— Повстанцы — это острая приправа Африки! Жизнь без них была бы пресной. Сейчас полиция не дает им забавляться в Йоханнесбурге. У меня эти обезьяны с автоматами вызывают хохот! На самом деле они могут попасть только в тыкву с расстояния в пять шагов! — Уго презрительно сплюнул.

— Не буду врать, испугался тогда так, что по спине от шеи потек ручеек холодного пота!

— А я ничего не боюсь, я заговоренный. — Стальные глаза Уго хвастливо сверкнули.

Отто отметил, что хватка у Уго мертвая. И еще, как любой наемник, ищущий заказы и заработок в мирное время, он изо всех сил хвастался.

— Местные колдуны заговорили?

— Мать ходила к ним, когда я был мальчиком, просила закрыть меня от врагов. И видишь, прошел столько войн почти без царапин…

— Извини, а правда, что ваши колдуны калечат детей, отрезают у них части тела? — осторожно спросил Отто.

— Это делают не колдуны, а торговцы органами. Колдуны их только употребляют в своих… ну, в своих колдовских действиях, — ответил Уго так спокойно, словно дело шло о добавляемых лепестках цветов. — Не только детей, но и взрослых.

— А полиция?

— Не будет же она сторожить каждого черномазого? Деревенские сами создают дружины и защищаются от торговцев органами. Но ведь это бизнес. Пока колдуны будут покупать человеческие органы, это не прекратится. — И без перехода: — Я бы тоже закрутил роман с какой-нибудь такой штучкой. Мне надоели проститутки!

— А твоя жена?

— При чем тут жена? Ты просто еще не попробовал их африканских фокусов. Попробуешь, тебя от черных за уши не оттянешь!

— Что за фокусы?

— Потом расскажу, говорить о бабах перед полетом — плохая примета…

— А еще мне явился призрак Чаки! — Отто внимательно посмотрел на реакцию собеседника.

— Ого! Я этого Чаку видел только в британском фильме. Западные киношники любят зарабатывать на профанации истории. Тебе везет, как новичку в казино! Получил все тридцать

три удовольствия!

— А что, в ЮАР все видят призраков? — Отто опять не понимал, шутят с ним или всерьез.

— Да черт его знает. Нельзя же проверить, кто видит, кто врет, но я не знаю ни одного спокойного, кому бы подбросили пару куриных лапок, обвязанных веревкой, или пару человеческих глаз. Сразу бегут к колдуну!

— А что значат эти подброшенные глаза и лапки? — Отто уже ничему не удивлялся.

— Ничего хорошего! Христианство здесь насаждали насильно, так что ни секунды не верь черномазому, который ходит с крестом. Крест для него пустое место. Они считают, что душа после смерти человека на земле превращается в его двойник — гауа. Внешне это двойник такой же, как покойник, только прозрачный… Ну и он во все лезет.

— Уго, но я белый! Почему я видел этого вашего Чаку? Ты — белый, Тиана — белая, Джон — белый! Почему вы все так серьезно об этом говорите, если это игра для черных?

— Откуда я знаю? Давай не будем об этом перед полетом!

Они довольно быстро шли по колдобинам, но ангар приближался очень медленно.

— Зря считаешь меня баловнем судьбы. Я потерял на войне родителей. Мне до сих пор снится, будто я задыхаюсь в бомбоубежище. В бомбоубежищах запрещали говорить, предупреждали, что говорящий человек употребляет лишний кислород.

— Это очень по-немецки! — поморщился Уго.

— А перед окончанием войны мы прятались от армии Советов и не знали, пощадят нас или расстреляют! До сих пор вспоминаю, как выходил из норы под разбомбленным домом. Испуганный, больной, истощенный, в грязи и соплях, с поднятыми вверх руками, — сказал Отто, словно вглядываясь в кадры забытого фильма. — Подошел русский солдат, я стал прощаться с жизнью, но он взял меня за плечо и потащил туда, где дали котелок с кашей. И показал знаками, что война закончилась. А я ел горячую кашу руками и ревел, и мне было все равно, кто победил в войне…

— Бывает, — буркнул Уго.

— А ты рос в африканской теплице, и фрукты падали утром с дерева на твой подоконник! Так что еще не известно, кто из нас баловень судьбы.

— Да я не жалуюсь, просто я выдающийся пилот, но последнее время Фортуна повернулась ко мне задницей. Может, ты ее заставишь поменять позу? Посмотри, какие красавцы!

Они, наконец, дошли до авиабазы, где на солнце грелась шеренга самолетов.

— Любителей в нашем клубе толпа, были б денежки. А профессионалов — раз, два и обчелся. Вон, посмотри на те бипланы! «Тайгер Мотх» называются. Почти музейные экземпляры, доживают век на службе у туристов, — с нежностью сказал Уго. — В свое время были главными тренировочными самолетами в Королевских Воздушных силах Великобритании. Максимальная скорость сто семьдесят пять километров в час, дальность пятьсот километров. Но мы на таком не полетим.

— А максимальная высота и подъем? — спросил Отто.

— Высота четыре километра, подъем двести метров в минуту. А ты разбираешься в самолетах?

— Нет. Но приятно делать вид, что разбираюсь. Читал, что между землей и небом существует зависящий от рельефа местности порог высоты, ниже которого можно спрятать самолет от глаз радаров. Вот и решил покрасоваться, — засмеялся Отто. — Лучший способ достичь на переговорах максимальной выгоды — добиться уважения партнера!

— Я смотрю, ты по-своему лихой парень! Вдвоем мы с тобой натыкаем химчисток под каждый пальмовый лист. — Многозначительно-усталая маска слезла с лица Уго, стальные глаза нежно засияли, и он подмигнул. — Наш красавчик ждет не дождется в ангаре. Пойду к дежурному, надо соблюсти формальности перед вылетом. А ты бросай сигарету, раз пришел к самолетам.

Отто понял, что самолеты — вторая непобедимая страсть Уго, примерно как марки у самого Отто. Хотел спросить, почему одни самолеты стоят в ангаре, как куры на насесте, а другие вольно греются на солнышке, но не успел. Уго бросился к ангару, словно там его ждала любимая женщина.

Приручив Уго к мысли о сотрудничестве, Отто начинал осторожно дистанцироваться. Период подчеркивания общей немецкости в отношениях истек, роли поменялись, и теперь уже Уго втирался в доверие, приподнимая статус с наемного работника до близкого приятеля.

Химчисточный бизнес научил Отто искать ключи к любому собеседнику и топить в море собственного обаяния любое недоверие. Но теперь, когда Уго глубоко заглотнул крючок, Отто напомнил себе, что человек с профессией наемника не может стать его другом.

Он не понимал, как можно убивать людей не для защиты родины, а за деньги. Считал это глубоко аморальным, но не собирался озвучивать, ведь он всего лишь нанимал парня на

работу.

Отто знал, что деньги, поставленные на центральное место в жизни, — всегда следствие детских травм, связанных с ущемлением человеческого достоинства. И его интересовали обстоятельства, приведшие Уго к выбору амплуа наемника.

При том, что Отто не чувствовал себя проповедником, он решил, что работа Уго по перевозке машин-химчисток может обернуться для человечества некоторым количеством спасенных жизней, ведь, судя по всему, этот парень был классным пилотом.

Ворота ангара бесшумно поползли вверх, и самолет, оседланный Уго, выехал под солнце во всей красе.

* * *

Они летели над рощами немыслимой красоты.

— Почему ты выбрал ЮАР? — спросил Уго.

— Я мог бы послать кого-то из подчиненных, но люблю путешествовать. Да никто, кроме меня, и не справится в такой стране. Они ведь привыкли работать в Европе, где все понятно.

— По мне так и утюг — излишество! Думаю, легче обезьяну научить играть в шахматы, чем приучить зулусов к химчистке. К тому же в деревнях проблемы с электричеством.

— Чувствуешь себя большой птицей… — задумчиво сказал Отто.

— Да разве мы летим? Мы тащимся, как старуха на инвалидной коляске. Смотри, какое небо! Здесь всегда летная погода, потому многие страны тайно делают у нас тренировочные базы. Дипломатические отношения не поддерживают, а пилотов потихоньку присылают! Смотри на панель управления! Эти кнопки — как клавиши пианино, хороший пилот может сыграть на них адреналиновую симфонию!

— Бросая на людей бомбы? — покосился на него Отто.

— Ничего личного. Я бросаю не на людей, я бросаю на объекты. Хирург, когда оперирует человека, режет не Рони или Тони, он режет объект. А если вспомнит, что это живой Тони или Рони, зарежет его к чертовой бабушке!

— А каннибал тоже ест объект? — перевел Отто тему в шутку.

— Не думал об этом! — захохотал Уго. — Ты не был в Уганде? А я был! Хорошо, что они выгнали своего президента Иди Амина из страны! Он был сумасшедшим людоедом! Хранил в холодильнике головы врагов и иногда с ними беседовал. Одна его жена обнаружила в холодильнике головы предыдущей жены и ее

любовника!

— Слышал, что президент Амин так и не научился читать!

— Зачем ему читать? Когда мы были на приеме в Уганде, его должность произносили полчаса, помню, что там было: «пожизненный президент, повелитель всех зверей на земле и рыб в море…» — рассмеялся Уго и добавил: — Хорошо, нас предупредили, что если кто заржет, то его расстреляют на месте!

— Сколько же лет Амин управлял Угандой?

— Долго. СССР снабжал его оружием. А когда он приехал в Москву, то сказал журналистам, что ему понравились мягкие жирные руки Хрущева! У него слюнки текли, чтоб сожрать Хрущева!

— Какого еще Хрущева? Хрущев там давно не президент, Советами правит Брежнев, — поправил Отто. Он читал политические колонки в газетах и был в курсе.

— Брежнефф? Смешная фамилия, никогда не слышал! Что ты хочешь посмотреть в этом полете? Могу дать порулить, когда кончится турбулентность. Дать другу порулить — нормальная штатная ситуация. Крепко возьмешься за руль и почувствуешь себя повелителем мира!

— Нет, не хочу, — помотал головой Отто.

— А ты трусоват, — цокнул языком Уго. — Смотри, мы в зените! Сверху — тишь да гладь, а внизу — гадючник грешников.

— Так ты еще и религиозен со своей профессией? — усмехнулся Отто.

— Ни в коем случае! Бог слишком равнодушен к моим проблемам, чтобы я стал его фанатом. В этом смысле я далеко ушел от родителей, их христианство и иудаизм сыграли во мне боевую ничью.

Глава восьмая
СПАЛЬНЯ ТИАНЫ

Спальня Тианы была решена в кремовых тонах. Трюмо украшала тысяча безделушек, которые Проджети с любовью протирала специальной мягкой тряпочкой. А шкатулки ломились от украшений, которые Проджети примеряла втайне от хозяйки.

Тиана одевалась с европейским минимализмом революционных шестидесятых, но иногда любила побаловать себя авторской ювелиркой, ведь Гидон давал ей «на шпильки» огромные деньги.

У них не было детей. Гидон считал, что человеку его профессии не стоит иметь детей. Тиана периодически грозила разводом, но потом летела в Европу делать аборт, ведь в ЮАР аборты были запрещены.

После аборта пила успокоительные таблетки, покупала в утешение чемодан нарядов, мирилась с мужем и клялась себе, что это в последний раз. А потом вовсе перестала беременеть и старалась об этом не задумываться.

Тиана вышла в гардеробную в легкой рубашке и в шлепанцах, расшитых умелыми африканскими вышивальщицами, заглянула через плечо Проджети, гладившей недавно купленное платье. Подумала, сняла с вешалки другое платье, приложила к себе перед зеркалом и осталась недовольна.

— Наденьте новое, мэм, я не зря его глажу. То, что вы взяли, слишком открытое. Ведь вы хотите замуж, а не поразвлечься! — напомнила Проджети. — Тогда надо все спрятать подальше, чтоб мужчина захотел на вас поохотиться. Как говорится, не нужно учиться плавать там, где мелко.

— Проджети, я и сама не знаю, чего хочу… Мне страшно быть одной, а Отто такой заботливый. — Тиана вздохнула. — В прошлый раз он даже принес рыбу для котов.

Шкафы гардеробной хранили столько нарядов, что в них можно было одеть целую улицу Йоханнесбурга. Особенно нелепо это выглядело в свете того, что в основном Тиана ходила в одних и тех же футболке и джинсах. И только кокетство с Отто заставило ее принарядиться.

— Плохо, что он немец, мэм! Немцы очень жадные, — предположила Проджети. — Но зато он вдовец. Значит, вы подходите друг другу, как чашка с блюдцем. Наденьте вот это! Оно хоть немножко полнит, вы так похудели, что мужчине просто

нечего будет взять в руки.

И, протянув платье одной рукой, Проджети другой рукой показала на свою мощную грудь.

— Не понимаю, зачем он так долго ухаживает? Так долго ухаживают только богатые старики. Все-таки наше поколение прошло через сексуальную революцию… — Тиана вяло взяла платье.

— Вы занимались революцией? — всплеснула руками Проджети.

— Не в том смысле, что ты подумала. Революция… в смысле свободы заниматься сексом с кем хочешь. В моей молодости в Европе это было очень важно.

— А мы тут и без революции! — бодро подмигнула Проджети.

— За все это время он не дотронулся до меня! Ничего, кроме шутливых поцелуев в щеку на прощание! — пожаловалась Тиана.

— Да что вы такое говорите, мэм? Он вас так и ни разу?.. — возмутилась Проджети.

— Ни разу! — помотала головой Тиана. — У меня нет этому объяснения. Может быть, я слишком подурнела после аварии?

— Что вы такое говорите, мэм? Да посмотритесь в зеркало! Вы для мужчины, как цветущая протея для шмеля! — успокоила Проджети и задумалась. — А вдруг этого немца интересуют деньги, и он хочет жениться на ваших деньгах? Мы не знаем, что у него на уме, в бутылку из тыквы нельзя заглянуть двумя глазами!

— Проджети, ну какие деньги? — отмахнулась Тиана. — Он со своими химчистками в десять раз богаче меня!

— А вдруг он от тех, что украли вашего мужа? — наморщила лоб Проджети. — Он вас ни о чем не расспрашивал?

— Я для них не представляю интереса, иначе бы меня давно убили. И не знаю ничего, кроме того, что мой покойный муж свихнулся перед гибелью.

— А вдруг знаете?

— Проджети, ну вот: твой муж чинит автомобили. Ты знаешь что-нибудь о починке автомобилей?

— Ваша правда, мэм! Жена всегда в дурах! — торопливо закивала Проджети.

— А все бумаги полиция забрала из дома сразу после исчезновения Гидона. Ты же помнишь, как они все перерыли. Они забрали даже его диплом! Как будто он может использовать свой диплом с того света!

— Полиция лучше знает, что забирать, — почтительно заметила Проджети. — Но после них я неделю приводила дом в

порядок!

— И не забывай, что не Отто был инициатором отношений. Я сама пригласила его после того, как он спас мне жизнь в Блантайре. — Тиана словно старалась убедить домработницу. — Зачем спасать жизнь женщине, если не хочешь затащить ее в постель?

— Тут вы правы, мэм. Тогда остается только один вариант. — Она горестно покачала головой. — Самый плохой!

— Какой?

— Моя троюродная сестра Риана работала проституткой, тогда еще черным совсем запрещали спать с белыми. Она сильно рисковала. Так вот Риана говорила, клянусь солнцем и небом, что у большинства белых мужчин совсем плохо с этим делом. — Проджети сделала непристойный жесту себя между ног. — Говорила, что по сравнению с черными клиентами с белыми это была не работа, а отдых!

— Нет, Проджети, я чувствую, что с ним все в порядке. И дело не в нем, а во мне. Он относится ко мне как к больному ребенку, а не как к женщине, — пожаловалась Тиана и начала примерять выглаженное платье.

— Мэм, так и не надо шататься с ним по клубам. Надо сразу валить его в кровать, чтоб не успел очухаться. Раз в кои веки вам попался немец, ведь вы так ненавидите англичан! Значит, надо его не упустить! — скомандовала Проджети. — Давайте вы сейчас не пойдете на концерт, а изобразите приступ головной боли.

— Зачем?

— Смотрите, я уйду, мы разбросаем платья в гостиной, чтоб было похоже на правду. Он позвонит в дверь, вы откроете в накинутом халате. — Проджети подбежала к шкафам и начала искать самый соблазнительный халат. — Пуговицы не застегивайте, волосы разлохматьте… А еще лучше, если намотаете на голову полотенце, чтобы было пострашнее!

— Полотенце?

— Небольшое полотенце. Лучше голубое, чтоб под глаза! Сейчас найду голубое! Говорите тихим-тихим голосом, что не можете пойти на концерт, что начинается приступ головной боли, а Проджети, как назло, уехала на свадьбу к родне, а доктор не подходит к телефону… Потом падаете на постель и стонете! Куда он денется?

— Так ведут себя двадцатилетние дурочки, — фыркнула Тиана.

— Мэм, так ведут себя все, когда надо заманить мужчину, — авторитетно заметила Проджети. — Помните, когда нам, черным, уже разрешили алкоголь, белым за рулем не разрешали сажать на

переднее сиденье черного?

— Ну, было такое, — кивнула Тиана.

— Я была девчонка, работала у хозяев, и они наняли белого водителя. Немолодой, но такой высокий, сильный мужчина, и я, как говорится, положила на него глаз. Мне хотелось узнать, как это бывает с белым мужчиной! Иногда он подвозил меня до развилки дороги в сторону деревни, но ведь я была в машине сзади, а он спереди, — радостно тараторила Проджети. — И однажды мне это надоело! Доехали до середины дороги, и я начала стонать и сползать с сиденья вниз. Он испугался, остановил машину… Мэм, вы слушаете?

— Да, конечно, — вежливо кивнула Тиана, но мыслями была совсем в другой истории.

— Я стала кричать, что кто-то сделал мне плохо, заплатив колдуну, и что теперь у меня останавливается сердце! И начала тереть вот здесь, на груди слева. — Проджети начала дико извиваться и тереть свою левую грудь. — А на мне была такая широкая кофта, вся в вышивке, и она начала неприлично задираться. Он открыл заднюю дверцу, глаза перепуганные, не знает, что делать… вдруг покажется полицейский и скажет, что он со мной… сами понимаете… А я говорю, что меня надо перенести на траву, чтоб земля дала силы. Я тогда была тоненькая, как тростиночка, и он понес меня с дороги за кусты, чтобы не видела полиция. И когда положил на траву, я так стонала, что ему было уже все равно, где там у меня болит! Чуть не порвал себе все пуговицы на ширинке, так торопился! И с тех пор каждый раз, когда подвозил меня, в этом месте останавливал машину, и я бежала за кусты. Мы так много лет делали, и даже поговорить не успели ни разу…

— И ты не забеременела от него? — удивилась Тиана.

— Как я могла от него забеременеть? Он ведь белый, меня бы сразу убили! — напомнила Проджети.

— Так ведь черные не делают абортов.

— Зачем аборты, мэм? От них можно умереть, и духи этого не одобряют. Но каждая девчонка в деревне знает, как делается тампон из хлопка, меда и крокодильего навоза. И никаких абортов!

— Крокодильего навоза? — поморщилась Тиана.

— Духи, мэм, все предусмотрели. Мне рассказывали про таблетки для белых, чтоб не беременеть. Но они дорогие. И потом, откуда я знаю, какой дряни туда натолкали? А крокодил никогда не подведет. — Она взглянула на часы. — Ой, сейчас он придет, я побежала. Только стоните громче. Так, как стонете во время приступа. Немца это разгорячит. Завтра расскажете, есть ли

от него толк.

И она подмигнула таким масленым глазом, что Тиана покраснела и беспомощно улыбнулась:

— Актриса из меня плохая…

Но все-таки скомкала и швырнула платье, которое Проджети так тщательно гладила, накинула тот самый соблазнительный шелковый халат и начала наматывать на голову голубое полотенце, подчеркивающее цвет глаз.

А Проджети заколыхалась к лестнице, расшвыривая па ходу вещи с мощностью цунами.

Тиана подошла к зеркалу в спальне, попробовала разные варианты запахивания халата, но всякий раз казалась себе в этой роли верхом пошлости. В ее среде не были приняты галантерейные ужимки простонародных кокеток, она привыкла говорить мужчине «Я тебя хочу» и слышать в ответ «Я тебя тоже». Но с Отто такая интонация почему-то не получалась в принципе.

Тиана проникновенно посмотрела себе в глаза в зеркале и прорепетировала:

— Отто, я так виновата перед вами… Не то!.. Отто, видите, я собиралась на концерт. Но у меня начался приступ… Идите один. Я ничего не соображаю от боли… Не то! Отто, у меня разламывается голова, спасите меня еще раз… — Но голос не подчинялся, казался манерным и фальшивым.

Она услышала шаги и замерла.

— Тиана! — раздался голос Отто из гостиной. — Извините, дверь была не заперта!

Она медленно и напряженно вышла навстречу, изображая больную, кинула на гостя умоляющий взгляд.

— Я вижу, вы собирались на концерт, но у вас начался приступ головной боли, — предупредительно озвучил сцену Отто практически ее текстом. — Ничего не объясняйте, вам надо лечь.

Он оглядел беспорядок в гостиной, бережно подвел Тиану к дивану, стряхнул с него рыкнувших котов Эйнштейна и Ньютона и подложил ей под голову подушки:

— На вас лица нет! Не огорчайтесь, эта джаз-банда приедет еще раз!

Тиана повиновалась и страдальчески выдавила из себя:

— Проджети не подходит к телефону, доктор уехал на свадьбу к родне…

И тут же испугалась, что переврала текст, потому что в лачужке Проджети никак не могло быть телефона.

— Справимся сами. У вас есть грелка? Надо приложить грелку к ногам.

— В шкафчике в ванной, — безжизненно взмахнула Тиана

рукой, все больше и больше входя в роль. И когда он вышел, торопливо освободила соблазнительное плечо из-под халата.

Отто вернулся, положил горячую грелку под ее ступни:

— Такая жара, а у вас ледяные ноги!

— Это от страха, — выдохнула Тиана.

Отто сбросил пиджак, сел у нее в изголовье и мягко сказал:

— В Алжире меня научили снимать боль. Не возражаете, если сделаю вам массаж головы?

Она согласно опустила ресницы, ничего не соображая от его близости. Отто размотал полотенце на голове Тианы и осторожно погрузил руки в ее пышные волосы.

Он был далек от медицины, но знал, что головные боли в основном возникают от напряжения мышц головы и сужения сосудов, поставляющих кислород нервным клеткам мозга.

Второй причиной бывает искривление позвоночника, зажимающее шейный нерв. Но и первое, и второе снимаются нежным массажем.

Отто видел, как летают головы в руках массажистов из индийских диаспор Африки: каждый раз казалось, что они вот-вот оторвутся от шеи. Потом массажист звонко стучал по черепу руками, сложенными в замок, тянул клиента за пряди волос. А иногда и вовсе поднимал вверх за голову. И клиент вместо того, чтобы закричать, расплывался в улыбке, свидетельствующей о полном и бесповоротном блаженстве.

Отто не решился на столь экстремальный массаж, а просто промял и прогладил мышцы под шапкой волос. Сначала от Тианы шла тяжелая испуганная энергия, а потом она расслабилась и словно повисла у него на руках.

— Лучше? — спросил Отто с предельно докторской интонацией.

— Не знаю, — прошептала она, не открывая глаз.

— Надо прогнать страх. Как вам кажется, в какой части тела он поселился? — Отто продолжил игру в доктора потому, что не чувствовал себя готовым к переходу в другой жанр.

— Тут! — Тиана положила ладони на солнечное сплетение.

— Как он выглядит? Как бы вы нарисовали его, если б были художником? — Отто понимал всю нелепость ситуации и теперь играл в психоаналитика.

— Это автомобиль! Старый черный «мерседес», который летит навстречу, как адская колесница!

— Вы очень тяжело пережили потерю мужа?

— Хочу говорить вам только правду. Я собиралась уйти от Гидона перед этим. Предчувствовала беду…

— Разлюбили? — Отто осторожно положил ее голову на

подушку. — Я налью себе что-нибудь прохладное из холодильника?

И, не дожидаясь ответа, бесшумно, как кошка, подошел к бару-холодильнику, понимая, что любая лишняя секунда сидения так близко настаивала бы на продолжении телесного контакта.

Отто тихо приоткрыл дверцу, тихо налил в стакан соку. Тиана, словно не почувствовав, что он отошел, продолжала лежать с закрытыми глазами, не то справляясь с остатками боли, не то наслаждаясь освобождением от нее. Коты медленно и молчаливо полезли к ней на диван и уселись рядом.

— Гидон был физиком. И руководил испытаниями со стороны Израиля. У него, как бы это лучше сказать… началась мания величия. — Она снова завела монолог о своей жизни, но не так, как в прошлый раз, а мягко и умиротворенно. — Сначала кричал, что покажет мне испытания, что они почище, чем картины Сальвадора Дали, что чувствует себя Сальвадором Дали от физики. И что в его руках судьба планеты!

— Он заболел психически? — подсказал Отто.

— Скорее, перешел грань. После испытаний закатили невероятный банкет. Даже шампанское для банкета заказали из Парижа.

— А что испытывали?

Тиана села на диване, забыв о распахнутом халате, и удивленно уставилась на него, потом усмехнулась:

— Извините, Отто, я забыла, что вы король прачечных… После того как мы поженились, Гидон начал ездить в командировки в Неваду… Там, в пустыне, главный полигон для испытаний.

— Испытаний чего? — недоумевал Отто.

— Он стал раздражительным и подозрительным, практически параноиком. Стал много пить. — Она словно не слышала его вопроса. — Не представляете, как трудно жить в браке с человеком, существующим под грифом секретности! Как-то я вызвала его на откровенный разговор и поняла, насколько была несправедлива.

— Несправедлива?

— Он страдал от одиночества и невозможности поговорить о своих проблемах. Сказал, что его обманули — атомная программа в Пелиндабе была не вполне мирной! Подписав контракт, он попал в ловушку. Это означало полную потерю профессиональной репутации — ведь он всю жизнь боролся за нераспространение ядерного оружия! — Тиана говорила так, словно ей надо было освободиться от груза информации.

— Он догадался об обмане в США или здесь?

— Думаю, здесь. Если бы узнал в США, он мог бы сбежать.

— И бросить вас тут одну? — удивился Отто.

— Как говорят здесь черные: только дурак проверяет глубину сразу двумя ногами! Я бы его поняла, — кивнула она.

— У него были друзья? — спросил Отто.

— Нет. Он был замкнутый, недоверчивый. — Тиана подняла на него умоляющие глаза. — Вы поможете мне узнать, что с ним?

— Я??? — Отто отступил на шаг. — Но сыск — совсем не моя профессия.

— После того как провели испытания, поднялся шум. Не понимаю почему? Каждый год десятки стран проводят ядерные испытания. Гидон сказал, что такой же шум был, когда испытания провела Индия. В мирных целях, они даже назывались Laughing Buddha!

— Индия провела ядерные испытания? — удивился Отто. — Я думал, там главное оружие — боевые слоны!

— Отто, вижу, вы еще наивней, чем я. Гидон говорил, что весь мир боится апартеида с привкусом плутония!

Она встала с дивана, прошлась по комнате в полузапахнутом халате, забыв, что он был надет с целью обольщения.

Отто каким-то загадочным образом давал ей такое ощущение надежности, что желание излить ему душу каждый раз оказывалось сильнее желания попробовать расстегнуть пуговицы на его рубашке.

— После испытаний он стал еще невменяемей, вел себя как зверь, посаженный в клетку. А когда случилась автомобильная авария, понял, что его не оставят в покое. Конечно, он законченный эгоист, но иногда я думаю, что он мог исчезнуть, чтобы отвести беду от меня!

— Но ведь он гражданин Израиля, его должны были искать израильтяне, — напомнил Отто.

— Посольство Израиля направило официальный запрос, но что можно сделать, если нет ни человека, ни трупа? Официальные лица ЮАР только разводят руками, пожимают плечами и не устраивают никаких тебе дипломатических скандалов. — Она вдруг опомнилась, запахнула халат и даже завязала пояс. — Иногда мне кажется, что его могли украсть сами израильтяне!

— Тиана, простите, я ничего не понял. Понял, что были какие-то секретные испытания, что шампанское из Парижа заказали дорогое и что после банкета ваш муж сошел с ума. — Отто пододвинул кресло, усадил ее, сел напротив и взял ее за руку.

— Утром после банкета он первый раз сказал мне, что

продаст информацию об испытаниях и станет миллионером. — Тиана говорила тоном, каким жалуются на свою неудавшуюся женскую судьбу.

— Парень не промах. Неужели, продав эту информацию, можно стать миллионером?

— Значительно быстрее стать покойником! Я отговаривала. Изменения в нем казались мне такими неприятными. Он все время куда-то уходил, прятался, боялся, оглядывался, прислушивался к каждому шороху в квартире. Жизнь превратилась в пытку. Я собралась при первой возможности улететь в Европу или Америку. Но не успела…

— Тиана, думаю, никаких испытаний и никакой атомной бомбы не было. Он просто сошел с ума. — Отто, успокаивая, смотрел ей в глаза. — Один мой приятель проиграл в рулетку чужие деньги, огромную сумму. И точно так же сошел с ума, все время твердил, что построил на эти деньги храм на острове, и этот храм спасет человечество!

— Так вы мне не верите? — Она выдернула руку и начала нервно ходить из угла в угол за его спиной.

— Я ничего не понимаю в физике, но я хорошо понимаю в человеческой психологии, без этого мой бизнес не шел бы в гору. Психам необходимы масштабные истории. С таким же успехом он мог рассказывать о нашествии инопланетян!

— Вы считаете меня полной дурой? — почти закричала она.

— Как головная боль? — попробовал поменять тему Отто.

— Да отстаньте вы со своей головной болью! Я вам говорю, что была на банкете после этих испытаний!

— Я думал, что массаж поможет! — Отто повернулся к ней и в прежней мягкой манере спросил: — Но если испытания секретные, кто же пустит на банкет жен?

— Видите фотографию над диваном? — раздраженно спросила Тиана.

Отто давно мозолила глаза фотография, на которой двое улыбающихся мужчин смотрели сквозь стекло влево, словно любовались заходящим солнцем. На шее у них висели темные очки с толстыми стеклами, а в руках были бинокли.

Тиана вспрыгнула на диван ногами, сорвала фотографию со стены, перевернула, отогнула зажимы и вытащила снимок из рамки.

Он оказался согнутым пополам, и на второй половине четко виднелся солидный ядерный гриб.

— Который ваш муж? — ревниво спросил Отто.

— Вот! — ткнула пальцем Тиана в тщедушного носатого очкарика. — Когда шел обыск, им просто не пришло в голову, что

человек сложит фотографию ядерных испытаний пополам и повесит ее на самом видном месте! Теперь видите?

— Похоже на извержение вулкана, — заметил Отто. — Я жил в Италии, так выглядит Этна, когда сердится.

— Вы просто недалекий немецкий зануда! — закричала Тиана. — И не видите ничего дальше вашего носа, дальше ваших химчисток!

Отто аккуратно сложил фотографию, засунул ее в рамку и протянул Тиане. А потом ровным, многозначительным голосом, каким делают предложение, сказал:

— Мне все равно, было это испытанием атомной бомбы или началом Страшного суда. В связи с этим меня интересуют только ваше здоровье и ваша безопасность. Возможно, я просто ревную вас к покойному мужу, ведь он занимался чем-то значительным, а я только коммивояжер.

— Мне не важно, кто вы. Главное, чтобы вы были со мной, — прошептала Тиана, ожидая его дальнейшей реакции и чуть не становясь на носочки для поцелуя.

Отто отступил на шаг и твердо предупредил:

— У нас, немцев, есть пословица: «Heirat in Eile bereut man mit Weile». Это означает: «В поспешной женитьбе со временем раскаиваются».

— Хорошая пословица, а главное, вы вовремя ее произнесли! — сказала Тиана, прижимая фотографию к груди и не понимая, как вести себя дальше.

— Ужас в том, что я назначил на концерте встречу филателисту, который летел сюда из Европы десять часов. Вы позволите сходить в клуб, поговорить с ним о продаже марки и вернуться?

— Да, конечно, — растерянно ответила Тиана, хотя собиралась ответить: «Нет, конечно».

— А вам надо хоть немного поспать после приступа. Я вернусь, повешу фотографию на стену и буду вам вместо Проджети. И даже дам вам вместо нее лекарство. Где она держит ваши успокоительные лекарства?

— В спальне на туалетном столике, — капризно, как маленькая девочка, показала Тиана, согласившись с новыми правилами игры. — В резной шкатулке.

Отто отправился в спальню, словно она не могла сделать этого сама, влез в шкатулку, достал упаковки лекарств, рассмотрел их, налил воды в стакан, кинул туда таблетки и подал Тиане.

— Мне кажется, вы перепутали успокоительное со снотворным, — покорно сказала она, понюхав содержимое

стакана. — Впрочем, все равно. — И медленно выпила, мерцая на Отто глазами.

— Вы услышите мой звонок или опять оставите дверь открытой? Может быть, взять ключи?

— Возьмите. Там, в прихожей, висят запасные. Я уже и так доверила вам самое главное, что есть в моей жизни, — сказала она тоном, означавшим «я тебя жду».

Отто взял в руки ее ладони, поцеловал их по очереди, сказал:

— Я скоро!

И побежал по лестнице из чугунных кружев вниз.

Глава девятая
В БАРЕ С УГО

Бар, в котором ждал Уго, находился возле парка. Отто шел, задирая голову на странные деревья, дружно склонившиеся в одну сторону. Они были без веток, только наверху торчала копна листьев, как у черного малыша, которого побрили наголо, оставив на макушке мелкие жесткие кудри. Прежде Отто никогда не видел ничего подобного.

— Что это за штуки? — спросил он, подходя к столику, за которым сидел Уго в неизменно мятой одежде и растоптанных сандалиях.

— На африкаанс называется человекоподобное дерево, потому что издалека похоже на человека. — Уго пожал Отто руку, немцы ведь пожимают друг другу руки при первой возможности. — Наклоняется на север потому, что в Южном полушарии солнце с севера. Вам к этому трудно привыкнуть. А в стволах оно хранит воду, как верблюд в горбе… У тебя проблемы?

— Все нормально. Собирался в клуб послушать джаз, но моя подружка заболела. И я решил позвонить тебе, чтоб скоротать вечер, а не сидеть при ней нянькой. Сам знаешь все эти женские штучки, — цинично объяснил Отто и закурил. — Официант, виски с содовой!

— И мне тоже! — крикнул Уго.

— Объясни, как тут живут черные? Сколько смотрю, на всех скамейках в парках, на улицах надписи «Только для белых». Магазины только для белых. Удивляюсь, где они покупают еду, чтобы поставить ее на стол белым?

— А тебе зачем? — Уго недоверчиво сузил свои стальные глаза.

— Как это зачем? Хочу знать, где черная ведьма покупает еду для моей подружки! Вдруг она нас отравит?

— Ешь спокойно, — ответил Уго. — Зачем подсыпать примитивный мышьяк, если дешевле сходить к колдуну?

Официант неожиданно быстро принес заказ.

— Обещал рассказать, как у черных в постели, — напомнил Отто, отхлебнув из стакана.

— А ты решил завалить черную ведьму? — захохотал Уго.

— Видел бы ты ее, — усмехнулся Отто. — Она размером со слона — мне не справиться с такой тушей! Но она управляет мозгами моей подружки почище любой мамаши.

— О, у моей матери раньше была такая черная! Лезла во все!

Я ж тебе говорил, их наглость сдерживает только сегрегация!

Шум в баре заглушал хорошего гитариста, но Отто поймал себя на том, что все-таки выстукивает ладонью в ритм фламенко, которое тот наяривал.

— Так что там у черных за прелести?

— Ну, это целая наука, — многозначительно сказал Уго, словно речь шла о самолетах. — Ты вот видел дух зулуса, ты б у него спросил!

— Уго, но я… не специалист разговорного жанра с духами. Я больше понимаю про живых женщин!

— Так это здесь еще сложнее, чем с духами. Короче, слушай. После первой ночной поллюции зулус, живущий по своим правилам, уходит из дома перед восходом солнца и угоняет весь скот из стойбища. К нему приходят другие пастухи, он им объявляет: мол, я теперь мужчина. Представляешь, прямо так и объявляет! Когда наступает время доить скот, этот черномазый подросток не пригоняет его с пастбища. В ответ из деревни посылают девок с прутьями, и они вроде как дерутся с пастухами и загоняют их домой вместе со стадом.

— Зачем? — удивился Отто.

— Ну, так принято у черномазых. Это как у нас конфирмация, такой же спектакль. Потом папаша дает подростку специальные травы и воду, нагретую раскаленным топором. Только не спрашивай, почему именно топором, я не знаю и знать не хочу. И после этого ему надевают умушту.

— Что это?

— Такой специальный зулусский передник. Потом его изолируют и заставляют поститься, заодно объясняют, как устроена баба, и как ей сделать хорошо. И этот подросток знает, как оприходовать бабу лучше, чем мы к старости узнаем методом проб и ошибок. В этом черномазые молодцы, за это уважаю. А девку после первых месячных держат в изоляции чуть не месяц, потом парень, который ее выбрал, устраивает гулянку и приглашает ее туда…

— Мудрено! — покачал головой Отто.

— Да ты только подумай, зулусы учат мальчишку и девчонку приемчикам, которые дают им одновременный оргазм! При этом как-то делают, чтобы она не залетела. Потому что случайный залет у них считается несчастьем.

— Не понимаю. В Европе только недавно появились более или менее надежные противозачаточные, о чем все время пишут феминистки в своих газетах. А эти как научились? — недоверчиво покачал головой Отто.

— Да черт их знает, может, с духами договариваются. У них

ведь своеобразные обычаи. У нас отличившийся воин получает вшивую медальку, а у них он должен после этого выбрать любую понравившуюся бабу и оприходовать ее, — завистливо сказал Уго. — И любая незамужняя баба обязана ему дать! Называется су-ла изембе — «обтирание топора». По этой части я бы хотел быть зулусом!

— Я тоже, хоть и не воин, — поддержал его Отто.

— А если все-таки обрюхатил бабу, достаточно подарить ее папаше трех коров. Они ведь так с этим носятся потому, что твой великий воин Чака как раз был от нежелательной беременности. И его вместе с мамашей за это гнобили. Его кличка была У-Чака, на их языке «жук в обличии человека». Его унижали, пока не стал великим воином и не загнал обидчиков под ноготь! — почти торжественно закончил Уго.

— В каком году это было?

— В 1787-м.

— Уго, это было всего двести лет назад, а выглядит, словно рассказываешь о каменном веке! Во Франции уже надвигалась революция! — напомнил Отто. — Уже была написана американская Декларация независимости, а здесь еще командовал человек с бычьими хвостами на запястьях и щиколотках!

— Да ты лучше сосчитай, через сколько лет после этого в Европе началась сексуальная революция, а зулусы делали все то же самое с рождения! Вы ходили на идиотские демонстрации за право заниматься любовью, с кем хотите и как хотите, а они и так знали, что небеса дали человеку тело для того, чтобы он кайфовал, а не чувствовал себя виноватым за то, что ему хочется секса! — Уго так размитинговался, что даже стукнул кулаком по столу, словно именно Отто заставлял его чувствовать себя виноватым.

— Ты нашел бы общий язык с моей подружкой! Она как раз из тех, кто ходил в Европе на демонстрации с плакатами! — усмехнулся Отто. — А я глубокий консерватор, секс без любви не доставляет мне удовольствия.

— А ты попробуй!

— Мне уже поздно менять привычки.

— В это я верю, иначе мы с тобой уже вели бы эту беседу, лежа на черных девчонках! — Похоже, Уго немало выпил до встречи. — У тебя скучная жизнь бюргера. Я бы на твоем месте повесился от тоски!

— Мой бизнес, конечно, не так экстремален, как твой, но все равно я каждый раз решаю новые задачи в новых условиях, — возразил Отто.

— Какие у тебя могут быть новые задачи? Все твои новые задачи — это впарить не пять, а семь химчисток! И ты этим гордишься! — Уго презрительно сплюнул на пол, совершенно шокировав Отто этим жестом. — А вот я горжусь тремя дерзкими поступками, которые совершил, нося форму военного пилота! Помнишь о происшествии в Энтеббе? Эй, бой, еще виски с содовой! Ты ведь меня угощаешь, пока я не начал получать зарплату?

— Конечно, угощаю. Энтеббе? Что-то знакомое… не помню.

— Захват самолета «Эр Франс» палестинскими террористами. Восемь палестинцев и двое ваших немецких леворадикалов захватили двести пятьдесят человек! Представь себе этих баранов, которых было в двадцать пять раз больше, чем террористов! Самолет, полный евреев!

— Но они были безоружны, — возразил Отто.

— Ерунда, если у тебя есть руки и мозг, оружием может стать выломанный подлокотник. Террористы потребовали пять миллионов долларов, а заодно выпустить их соратников по всему миру.

— Вспоминаю, самолет посадили в Уганде, у твоего любимого людоеда Амина!

— Точно! Командующий ВВС Израиля спросил у Шимона Переса: захватить только аэропорт Энтеббе или всю Уганду? Ведь для захвата Энтеббе понадобилось бы сто бойцов, а для захвата всей Уганды — пятьсот! Перес приказал ограничиться аэропортом.

— Ты тут при чем?

— Я не из израильского спецназа, хотя во мне четвертушка еврейской крови. Но меня рекрутировали за хорошие деньги в Найроби, я же в Африке как рыба в воде. Сидел на хвосте оперативной группы захвата запасным пилотом. Операция шла как учебное пособие, называлась «Шаровая молния». — Уго махал руками и брызгал слюной. — Сажали нашего мотылька практически в костер — прямо у аэродрома. И дальше, как в самых неправдоподобных фильмах Голливуда, только без каскадеров… Мгновенно освободили заложников — с первого выстрела и до момента ликвидации террористов всего пятнадцать минут. Это было такое кино — закачаешься! Рассказываю тебе, как другу, я не писал об этом в анкете ни слова… Бой, неси еще виски с содовой!

— Невероятно! — сказал Отто вместо того, чтобы сказать: «Какое грубое вранье».

— Про Вьетнам я тебе говорил! Туда присылали бутафорских красавцев, не нюхавших пороху. Вроде тебя! Избалованных

мамочками и воевавших до этого исключительно с тренажерами! А ничто так не разлагает воина, как мирная жизнь. Поэтому те, кто хоть что-то понимает в наемниках, дерутся за резюме таких, как я.

— Уго, но разве можно бомбить людей только за то, что тебе не нравятся их политические взгляды? — голосом проповедника спросил Отто.

— Взгляды — не моя профессия. Моя профессия — срывать куш и бежать так, чтобы мои грехи не поспели за мной! Я убил немного вьетнамцев, а в одном боевом рейде чуть сам не погиб.

— Уго, ты счастливый человек? — спросил Отто, несмотря на то, что язык у пилота уже заплетался. Он достал и начал раскуривать большую кубинскую сигару, ожидая, когда собеседник устанет врать и хвастаться.

— Мой третий подвиг. — Уго обвел взглядом бар, словно рассчитывал на увеличение слушателей. — Угон советского истребителя «МиГ-23»! В Анголе из-под носа кубинских инструкторов! Чтобы внедриться в ряды повстанцев, пришлось выучить цитаты Маркса, Ленина, Че Гевары и Кастро! Я почти завербовался в красного комиссара и начал спать с кубинской революционеркой!

— С кубинской революционеркой? — Отто выпустил дым, почти скрывший физиономию надоевшего вруна.

— Я бы с ней жил, но она мне изменяла. Ты не представляешь, у этих революционеров, как и в СССР, все общее — в первую очередь, постель. И я решил угнать самолет, чтобы сучку заставили глотать аэродромную пыль за то, что она жила с классовым врагом! Однажды, во время тренировочного полета, я шмыгнул в соседнюю страну.

— Как это шмыгнул?

— Очень просто! Я знал, что противовоздушная оборона у них просыпается только раз в день, поутру, а не по тревоге. Официальная версия, конечно, была «летчик сбился с курса, потерял ориентацию, а потом и жизнь…». — Он наклонился и прошептал Отто на ухо: — Я получил баснословный гонорар. Не скажу от кого. Как говорят черномазые, слон не заботится о том, что останется после того, как он прошел.

Отто понимал, что, если даже делить басни Уго на десять, остаток все равно окажется нешуточным.

— Я впечатлен твоей биографией. Братья Райт изобрели самолет именно для таких, как ты!

— Отто, ты не знаешь обо мне главного. — Уго начал пьяно озираться по сторонам. — Я расскажу тебе, но не здесь. Ты видишь, что все они подслушивают?

Однако людей за соседними столиками, находящихся примерно на такой же дозе алкоголя, что и Уго, можно было заподозрить в чем угодно, кроме подслушивания.

Засунув пилота в такси, Отто облегченно вздохнул и пешком отправился на ночной цветочный базар. А через некоторое время уже входил в гостиную Тианы с таким же кровавым букетом гладиолусов, как в свой первый визит.

В записке, приложенной к букету, было всего несколько строк: «Дорогая Тиана! Вы спали, как ангел. Я не решился Вас будить. Отто».

Глава десятая
КРОКОДИЛЬЯ ФЕРМА

Они ехали по живописной дороге в машине старого Джона, сидя на задних сиденьях. За рулем был черный водитель в яркой рубахе с причудливо подстриженной головой. На бритом черепе высились кусты жестких, как проволока, черных волос, логика расположения которых была понятна только парикмахеру.

Старый Джон периодически покрикивал в сторону черного. Не потому, что тот гнал или не вовремя тормозил, а чтобы была возможность сделать вид, что Джон — водитель более высокого класса. Покрикивал на таком странном языке, что Отто не понимал ни слова.

— У-Цибусисо по национальности ндбеле и лучше понимает, когда я называю его кретином на родном языке, — пояснил Джон. — В его деревне до сих пор расписывают стены домов, чтобы было понятно, кто там живет. Их женщины лучше всех плетут из бисера. Если захочешь, через него можно купить хорошие плетеные сувениры, а еще шкуры антилопы и зебры.

— Не люблю ни шкуры, ни чучела зверей, — поморщился Отто. — В этом есть какая-то некрофилия.

— Значит, ты не охотник! — покачал головой Джон. — Настоящий мужчина должен быть охотником, а ты — немецкий чистюля! Не обижайся, я прикипел к тебе, как к сыну. Ты же знаешь, моя дурная дочь уехала с мужем-прохиндеем в Индонезию, и мы с женой остались на старости лет совсем одни. Раз в год получаем по почте фотографии внуков.

К концу фразы Джон отвернулся к окну, чтобы Отто не видел его глаз. А что может быть страшнее глаз брошенного старика, даже если он богат?

— Я знаю, что такое одиночество, — откликнулся Отто.

— Надеюсь, недолго будешь у нас холостяковать. Я присмотрел тебе девчонку одного своего приятеля — он владеет несколькими магазинами. Помню ее с пеленок, играет на пианино, говорит на всех языках и вылитая Брижит Бардо!

— Джон, вы же знаете, что мое сердце занято, — укоризненно возразил Отто.

— Знаю-знаю, даже готов согласиться на припадочную бурскую вдовушку, если ты останешься ради нее в Йоханнесбурге и будешь приходить показывать мне новые марки!

— Хотите навсегда запереть меня на краю света? — улыбнулся Отто. Ему ужасно нравилось проводить время с

Джоном, тот чем-то неуловимым напоминал отца.

— А кто тебе сказал, что центр вселенной в Европе? Ты хоть знаешь, что именно в ЮАР обнаружили окаменелости, которым 2 500 000 лет, и с тех пор называют нашу страну «колыбелью человечества»? — разгорячился Джон. — А знаешь ли ты, что первую на планете пересадку сердца сделал в 1967 году наш кардиохирург Кристиан Барнард?

— Джон, я уже давно не ощущаю себя европейцем, я ведь двадцать лет жил в Алжире, а потом мотался по миру со своими машинами-химчистками.

— Кстати, много ли этих штуковин ты пристроил у нас?

— Пока не много, но мой гениальный бизнес-план рассчитан на работу вместе с пилотом. Представьте себе, мы прилетаем в городок и ошарашиваем его чудесами техники. Как говорил Юлий Цезарь: «Пришел, увидел, победил!» — похвастался Отто. — Я все никак не познакомлю вас с этим пилотом. Он немец, невероятно хорошо летает, но пьяница и бывший наемник.

— Гони в шею! Скажу тебе как профессиональный военный: наемники — самая большая грязь на войне, — замотал головой Джон. — Убивать надо за родину, а не за деньги.

— Согласен с вами. Но все равно я должен полететь в Италию в штаб-квартиру, чтобы утвердить его или другого кандидата: найм самолета с пилотом — это серьезные вложения.

— Ты уезжаешь? — испуганно спросил старик и непроизвольно схватил Отто за руку.

— Всего на пару дней, — успокоил Отто.

— Ведь мы с тобой еще не съездили смотреть белых акул и китов! Скоро они подойдут со своими малышами к самому побережью! А ты был в Голд-Риф-Сити? Спускался в туннеле в шахту?

— Да, Тиана возила меня туда. И еще показывала порт Элизабет.

Он без удовольствия вспомнил Голд-Риф-Сити — городок, построенный вокруг шахты бывших королевских золотых приисков. Там сохранилась исторически достоверная картина золотодобычи викторианских времен с убогими шахтерскими домиками, музеем одежды и быта.

Экскурсионный спуск в шахту выглядел, как прогулка в преисподнюю, в которой добывавшие золото шахтеры работали в таких условиях, словно при жизни были сосланы в ад за тяжкие грехи.

Машина резко остановилась, и Джон заорал на У-Цибусисо на незнакомом языке. Тот начал оправдываться, эффектно воздевая красивые руки и закатывая огромные глаза к небу, потом достал

из багажника металлическую канистру и кинулся в лес с быстротой лани.

— Это кретин забыл залить полный бак перед выездом! Ты можешь себе представить, чтобы белый забыл залить бак перед выездом? — кипятился Джон.

— Могу, — улыбнулся Отто. — У меня так было. А почему он побежал в лес? Он рассчитывает, что лев нальет ему бензина? Или он боится вас больше, чем льва?

— Сказал, что знает деревушку, где есть бензин. Лев его не тронет, они с ними как-то умеют договариваться. У-Цибусисо будет бежать и бить в канистру, как в барабан, а львы не любят шума. — Джон посмотрел на часы. — Мы обещали быть у Уинстона в двенадцать, а из-за этого черномазого кретина не поспеем!

— Давайте простим его, тем более, вокруг такая красота.

— Это для тебя красота, а я езжу по этим тухлым дорогам семьдесят лет подряд! Вот ты, Отто, осуждаешь сегрегацию, но они все время ведут себя так, словно у них в голове солома. Знаешь анекдот? Приходит черный к белому и говорит: «У меня двадцать детей, я не могу их прокормить, как сделать, чтоб их больше не было?» Белый советует: «Сделай стерилизацию». Черный отвечает: «У меня нет на это денег». Белый говорит: «Тогда купи банку пива и хлопушку, выпей пиво, выдерни из хлопушки веревочку, засунь в пустую банку и считай до десяти».

Старый Джон показал, как черный выпил пиво, выдернул веревочку из хлопушки, засунул хлопушку в банку пива, и держа одной рукой банку, начал загибать пальцы на другой:

— Черный считает: раз, два, три, четыре, пять! Пальцы на одной руке кончаются, тогда он засовывает банку между ног и загибает пальцы на второй руке: шесть, семь, восемь, девять, десять!

Отто и Джон захохотали так, что автомобиль затрясся.

— Между прочим, имя водителя «У-Цибусисо» означает «Счастливый дар, ниспосланный небесами»! — вспомнил Джон, и они снова захохотали.

— Зато они умеют то, чего не умеем мы. Например, бежать с канистрой по джунглям и не быть съеденными, — напомнил Отто.

— Да потому, что они к животным ближе, чем к нам. Они живут не по законам государства, а по предсказаниям сангомас. Впрочем… — Джон махнул рукой. — Мы теперь практически тоже.

— Никак не привыкну к этому.

— Не привыкнешь? Да ты же сам общаешься с духом Чаки! —

подмигнул Джон и, чтобы скоротать ожидание У-Цибусисо с канистрой, спросил: — Лучше скажи, какие журналы модны у филателистов в Европе?

— Ну конечно, ваши «The London Philatelist» и «Philatelic Magazine», наши «Der Sammler-Dienst» и «Deutsche Zeitung für Briefmarkenkunde», австрийский «Austria-Philatelist», швейцарский «Schweizer Briefmarken-Zeitung» и французские «L'Echo de la Timbrologie» и «La Philatélie franijaise», — назвал Отто.

— Ты загибаешь пальцы совсем как черный со взрывчаткой между ног!

И они снова захохотали.

— Эти иногда к нам доходят, а что новенького?

— Сейчас такое время, что журналы для филателистов начали издавать и Восточная Германия, и Венгрия, и Болгария, и даже Куба с сумасшедшим Фиделем! Не поверите, но Советы недавно выпустили «Каталог почтовых марок СССР. 1918–1974» и обещали издавать к нему дополнения.

— СССР? — удивился Джон. — У них же голод и сталинский террор! Неужели им до марок?

— Там давно нет ни голода, ни Сталина.

— Откуда такое глубокое знание Советов? Ты ими интересуешься? — с подозрением спросил Джон.

— Кто же ими не интересуется, дорогой Джон? Посмотрите, сколько места они занимают на карте мира! Кто же не мечтает залезть со своим товаром на рынок этой махины? Если бы я был англичанином, как вы, у меня бы получилось, — вздохнул Отто. — Но немцев они ненавидят на подкожном уровне!

— Их трудно осуждать за это, сынок.

— Согласен. Я долго и тоскливо читал о них в журналах. И убедился, что по качеству бытовой техники СССР находится до нашей эры. Даже в Восточной Германии машины-химчистки и автомобили позорят немецкий народ. Как говорят перебежчики, Восточная Германия отличается от Западной примерно как «трабант» от «опеля».

Они проболтали на полупустой дороге о политике и марках еще полтора часа, периодически прерываясь на громкую брань Джона в адрес черного водителя, включающую пожелания быть растерзанным львом, ужаленным змеей и растоптанным слоном.

А когда замурзанный, исцарапанный и сияющий У-Цибусисо появился на дороге с полной канистрой на плече, сил ругаться уже не было.

— Я знаю этих черномазых, небось, взял бензин за соседним кустом, а все это время сплетничал со своей родней и жрал умнгдухо! Они же тут все родня друг другу!

— Что такое умнгдухо? — спросил Отто.

— Если буду рассказывать, сойду с ума от голода! Это кукурузная каша с картошкой, сладкими бобами, маслом, луком, красным перцем и лимоном. Знал бы ты, как ее готовит наша прислуга. Главное, чтобы Уинстон не решил, что мы передумали ловить крокодила.

— Зачем ловить крокодила? Мы же едем посмотреть крокодиловую ферму.

— Можешь не ловить, можешь смотреть. Конечно, это неправильно, настоящий мужик должен уметь поймать крокодила. Как говорится, если хочешь быть слоном, то и кучи должен делать, как слон! Уинстон — настоящий мужик, он военный хирург. В молодости девки липли к нему, как мухи цеце к коровам на водопое.

— Почему именно на водопое? — спросил Отто.

— Мухи цеце обожают селиться на берегу, на самых лучших землях. Говорят, кусая скот, они спасли страну от перевыпаса и эрозии почв. Но я бы отдал все деньги, которые у меня есть, тому, кто взялся бы их уничтожить, — задумчиво сказал Джон. — Один мой армейский дружок сгорел от сонной болезни. Вы там в Европе даже не представляете, что это такое! Раньше она выкашивала здесь целые деревни!

— Я читал в справочнике для туристов, что это неприятная штука, — кивнул Отто.

— Неприятная? — резко развернулся на него Джон и почти заорал: — Да это просто вторая чума! Ты хоть знаешь, как она протекает? Сначала появляется шанкр, потом человека начинает бить лихорадка, и ему выламывает от боли суставы рук и ног! Но самое страшное, когда он потом сходит с ума, ничего не соображает, несет ахинею, носится, как обезьяна с подожженной задницей, и перестает спать!

— Неужели против них нет никаких современных средств? Все-таки мы живем в конце двадцатого века! — напомнил Отто.

— Увы, муха цеце сильнее прогресса. Чем только ее не брызгали! На острове Принсипи в тридцатые постреляли всех диких свиней, чтоб ей было нечего жрать, и чуть не вырубили все деревья, чтоб ей было не на чем сидеть. Но через двадцать лет она все равно вернулась.

— Как человек, связанный с химией, я не верю, что исчерпаны все средства, — возразил Отто. — Может быть, она боится радиации?

Джон хитренько посмотрел на него и ответил:

— Уинстон расскажет тебе, что ей наплевать на радиацию! Она никуда не делась в зоне, где проводились ядерные

испытания!

— Значит, после ядерной войны на земле останутся только тараканы и мухи цеце! — ужаснулся Отто. — А где Уинстон мог видеть мух после ядерных испытаний?

— Вот у него и спросишь. А я сейчас могу думать только о том, как отловлю на обед одного жирненького зелененького! Как же отпускать тебя в Европу, не угостив свежей крокодилятиной?

Наконец доехали до усадьбы, стоящей среди леса и огороженной высоченным деревянным забором. Долго стучали, пока медлительный черный не впустил их в калитку, а машину в ворота, тут же старательно заперев и то, и другое.

Обойдя двух здоровенных необычных собак с огромными головами, надрывающихся на цепи возле входа, Джон пошел по центральной дорожке посреди ухоженных клумб и по-мальчишески заорал:

— Уинстон, Уинстон, черт тебя возьми! Где ты там спрятался, старый дурак? Мы голодны как звери!

Навстречу ему из дома вышел точно такой же, только мускулистый, старик с шапкой седых волос, в рубашке цвета хаки и шортах, и точно таким же голосом заорал:

— Где тебя черти носили, Джон? Я тебя ждал к обеду! Посмотри, сколько сейчас времени! Ты совсем уже выжил из ума?

Они обнялись, шутливо толкая друг друга, как, видимо, делали последние пятьдесят лет, и потому не заметили, как быстро пролетели эти пятьдесят лет.

— Уинстон, не поверишь, я привез парня, который никогда не ел крокодилов! И вообще он немец. Знакомься, это Отто, продавец химчисток, — представил Джон гостя таким тоном, каким, видимо, раньше хвастался перед другом девушками, пистолетами, автомобилями.

В Алжире Отто, конечно же, ел крокодилов во всех видах, но скрыл потому, что видел, насколько приятно Джону сделать ему этот подарок и повидаться со старинным другом.

— Привет, Отто! — кивнул Уинстон и даже не протянул руку, как это обязательно сделал бы немец. — Ну, пошли. Только сейчас уже поздно ловить, вы опоздали, и я отпустил ребят. Но они подготовили одного… как ты любишь.

— Скажите, а что это за «собаки Баскервилей»? — спросил Отто, кивнув на большеголовых чудищ на цепи.

— Это самые страшные псы на свете — южноафриканские бурбули! Весят почти как я, а жрут в десять раз больше! — с гордостью ответил Уинстон. — Охраняют лучше, чем взвод солдат, забивают леопарда и гиену.

— Они не опасны Симоне? — спросил Джон.

— Симоне? Да она катается на них, как на пони, и лупит их по морде ботинком! — хохотнул Уинстон. — От нее они готовы снести все!

И Отто подумал, что хотел бы посмотреть на человека, не боящегося лупить такого монстра ботинком по голове.

Двинулись втроем по дорожке за дом в сторону воды, по огороженным владениям Уинстона. Отто даже не понял, что это за водоем. Остановились у большого деревянного сарая, а когда вошли внутрь, наткнулись на отделенную железной сеткой заводь с мутной грязно-зеленой водой, набитую небольшими крокодильчиками, похожими на всплывшие мрачно раскрашенные бревна.

— Почему такие маленькие? — удивился Отто.

— Маленькие лучше идут, — бросил Уинстон, по-хозяйски оглядывая заводь.

— Ты торгуешь химчистками, а Уинстон — крокодилами к столу, — пояснил Джон. — Но болтать об этом не надо. Уинстону не нужны проблемы с налоговой и с «зелеными».

Уинстон достал из деревянной бочки кусок разрубленной на четыре части неощипанной курицы, насадил на длинную бамбуковую палку с крючком и протянул Отто:

— На, покорми!

Отто сунул удочку вниз к крокодилам, и малоподвижные серо-бурые тушки бросились к ней так шустро, что он еле успел отдернуть курицу на палке.

— Молодец, дразни, дразни их! Вот этому не давай, он и так жирный! Пусть подпрыгнет! — наперебой заорали старики, словно болели на футболе.

Отто дал им насладиться крокодильей конкуренцией, и наконец позволил курице исчезнуть в желто-розовой пасти трогательного, высоко выпрыгнувшего из воды крокодильчика.

После чего услышал жуткий звук этой захлопывающейся пасти, подумал, что он напоминает захлопывание тяжелой двери сейфа, и что не хотел бы оказаться на месте этого куска курицы.

— Как ты его погонял! — Джон хлопнул его по плечу. — С виду увалень, а реакция, как у хорошего спортсмена!

— Я был лучшим голкипером в школьной команде, — признался Отто.

— Теперь пошли, — скомандовал Уинстон и повел их к беседке, где на траве была сложена из камня маленькая жаровня.

Джон и Отто утонули в плетеных креслах и закурили, а Уинстон начал командовать медлительным черным, который открывал ворота, и худенькой смуглой девицей в красиво

расшитом платье. Медлительного звали Кгалема, а девушку Луиса. Отто понял, что она из метисов, которых шпыняют здесь и белые, и черные.

В результате команд Уинстона в беседке был накрыт стол, на нем появились фрукты, бутылки и прохладительные напитки; а Кгалема неохотно приволок по траве за хвост метрового крокодильчика.

— Свежий, только убили, — отчитался Уинстон перед Джоном. — Два часа тебя ждал в погребе!

— Я-то ладно, смотри, не подсунь старую падаль немцу, а то он так и не узнает, что такое вкус крокодила, — пошутил Джон.

— Кгалема, бегом за ножом, я буду разделывать сам! Луиса, зови Симону! — рисуясь, скомандовал Уинстон.

Кгалема медленно поплелся к сараю, а Луиса побежала к усадьбе с криком:

— Симона, Симона, дедушка будет потрошить его сам!

И на дорожке появилась прехорошенькая девочка лет семи с огромными синими глазами и светлыми кудряшками, падающими на плечики платьица с оборками. Та самая, что лупила огромных собак ботинком по морде.

Она побежала к беседке, волоча за собой длинную деревянную дудку с резьбой.

— Симона, детка! — расплылся в улыбке Джон. — Как ты выросла, совсем стала невестой! Ты еще помнишь старого Джона?

Девочка подошла вплотную, спрятала руки за спину и уставилась на Джона и Отто, словно они были диковинкой.

— Ну просто одно лицо с дедом! Куколка! Чистый ангелочек! — зацокал языком Джон.

— Симона, поздоровайся с гостями! — потребовал Уинстон, пытаясь казаться строгим, но тоже расплывшись в обожающей улыбке.

Ангелочек сделал шаг к Джону, выхватил дудку и протрубил ему в ухо так, что старик чуть не свалился с кресла.

— Ах ты, поганка! — закричал Уинстон. — Сожгу твою лепатату к чертовой матери! Луиса, что стоишь, как дерево? Лови ее!

Но ангелочек уже несся на невообразимой скорости по участку, и было понятно, что поймать его не сможет даже молодая быстроногая няня.

— Как ты? — участливо спросил Уинстон у Джона, держащегося рукой за ухо, с перекошенным от муки лицом, плеснул в стакан виски и протянул: — Запей, станет легче!

— Думал, у меня порвется барабанная перепонка! — плаксиво сказал Джон, вылив в себя виски. — Такая же

ненормальная, как и ее дед!

— Просто ты ей понравился, она так с тобой пококетничала, — утешил Уинстон. — Никак не могу наладить дисциплину — мать ей все разрешает!

Отто с трудом удержал лицо, чтобы не улыбнуться.

— Сегодня не мой день, — пожаловался Джон. — Сперва У-Цибусисо с канистрой, потом опоздание на ловлю крокодила, а теперь еще ухо не слышит. Давай уже, разделывай его быстрее, я умираю от голода!

Уинстон наконец обратил внимание на стоявшего, как статуя, Кгалему, взял у него из рук и расстелил на траве оранжевую аптечную клеенку, поставил рядом тазик и начал рассматривать поданный слугой огромный армейский нож, словно видел его впервые.

Кгалема вытянул посеревшее на оранжевом фоне тело крокодила и, сев на корточки, начал разводить огонь в каменной жаровне. Симона высунула из-за кустов плутоватую мордочку, и стало понятно, что Уинстон ждет именно ее.

— Я не начну, пока ты не отдашь свою проклятую лепатату на растопку! — пригрозил он.

— Не лепатату, а вувузелу! — нежным голоском возразила девочка, обводя всех невинными глазами.

— А я говорю лепатату! — настоял Уинстон, держа нож над крокодилом.

— Ему отдам, — показала девочка дудкой на Отто, подошла и протянула дурной инструмент.

— Вувузела значит на зулусском языке «делать шум»! — сказал Джон, растирая ухо.

— Лепатата! — упорствовала девочка.

— Это ритуальная штука? — Отто вертел доверенную ему игрушку в руках.

— Один придурок перенял это у черных, они так отпугивали павианов. Он притащил ее на футбол. Теперь их делают из всякой дряни и продают у входа, а на матчи стало невозможно ходить — все дудят в них, как стадо больных слонов! — покачал головой Уинстон.

— Ты сам дудишь в нее у телевизора! — выдала деда Симона.

— Очень редко, — смутился Уинстон. — Только когда забивают уникальный гол! Все, не отвлекайте меня, я начинаю разделку! — И занес нож над крокодилом.

— При ребенке? — не выдержал Отто.

— Это не ребенок, а наследница моей фермы и моего бизнеса! — многозначительно поднял вверх палец Уинстон и нанес резкий удар крокодильей туше ровно в то место

позвоночника, где кончалась голова.

Удар был, как у молодого, и Отто подивился разнице между дряхлыми конечностями Джона, давно не поднимавшего ничего тяжелее дольки яблока для попугая, и мощными ручищами Уинстона.

Из крокодила фонтаном брызнула кровь. Отто посмотрел на Симону — фонтан не произвел на нее ни малейшего впечатления.

Заметив взгляд, она подошла поближе и сказала:

— Не бойся, ему не больно, он же совсем мертвый!

Отто на всякий случай покрепче сжал в кулаке лепататувувузелу, чтобы его барабанная перепонка не стала следующей жертвой Симониного хобби, и спросил:

— Не жалко такого симпатичного?

— Они едят детей! — убежденно ответила девочка. — Съели двух мальчиков у плотины. Кгалема носил дедушкин нож колдуну, чтобы крокодилий дух не обижался на нас. А если он обидится, он все может. Может даже большой дом унести на лапах.

Уинстон меж тем с хрустом отделил крокодилью голову от тела, бросил в таз, перевернул тушку на спину и начал резать вдоль живота. Зрелище было не для слабонервных, из разреза выплескивалась кровь, а когда он перерезал мышцы, останки крокодила задергали лапами, словно всплескивая от ужаса.

Отто почувствовал себя в прозекторской, но Уинстона и Джона процедура настолько развлекала и возбуждала, что они просто молодели на глазах.

— В желудке у него камушки! — щебетала Симона. — Не веришь? Дедушка покажет. А один раз было колечко. Дедушка сказал, что он откусил руку девочки с колечком.

— Запоминай, лучшее мясо у него в хвосте, в лапах и на шее, — почтительным шепотом сказал Джон, словно находился в зоне священнодействия. — А «крокодиловое масло» лечит все болезни, даже облысение. Видишь, какая у него грива!

Уинстон все крошил и крошил рептилию на куски, а Кгалема тем временем развел на печурке огонь, поставил на него что-то типа большущего чугунного горшка, ссыпал туда порезанные овощи, пряности и стал мешать их деревянной лопаткой.

Вскоре Уинстон начал кидать в горшок куски светлого крокодильего мяса и командовать:

— Луиса, он забыл принести чили! И еще захвати побольше чеснока! И горстку спаржи!

Закончив с крокодилом, счастливый, окровавленный Уинстон ушел мыться и надевать чистую одежду; Кгалема и Луиса уничтожили следы разделки на траве. Симона похвасталась, что у

нее есть собственный пони; а из котла понесся такой запах, что Отто напрочь забыл об ужасах разделки туши.

Он действительно не ел ничего вкуснее, крокодилье мясо по вкусу напоминал курятину, но по сочности не уступало свинине. Старики были страшно довольны произведенным эффектом.

— Жаркое из молодого крокодила продлевает жизнь ровно на год, — весомо заметил Джон.

— Ты разговариваешь, как дикарь, просто в мясе крокодила минимум холестерина. Сегодня оно не очень удачно, лучше бы замариновал его на ночь в соевом соусе, — кокетничал Уинстон. — Но ты требовал ловли, а сам опоздал на нее.

— И он еще хочет вернуться в свою полудохлую Европу, — кивнул Джон на Отто.

— Южная Африка не всем по росту, — поднял бровь Уинстон. — Наша земля, как магнит, притягивает сильных и авантюрных.

— Это как раз про него! Он решил сбрасывать химчистки с военного самолета! — хохотнул Джон.

— Отличная идея. Сколько можно сбрасывать с них одни бомбы? Только не понимаю, зачем людям химчистки? — удивился Уинстон.

— Видите ли, до конца девятнадцатого века единственным растворителем пятен была вода с добавлением яичных желтков, золы, бычьей желчи и растений вроде мыльнянки или индийских мыльных орешков. — Отто оседлал любимого конька. — И вот однажды на жирное пятно был случайно пролит бензин…

— А мыльные орешки вкусные? — спросила Симона, засовывая в рот кусок жаркого, и Отто понял, что тема истории химчистки исчерпана.

— Они противные, как мыло! — заверил Отто.

— Тебе не нравится в ЮАР? — глядя в упор, вдруг спросил Уинстон так же твердо, как вонзал нож в позвоночник крокодила.

— Нравится… но, — Отто показал на траву, по которой ползала муха, — Джон рассказывал мне по дороге, что ваша муха цеце не боится даже радиации.

— Подтверди ему, что не боится! — попросил Джон, которому было важно показать Отто, насколько влиятелен его друг Уинстон.

— Мне об этом ничего не известно, — холодно ответил Уинстон и сосредоточенно уставился в свою тарелку.

— Как неизвестно? Ты же мне говорил, что эти… ну, которые потом приехали, после испытаний брали для исследований всяких птиц, зверей, мух! — напомнил Джон.

— Первый раз слышу. У тебя уже башка не варит от

склероза, — напряженно сказал Уинстон и обернулся к Отто: — То, на что ты показываешь пальцем, не муха цеце. Она похожа на муху цеце не больше, чем ты на меня. Запомни на всю оставшуюся жизнь, муха цеце складывает крылья как ножницы.

Он поднял над столом нож и вилку и показал, как одно крыло заходит у мухи цеце на другое.

— Уинстон, — обиженно начал Джон, — но ты же сам говорил…

— Меньше слушай этого старого идиота, — грубо перебил Уинстон. — У него в голове кукурузная каша.

— Скажите, а как черные воюют с мухой цеце, у них ведь ни врачей, ни лекарств? — спросил Отто, сделав вид, что не обратил внимания на размолвку стариков.

— А бес их знает! Правда, я один раз видел своими глазами, как колдун вылечил сонную болезнь на самой последней стадии. Как врач, я не понимаю механизма, — признался Уинстон. — И еще, их дети мажутся от мухи цеце какой-то глиной.

— Мне многое кажется здесь странным, — замялся Отто — гостю неудобно было хаять страну хозяина. — Все эти призраки, духи… У меня и у самого уже начались галлюцинации. Истории про колдунов и рынок… детских органов.

Он глянул на Симону, но она уплетала за обе щеки, не проявляя интереса к теме.

— Не бойся, говори, она все знает, — кивнул Уинстон и спокойно добавил: — Недавно тут недалеко была история с девятилетним мальчиком. Ему отсекли все мужское под корень, теперь он инвалид.

— Но ведь это… такое невозможно в Европе! — Отто даже отложил нож и вилку.

— Для слепого все цвета одинаковы, — усмехнулся Уинстон. — Здесь режут детей неграмотные черные крестьяне, а просвещенные немцы просто придумали газовые камеры. А до этого у них в каждом музее лежали отрубленные руки воров, я был однажды в Германии.

— А ты что-нибудь слышал о готтентотской Венере? — включился Джон. — В начале девятнадцатого века из Кейптауна к вам обманом вывезли черную уродку. У нее была задница и… Симона, заткни ушки! И… то, что спереди, больше, чем у слонихи!

Джон вскочил и начал изображать описываемую героиню так, что Симона чуть не подавилась от смеха.

— В просвещенной Европе ее показывали за деньги на ярмарках и в цирке, несколько лет держали на Пиккадилли для бедноты и таскали в салоны аристократам. А когда насмотрелись,

вышвырнули на помойку, где она сдохла от голода и болезней!

Отто покачал головой.

— Но не оставили в покое и дохлую! Хирург Наполеона распотрошил ее на части, как Уинстон крокодила, заспиртовал и выставил в парижском музее!

— Ужасно! — поморщился Отто. — Но со времен Наполеона прошло столько лет…

— Ничего не прошло! — победоносно рявкнул Джон. — Она до сих пор там выставлена! А ты считаешь, что у нас дикарский край света!

Отто начало подташнивать при первых тактах рассказа Джона, но под финал истории он понял, что уже не сможет доесть свою порцию с изысканной фарфоровой тарелки.

— Похоже, Симона серьезно повредила твой слух, — заметил Уинстон Джону. — Орешь, как крокодил перед дождем! Если будешь так орать, я не выдержу тебя два дня!

Глава одиннадцатая
ПОЕЗДКА К КОЛДУНУ

Телефон стоял на письменном столе. Чтобы поднять трубку, Отто пришлось вскочить с постели и пересечь номер.

— Я не отвлекаю? — раздраженно спросила Тиана вместо приветствия.

Интонация означала «ты пожизненно виноват передо мной». Но Отто умел держать удар даже спросонья и обезоруживающе вежливо ответил:

— Рад тебя слышать.

— Я звонила вчера поздно вечером…

И это на самом деле означало «я чувствую, что ты ночевал у женщины».

— Джон возил меня погостить на крокодилью ферму к своему старому другу, вернулись почти под утро. Масса впечатлений.

Повисла пауза.

— Я волновалась… — сказала Тиана, и это означало «ты должен меня предупреждать».

— Крокодилы сидели в загоне. Джон с другом разрешили мне только подразнить их. — И это означало «ты только один из моих гидов по вашей экзотической стране».

Снова повисла пауза.

— Мне приснился ужасный сон, хочу поехать после него к колдуну. Ты готов поехать со мной? — И это означало «не бросай меня, мне больше не на кого опереться».

— К колдуну? В Блантайр? — поморщился Отто.

Возвращение в Малави совершенно не входило в его планы, все дела были здесь, в Йоханнесбурге.

— К местному колдуну. Проджети дала адрес нового колдуна. Ты ведь хотел посмотреть, как это выглядит.

— Пожалуй. Когда надо ехать? — Отто посмотрел на стенные часы.

На них было восемь утра, очень хотелось спать.

— Завтра. Но можно и сегодня. Если выехать через час, успеем к нему как раз к вечеру.

Отто стоял нагишом, лицом к картине с кровавыми гладиолусами над кроватью, и думал, сколько бы он отдал за то, чтобы поспать еще хотя бы час.

— Хорошо, скоро буду у тебя, — обреченно ответил он.

— Ты даже не представляешь, как мне это важно…

Они тщательно играли в ту самую, хорошо известную

каждому взрослому игру, в которой один хочет от отношений значительно больше, чем ему пообещали, и всеми способами ищет щелочки в жестко поставленной границе.

Ему нравилась Тиана, и он с удовольствием закрутил бы с ней веселый и страстный роман, но она была не готова к этому жанру. И, влюбившись, точнее, эмоционально повиснув на Отто, предлагала ему роль отца, врача, брата, мужа. То есть кого угодно, кто решал бы ее проблемы.

Тиана давно бы закатывала ему бурные сцены ревности, но Отто умел держать ее на правильной дистанции, сохраняя безупречно вежливую интонацию отношений.

Он положил трубку, зашел в ванную и встал под прохладный душ, чтобы окончательно проснуться и собраться с мыслями. А когда вышел оттуда в махровом халате, набрал телефонный номер Уго.

— Привет, ну и нажрались же мы с тобой в прошлый раз! — виновато начал он.

— Это ты нажрался, а я все помню, — буркнул Уго. — Так мы встречаемся сегодня?

— У меня проблемы. Подружка тащит к колдуну, — пожаловался он. — Перенесем на завтра.

— Ты за кого меня держишь? — перешел в наступление Уго. — Ты назвал меня вруном! А когда я готов показать тебе фотографии, сматываешься то к крокодилам, то к колдунам!

— Дружище, мы же с тобой немцы и понимаем, что такое выполнять обещания, — мягко начал Отто. — Старый Джон за неделю договорился с другом о нашей поездке, я никак не мог отказаться. А Тиана решила, что я ездил не с Джоном, а с другой женщиной, и устроила сцену!

Уго молчал в ответ.

— Я бы позвал тебя ехать с нами, но опасаюсь знакомить тебя с Тианой, — провокационно заметил Отто.

— Почему? — не смог не спросить Уго обиженным голосом.

— А сам не понимаешь почему? Потому, что я лавочник, а ты — военный пилот! Один раз расскажешь, как воевал во Вьетнаме и вывозил заложников в Уганде, и отобьешь ее у меня!

Снова повисла пауза.

— Конечно, отобью. Ладно, черт с тобой, давай завтра, — ответил Уго несколько потеплевшим голосом. — Я приготовил фотографии…

— Надеюсь, ты о фотографиях той голенькой блондиночки? — перебил Отто. — Было бы интересно показать их не мне, а ее мужу! Прости, мне надо выбегать. До завтра!

И бросил трубку.

Они ехали уже несколько часов, периодически прикладываясь к термосу с кофе и сандвичам, заботливо приготовленными Проджети. Тиана была в таком элегантном платье, словно собиралась не к колдуну, а на свидание. Только синяки вокруг глаз выдавали бессонную ночь, полную мук ревности и звонков на рецепцию отеля с просьбой соединить с его номером.

Отто в белом костюме и белой шляпе сидел за рулем Тианиной машины, а она кокетливо делала вид, что может объяснить дорогу с помощью карты.

— Кстати, маленькую внучку потрошителя людей и крокодилов звали Симона, — вспомнил Отто.

— Он француз?

— Нет. Сказал, что его дочка училась в Европе, как и ты, и назвала девочку в честь «Симоны Будуар»!

— Симоны де Бовуар? — улыбнулась Тиана.

— Девчонка верна ее заветам, уже сейчас сущий чертенок, а со временем будет главной феминисткой ЮАР, разделывающей крокодилов на фамильной ферме!

— Я бы никогда не смогла разделать крокодила, — вздохнула Тиана.

— А твой муж? — осторожно спросил Отто.

— Он тем более… Гидон такой… долговязый, тревожный, сутулый. С походкой старого добермана. Он ведь потом стал писать заявления главе Атомной комиссии господину де Виллерсу с просьбой об отставке и расторжении контракта. Но ответов не было.

— Я так и не понял, почему он не сбежал из ЮАР?

— Формально они не могли запретить ему выехать из страны. Но намекали, что это небезопасно. Когда капкан щелкнул на лапе, Гидон пошел к какому-то человеку, курирующему испытания от разведки, и, ты не поверишь, увидел в его кабинете портрет Гитлера! — Тиана рассказывала, нервно покусывая губу, и Отто подумал, что истерика в дороге совсем не украсит путешествие. — Гидон устроил в кабинете дикий скандал, требовал снять портрет и принести публичные извинения еврейскому народу. Его оттуда вытурили, чуть морду не набили. А он написал в ответ ноту протеста в Министерство иностранных дел.

— Лихой парень, это посерьезней, чем потрошить крокодилов! Но почему его не защитило посольство Израиля? — удивился Отто. — Неужели оно «проглотило» портрет Гитлера?

— Конечно, «проглотило». Они ему порекомендовали продолжать начатую работу и не отвлекаться на вто-ростепенные

обстоятельства. Гидон был раздавлен, одинок и беспомощен. Глаза безумные, речь бессвязная… Я хотела обратиться к психиатру, но ведь он мог рассказать врачу про ядерные испытания. Он уже не соображал, кому что говорит…

— Все равно не понимаю, откуда такие проблемы? Французы, начиная с шестидесятых, испытывали в алжирской Сахаре одну ядерную бомбу за другой. — Отто решил мягко уйти от больной для Тианы темы. — Кстати, у меня есть ценнейшая серия советских марок, выпущенных по поводу «Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой» шестьдесят третьего года. Они не очень красивые, но ты себе не представляешь, что я за них отдал.

— Отто, вижу, ты совсем не понимаешь, что здесь происходит. Мои родители из буров. Знаешь, что значит слово boer на африкаанс?

— Только если оно родственно немецкому слову bauer, — предположил Отто.

— Это однокоренные слова. Boer — крестьянин. Коротко и неказисто. В молодости мне казалось, что быть буром мало. Я презирала эту деревенщину и хотела стать гражданкой мира. Слава богу, до брака с Гидоном носила девичью фамилию матери — Дюплесси.

— А кто твой отец?

— Я его не помню, родители расстались после моего рождения, он уехал из ЮАР и больше никогда не интересовался мною. После развода мать вернула себе и мне фамилию Дюплесси, и я гордо носила ее среди всех этих грубых Де Гроотов и Ван дер Графов. Подруги завидовали, а учительницы не могли правильно выговорить ее своей голландской гортанью и ненавидели меня за это.

— Дюплесси… — попробовал на слух Отто. — Изящно!

— В Сорбонне я пыталась найти ветки генеалогического древа, растущие из аристократического прошлого. Мама знала, что наши предки из гугенотов, убежавших в Африку от гонений католиков. Ведь после Варфоломеевской ночи протестантам веками снились кошмары.

— Удалось что-нибудь найти?

— Удалось узнать, что настоящее имя кардинала Ришелье — Арман Жан дю Плесси.

— Кардинала Ришелье из «Трех мушкетеров»? — переспросил Отто.

— Как историк, я бы сказала, что его прототипа. Ведь книга Дюма не претендует на историческую правду. Вот ты говоришь, что ЮАР кровожадная страна. А кардинала Ришелье после смерти

забальзамировали и положили в склеп в церкви университета Сорбонны, и через полтора века во время Французской революции его забальзамированное тело выволокли на площадь, гильотинировали, а голову установили на бульваре Святого Михаила!

— В «Трех мушкетерах» об этом ни слова, — пошутил Отто.

— Кроме кардинала, я нашла куртизанку Мари Дюплесси. Но она, как и я, родилась в семье фермера, не получила никакого образования и сама добавила к фамилии «дю». У нее был роман с Александром Дюма-младшим, она стала прообразом героини «Дамы с камелиями».

— Никогда не понимал, почему дама именно с камелиями. Ведь камелии — это кусты, которые растут в саду…

— Потому, что у Мари Дюплесси был туберкулез и ей становилось дурно от запаха цветов. А камелии почти не пахнут. Она умерла молодой. И я подумала, что, если первые Дюплесси, которых я нашла, так плохо кончили, надо избавляться от фамилии. И после свадьбы взяла фамилию мужа, стала Крамер.

— Человек без корней, как выкопанное дерево.

— Знаешь, я бродила по Франции. Слушала ее, впитывала в себя. Пыталась представить, что останусь навсегда, но она казалась мне тюрьмой. Здесь, в ЮАР, в каждом доме и в каждой улице больше жизни, чем во всем Париже. Может, это генетический страх после того, как там вырезали моих предков?

— Не знаю. Мне, немцу, пережившему войну, странно говорить о семнадцатом веке. У нас еще не зажили свежие раны.

— Так ведь католики уничтожали моих предков точно так же, как русские уничтожали немцев.

— Тиана, ведь ты — историк, — упрекнул Отто. — И как историк должна иметь мнение о фашизме.

— У меня, конечно, есть мнение, но ты хочешь все упростить. Многие государства считают и апартеид фашизмом. А мы всего лишь окультуриваем черных, ведь немцы тоже только пытались окультурить русских.

Отто тяжело вздохнул в ответ, а потом сказал:

— Врач, к которому мы ездили с Джоном на крокодилью ферму, сказал, что смертность среди африканского населения ровно в три раза превышает смертность среди белого населения Йоханнесбурга.

— Так они сами виноваты. Ты бы видел, что они едят. У них даже есть поговорка: «Чем дешевле каша, тем больше живот!» — возразила Тиана.

— А Джон сказал мне, что во время протестов против введения обучения на языке африкаанс погибло больше пяти

сотен человек, а в тюрьмах до сих пор сидят шесть тысяч!

— Ты защищаешь дикарей, которые чуть не пристрелили нас с тобой в Блантайре? — удивилась Тиана.

— Те дикари ничего не кричали про африкаанс. Они просто люди, заболевшие войной. Я говорю о тех, кто убит и посажен за то, что хотел учить детей на родном языке.

— На родном языке? Да ты хоть слышал их языки? — скривилась она. — На родных языках они разговаривают, как звери в джунглях! Вот сейчас приедешь в деревню и сам убедишься!

Они подъехали к деревне, когда стемнело. Черные дети окружили машину, начали стучать по ней ладошками и выпрашивать монетку. Тиана предупредила, что давать нельзя ни одному, иначе прибегут еще сто человек, и будут клянчить до утра.

Возле хижин с соломенными крышами оживленно разговаривали женщины. У одной на голове был таз с выстиранным бельем, у другой — корзина с овощами.

Мужчины собрались на лужайке и ожесточенно спорили на своем языке. Все были одеты иначе, чем в городе. Одежда была ярче и проще, а многие и вовсе довольствовались набедренными повязками. За деревней виднелись испаханные поля, а за ними — густые непроходимые дебри тропического леса.

Мальчики постарше проводили Отто и Тиану к хижине колдуна, что стояла в некотором отдалении от остальных. Оттуда вышел подросток, сказал по-английски с жутким акцентом, чтобы ждали, а собравшейся возле белых гостей толпе детей крикнул на своем языке что-то такое, от чего они рассыпались по деревне, как горох.

Отто и Тиана стояли у хижины в тишине, если это, конечно, можно было назвать тишиной. Африканская ночь в деревне возле леса была полна писков, шорохов, шипений, скрежетов, жужжанья и еще бог знает чего.

Отто понимал, что это нормальные звуки для местности, где ползают змеи, огромные мохнатые пауки спускаются с деревьев, как гимнасты на лонже; а летучие мыши — самое безобидное, что может ткнуться в пиджак.

Тиана, подойдя к хижине, превратилась в зомби и вцепилась в руку Отто ладошкой, ледяной от страха, словно колдун обещал зажарить ее и съесть. Последние часы дороги она могла говорить только о том, что колдун поможет узнать о месте пребывания Гидона. И это либо заставит искать его, либо наконец даст возможность почувствовать себя свободной.

Отто уже почти привык, что африканцы живут рядом с

духами, как с родственниками. Духи с успехом замещают им государство, власть, медицину, защиту от несправедливости и источники информации. И приход христианства просто трансформировал отношения с духами в новые формы.

Ему рассказали, что белые государственные чиновники всех уровней ездят к колдунам, и те с помощью магических костей вызывают голоса пращуров из давно ушедших времен, чтобы получить у них советы для принятия решений в политике и бизнесе.

Что все население ЮАР в душе язычники и привыкло слушаться духов до такой степени, что своего колдуна имеет даже каждая футбольная команда.

Все это казалось бы смешным торговцу химчистками, если бы не призрак Чаки, периодически всплывающий на радужке глаза и словно пытающийся что-то сказать.

Отто слышал от местных о сложных отношениях духов с бывшими друзьями и врагами. Но он был туристом-коммивояжером и подозревал, что дух Чаки скорее всего ошибся, размениваясь на общение с ним. Никто ведь не утверждал, что духи никогда не ошибаются.

Отто и Тиана по-прежнему молчали. Грудь Тианы вздымалась от взволнованного дыхания под модным розовым платьем с белой отделкой. Прошло минут десять, подросток вышел из хижины и вынес большую глиняную миску с водой.

— Помой руки! — грубо сказал подросток и ткнул пальцем в Тиану.

Та бросила молящий взгляд на Отто, но повиновалась. Пальцы у нее дрожали.

— Я пойду с ней, — сказал Отто голосом, не предполагающим отказа.

Мальчик промолчал в ответ и показал жестом, чтобы шли за ним.

В просторной хижине посреди странных предметов охотничьего происхождения на полу сидел огромный пожилой черный мужчина. Под потолком висела лампа, сильно пахло керосином и травяным варевом.

Полуголый хозяин был в амулетах, перьях, кусках шкур, но рассмотреть все это великолепие не давал полумрак. Отто хотел сравнить его обмундирование с нарядом духа Чаки, но замер от ощущения, что колдун читает его мысли.

Это было странное ощущение, примерно, как когда у тебя в темноте шарят по карманам, а ты не можешь схватить вора за руку.

Колдун что-то сказал утробным басом, и подросток перевел

Тиане:

— Вуусани говорит, часы и все из твоего мира, будут мешать… Вуусани говорит, ты забыла в городе, как слушать природу и духов предков, они укажут путь… Отдай часы… Все отдай…

Подросток показал пальцем на Отто, а потом на кольца и бусы Тианы. И она начала расстегивать непослушными пальцами ремешок часов, стягивать кольца, снимать бусы.

Вуусани снова что-то буркнул, подросток поднес Тиане горшок с травяным отваром, она начала послушно пить, захлебываясь и кашляя.

Только тут Отто заметил в углу хижины еще двух пожилых черных людей, но из-за темноты даже не смог определить их пола. Перед каждым из них светлел круг барабана, на котором лежали худые черные старческие руки.

Тиана допила, протянула горшок подростку, и он показал рукой на циновку. Она с готовностью легла на спину возле ног колдуна, а тот заговорил недовольным басом.

— Вуусани не любит иностранцев, — перевел подросток. — Вуусани говорит, ты тоже колдун.

— Я колдун, — смущенно отшутился Отто. — И колдую для одежды. Могу сделать из грязной чистую.

— Вуусани говорит, ты не тот, за кого себя выдаешь…

Тиана вскинула на него и без того безумные глаза, и Отто попытался успокоить ее и колдуна:

— Он прав. В душе я художник, а не торговец.

— Вуусани говорит, уйди из хижины прочь. — Парень махнул рукой.

И было непонятно: достаточно выйти из хижины, или нужно отойти на какое-то известное только хозяину расстояние.

Тиана показала глазами, что готова остаться одна. Отто вышел, и через некоторое время из хижины раздался истошный вопль колдуна и барабанный бой. Отто осторожно подкрался к щелочке у входа в хижину и увидел Вуусани, стоящего над Тианой.

Колдун распростер над ней обмотанные бусами огромные руки, узловатые, как ветви старого дерева, и бубнил заклинания. Его мелко трясло, глаза закатились, а хижина ходила ходуном от барабанного боя, как от землетрясения.

Отто попытался увидеть Тиану, но ничего не получилось. Он прислонился к двери, прислушиваясь. И еле успел отпрыгнуть от огромной отвратительной сколопендры, на которую нечаянно наступил, и отфутболить ее ботинком подальше от хижины.

В какой-то момент показалось, что он слышит всхлипы

Тианы, а потом она закричала так, как кричат в горах. И кричала она «Гидоооооон!». Отто ринулся, просунул голову в дверь, но подросток стоял на страже и показал знаками, что нельзя вмешиваться.

Действо длилось еще полчаса, потом подросток позвал Отто в хижину. Тиана лежала на циновке в полубессознательном состоянии, глаза были закрыты, губы дрожали, а по щекам хлестали слезы. При этом она тянула руки вверх и стонала:

— Гидон!

Колдун сидел в позе, в которой его застали, закрыв глаза и что-то бормоча.

— Деньги, — сказал подросток.

Отто растерялся. Было непонятно, сколько платить, но коммерсант в нем взял верх — Отто достал из бумажника купюру и протянул подростку.

Тот не шелохнулся и не взял, а только повторил:

— Деньги!

Отто протянул еще две точно такие же купюры, тогда подросток кивнул и показал пальцем на Тиану:

— Забери.

Отто наклонился над Тианой, не понимая, что с ней делать. И думая, что больше всего ему хочется побыстрее отъехать от хижины как можно дальше.

Подросток принес черпак воды и бесцеремонно выплеснул ей в лицо. Тиана вскочила как ошпаренная, в ужасе озираясь и явно не понимая, где находится.

Оставалось только взять ее на руки, донести до машины и газануть отсюда как можно дальше.

Когда выезжали из деревни, им помахала компания женщин, сидевших на траве кружком. В центре сидела толстая старуха и пела так, что, услышав ее, Элла Фицджеральд удавилась бы от зависти.

Тиана была в сознании, но слишком напугана. Ехать в темноте через незнакомые деревни было безумием, но и оставаться в деревне казалось самоубийством.

— Все хорошо? — спросил Отто, выруливая на дорогу, освещенную огромной луной.

— Не знаю… — помотала головой Тиана.

И было видно, что ей непонятно, что с ней только что произошло и продолжает происходить.

— Насколько опасно ехать ночью? В смысле зверей? — уточнил Отто.

— Львы и слоны не нападают на машины, а буйволы и носороги сейчас спят, — ответила Тиана торопливо. — И бабуины

спят до пяти утра… Мне надо поскорее домой!

— Поспи, я помню дорогу.

Он помнил направление, со стороны которого они, петляя, прибыли из Йоханнесбурга, и многое бы сейчас дал за отель любого уровня паршивости, но с охраной и чистыми простынями.

Впрочем, на дороге, окруженной с двух сторон лесом, можно было ожидать голодных хищников или сытых духов, но уж никак не огоньков отеля.

Некоторое время ехали молча, Тиана сидела, уставившись в одну точку, а потом сказала без всяких эмоций:

— Я видела все.

— Что именно? — Отто понимал, что сейчас ей необходимо излить душу и совершенно все равно, какую ерунду она будет говорить.

— Видела, как кино. Я не знала, что это можно видеть, как кино, — подчеркнула она, растерянно посмотрев на Отто. — Я даже могу показать место, если приеду на залив.

Она говорила, как обычно говорит человек, находящийся в шоке после автоаварии, рассказывая о произошедшем, как о просмотренном фильме.

— На какой залив?

— Его били, сломали очки, бросили связанным на носу яхты… Прямо у ног военного, который сидел там в кресле. Я очень хорошо запомнила лицо этого военного.

Говорила, словно боялась забыть это, как, проснувшись, забывают фрагменты сна.

— Там еще стояли два охранника. Гидон охрип, но кричал, что у них будут проблемы, потому что он гражданин Израиля. Военный ответил, что его гражданство теперь может интересовать только акул. Гидон кричал, что, если его убьют, без него никто не сможет провести ядерные испытания в ЮАР. А военный усмехнулся и сказал, что он не знает, про какие испытания речь, и что Гидон обкурился марихуаны. Я так ясно видела лицо этого военного. Гидон кричал, что им нет никакого смысла убивать его, что выгодней с ним договориться… Военный сказал: «Кончайте с ним!» И охранники сбросили его в море, а потом несколько раз выстрелили. Я видела, как на воде расходилось кровавое пятно.

Она говорила спокойно, как человек, у которого нет сил переживать и плакать.

— Не думай об этом, — попросил Отто. — Мало ли какое зелье наварил этот колдун. Вообще идея ездить по колдунам к ночи кажется мне не самой удачной.

Они снова замолчали и ехали так следующие полчаса. Внезапно Тиана вскрикнула, и Отто, сдернув с головы шляпу,

схватил ею примостившегося в ногах мохнатого паука и выбросил на дорогу.

— Ты просто не знаешь, что эти колдуны могут все. Они могут оживить покойника, потом вонзить ему в затылок раскаленную иглу, разрезать ножом язык, сделать зомби и отправить убивать или подкладывать яд, — сказала Тиана.

— Нельзя относиться к колдовству так серьезно, — заметил Отто.

— Но я все это видела!

— Если бы колдуны были настолько могущественны, они не позволили бы белым так издеваться над своим народом.

Тиана удивилась:

— Ты против апартеида?

— Я вне политики. Моя единственная политика — война с химчистками старого поколения! А тебе надо прийти в себя. Спи, разбужу, как начнет светать.

Дорога назад показалась Отто в два раза короче, то ли потому, что у Тианы не было сил отвлекать его болтовней, то ли потому, что очень не хотелось стать завтраком для зверья. То ли потому, что кончились сигареты.

Глава двенадцатая
ГИБЕЛЬ УГО

Отто пил пиво в угловом уличном баре на месте которого сходились две бойкие улочки. Их названия он даже не пытался запомнить, как имена людей, которых больше никогда не планировал видеть.

Они с Уго последнее время часто посещали это местечко. Им нравилось, что можно сидеть на кончике уличного треугольника перед крохотной площадью, словно на вершине горы, и обозревать панораму сразу обеих улиц.

Мимо них двигались гудящие автомобили, медленные телеги, прогуливающиеся белые женщины, черная прислуга с корзинами на головах, нагруженные тюками торговцы, военные, бездомные собаки…

Последний раз они вместе сидели тут перед поездкой на крокодилью ферму. Отто выдал Уго денег в счет аванса. Собственные деньги удесятерили качества военного пилота, он не только набрался в десять раз быстрее обычного, но и расхвастался именно в такой же пропорции.

Сперва эпизоды его побед касались черных проституток, к которым он попытался затащить Отто за свои деньги. После того как исчерпались истории про девиц с экзотическими именами и столь же экзотическими способами обслуживания клиента, начались охотничьи рассказы, из которых следовало, что Уго отстрелял и изрезал как минимум половину животного мира Южной Африки.

Отто не ожидал, что отчет о поездке к старому хирургу, разделывающему крокодила армейским ножом, военный пилот воспримет, как то, что кто-то оспаривает его звание главного супермена страны.

Потом пошли госпитальные истории о том, какие мошенники и неумехи трудятся военными врачами. И все это под финал перешло в сагу о том, как Уго работал пилотом на недавних ядерных испытаниях на побережье.

Видимо, это были те же самые испытания, о которых говорила Тиана, но из текстов Уго следовало, что он чуть ли не руководил ими.

Каждый новый виток рассказа сопровождался воплем:

— Я вижу, ты мне не веришь?!!

Бармен устал вздрагивать от этого вопля, а Отто устал соглашаться со всеми услышанными глупостями, хотя на всякий

случай спросил:

— А правда, что муха цеце не боится радиации?

— Ты что, издеваешься надо мной? Какая еще муха цеце? Там все умерло… там мертвая зона! Там больше никогда не появится ни одна муха! — Уго замахал руками и крикнул официанту: — Где мое виски, я тебя убью за твое «поли-поли»!

Официант услужливо подбежал с новым стаканом.

— «Поли-поли» на их языке означает «никогда не надо торопиться»? — спросил Отто.

— Да, это стиль жизни черномазых. Поэтому мы их хозяева! — Уго глотнул виски. — Зачем ты ездил к колдуну? До сих пор не наелся экзотики? Ты еще не понял, что они все могут?

— У нас в цирке тоже с успехом отпиливают голову дамам, — усмехнулся Отто.

— Наши колдуны не только отрезают части тела у детей, они умеют оживлять трупы! Ты не понимаешь, что это ЮАР! Они заговаривают отрубленную человеческую руку и велят размахивать ею в магазине перед началом дня! За эту руку люди платят бешеные деньги и тут же богатеют! Сам видел. — Уго перешел на шепот: — Колдуны сотрудничают с полицией, могут рассказать, где лежит труп и кто убийца. Но полиция сама их боится.

— А ты боишься?

— Я ничего не боюсь, Отто. Я видел такое, от чего все местные колдуны обосрались бы, взявшись за руки!

— Тебе хорошо, Уго, ты — супермен! А я только выгляжу большим и сильным, в душе я маменькин сыночек. В школе все парни занимались боксом, а я собирал марки, — вздохнул Отто. — Официант, и мне виски!

— Полицейские мне рассказывали про секты оборотней, людей-леопардов… Ночами они надевают клыки и когти и рвут встречных на части. А утром сами ничего не помнят! Колдуны делают их из обычных людей — днем их не распознаешь!

Видя распалившегося, скандалившего клиента, официант торопливо принес второе виски.

— Самым страшным, что я видел в жизни, была война, — сказал Отто. — Мне и сейчас снится бомбежка. А тебе снятся кошмары?

— Мне снится такое… Снится, что небо закрывает пена ядерного гриба! И я не могу улететь от него даже на сверхзвуковом самолете! Ядерное облако залезает мне в рот, глаза, уши, ноздри! И сжирает меня, — тяжело сказал Уго, словно выдавливал из себя слова. — Это пострашнее черных колдунов! Я работал на испытаниях ядерной бомбы в Калахари.

— Что ты несешь? Какие испытания ядерной бомбы могут быть в Калахари? Я им говорю, трихлорэтилен в химчистках давно заменен на перхлорэтилен, а они не верят! Здесь каменный век!

— Отто, ты не видишь дальше своих жалких химчисток! ЮАР уже не страна с соломенными хижинами, а страна с ядерной бомбой! — почти прорычал Уго, и его стальные глаза налились кровью. — Я покажу тебе фотографию, от которой ты поседеешь. Взрыв был малой мощности, и без хорошей погоды я бы ничего не зафиксировал. Я принесу тебе фотографию из кабины самолета! Мы со вторым пилотом позировали на фоне ядерного гриба! Ты думаешь, я заливаю?

— Уго, ну скажи, зачем человеку сниматься на фоне ядерного гриба, если у него голова на плечах? Если человек видит ядерный гриб, он должен побыстрей сматываться! — усмехнулся Отто.

— Ядерный гриб… это же… это же, как небо упало на землю! Это же не описать словами! Ты, жалкий лавочник, не видевший ничего, кроме денег! — заорал Уго. — Чем ты гордишься передо мною? Тем, что лижешь задницу клиентам, чтобы они взяли твой залежалый товар? Во всей твоей жизни меньше смысла, чем в одном моем полете!

Теперь на них обернулись не только сидевшие за соседними столиками, но и прохожие на улице. Это было слишком.

Отто встал из-за стола и холодно сказал:

— По мне лучше быть честным лавочником, чем завравшимся пилотом!

— Я — завравшийся пилот? — Уго треснул кулаком по столу так, что из подпрыгнувшей пепельницы высыпались окурки, а официант метнулся собирать их. — Ты завтра же увидишь эти фотографии! И заткнешься!

— Если увижу, то заткнусь! — ответил Отто и, не попрощавшись, пошел по одному из катетов треугольника, на вершине которого стоял их столик.

Сегодня Отто пил пиво и курил, ожидая Уго и рассматривая обе улицы так, словно сидел на носу катера, рассекающего водную гладь.

Справа от него ела дыню приятная блондинка в соломенной шляпке. Перед ней стояла тарелка с куском дыни, а в вазе вальяжно возлежала нарезанная дыня, и над ней неприятно жужжала пчела.

Отто отметил, что дыня такая же светлая, как его рубашка, и что молодая женщина наверняка ждет нескольких подружек, иначе зачем бы ей заказывать целую дыню?

На противоположной стороне одной улицы, куда упирался взгляд, пылали красками ящики с овощами и фруктами, а возле них пританцовывал молодой черный парень.

К парню подошла худая ободранная собака, он погладил ее по голове. Собака доверчиво села рядом с его ящиками и начала самозабвенно чесаться, блохи не давали ей покоя.

Отто перевел взгляд налево, там, возле лавки с дешевенькой женской одеждой, мешая прохожим, прямо на тротуаре стояли манекены в ярких платьях. Одежду продавала сидевшая на пороге лавки и сосредоточенно курившая рыжая тетка в черном платье с крупными оранжевыми бабочками.

Отто посмотрел на часы: Уго опаздывал на пять минут. Однако вскоре он появился с правой стороны улицы. Отто помахал ему рукой, Уго ответил и ускорил шаги.

Что-то не понравилось Отто в остановившемся густом дневном воздухе, но все случилось так быстро, что он только задним числом сумел понять, что не понравилось. И не понравилось ему, что нежившаяся на асфальте блохастая собака внезапно подпрыгнула, как ужаленная пчелой, и стрелой полетела прочь, поджимая хвост.

Слева на площадь перед баром ворвались два открытых полугрузовых джипа с вооруженными повстанцами, мгновенно открывшими бурную стрельбу по прохожим, витринам, ящикам с овощами, манекенам. Падая на пол, Отто успел ухватить взглядом, как рыжая продавщица одежды нырнула внутрь лавки.

В отличие от нее блондинка в соломенной шляпке, сидевшая по соседству с Уго над куском дыни, зажала уши руками и заорала, как резаная, не меняя позы. А дыня на ее столе разлетелась от автоматной очереди по всей округе сладкими липкими лоскутками.

Отто дополз до блондинки и сдернул ее на пол. Она не я была забрызгана дыней и продолжала орать. Видно, Только приехала в ЮАР и первый раз видела такую переделку.

Повстанцы ворвались, как шаровая молния, и так же быстро исчезли, понимая, что полиция спешит по следу. Площадь была засыпана битыми стеклами, разлетевшимися овощами и фруктами, пара манекенов лишилась голов, на тротуаре стонали раненые. Торговец овощами пронзительно закричал над убитой полной женщиной, упавшей возле его ящиков.

Из лавок и домов выскочили люди и бросились к пострадавшим. Отто подбежал к лежавшему ничком Уго, перевернул его на спину — на него в упор смотрели мертвые стальные глаза пилота.

Из памяти всплыли слова Уго: «Мать ходила к колдунам,

когда я был мальчиком, просила закрыть меня от врагов. И видишь, прошел столько войн почти без царапин…»

Отто закрыл ему ладонью глаза, залез в карман, достал бумажник Уго, открыл. Там было несколько фотографий. Отто забрал их, положил бумажник обратно и быстро ушел. Ему не хотелось ждать полиции и тратить вечер на свидетельские показания. Для этого здесь и без него была масса народа.

Глава тринадцатая
СНОВА КАМЕРИНО

Прямого рейса Йоханнесбург — Венеция не было, и Отто летел на перекладных, отсыпаясь в самолетах. Ждать багажа в шумном и бестолковом неапольском аэропорту Каподичино не пришлось — с собой был только желтый кожаный портфель, ведь Отто прилетел на полтора дня.

Он не любил Каподичино потому, что жители Неаполя в любой беседе спешили напомнить, что во время Первой мировой аэродром функционировал как военная база для защиты города от австро-венгерских и немецких воздушных ударов. И Отто чувствовал, что они подчеркивают это потому, что он немец.

Как будто у самих итальянцев после этого не было сумасшедшего Муссолини, полный титул которого звучал — «Его Превосходительство Бенито Муссолини, глава правительства, дуче фашизма и основатель империи». Почти как у Иди Амина, именовавшего себя «Его Превосходительство Пожизненный Президент, Фельдмаршал Аль-Хаджи, Доктор Иди Амин, Повелитель всех зверей на земле и рыб в море, Завоеватель Британской Империи в Африке вообще и в Уганде в частности, кавалер орденов "Крест Виктории"».

Перед глазами Отто снова встало мертвое лицо Уго, посещавшего Иди Амина, и он снова запретил себе об этом думать. Это было слишком тяжело. И вообще, ЮАР казалась ему пахнущей кровью, отрезанными частями детских тел, жутким знахарским зельем, невыносимым запахом львиной мочи в джунглях, потом золотоискателей и жужжанием мухи цеце.

Он остро нуждался в том, чтобы хоть чуть-чуть передохнуть от коктейля этих запахов, посмотреть на других людей, перестать озираться то на призрак Чаки, то на пальбу повстанцев, то на подползающую сколопендру, то на спешащего отнять сумку наглого бабуина, то на парящего над центральной улицей города стервятника.

Отто зашел в таверну недалеко от аэропорта и по-итальянски кликнул официанта. Пицца по-неаполитански с помидорами, перцем и анчоусной пастой и чашка эспрессо с корицей вернули его к жизни.

Он хотел было пройтись сквозь любимые улицы с миниатюрными рыбными лавками и развешанным на веревках сушащимся бельем, напоминавшим довоенное детство, но посмотрел на часы и пошел искать машину до Камерино.

Дорогу из Неаполя в Камерино знал наизусть, ведь столько раз летал в Италию с севера Африки. Так что спокойно заснул на заднем сиденье, не обращая внимания на то, как эмоциональный водитель машет руками, ежесекундно обращаясь к Мадонне с просьбой покарать колдобины на шоссе, наглые соседние машины, слишком яркое солнце, слишком старую машину и слишком бессердечное правительство.

Отто планировал заночевать в Камерино и был уверен, что хозяин маленькой гостиницы, в которой он всегда останавливался, когда учился в школе Данте Алигьери, найдет комнатку в любое время суток. Так и случилось.

А потом зашел выпить рюмку анисового ликера «Варнелли» в то самое уличное кафе, прижавшееся к стене старинного здания, сложенной из выщербленного кирпича и обвитой красными листьями винограда.

Когда толстый, угрюмый, шаркающий ботинками дядька принес местный ликер и сигареты, Отто спросил:

— Скажите, работает ли тут по-прежнему такой веселый парень, кажется, Антонио?

— А вы его знали? — удивился дядька.

— Примерно как вас.

— Этот придурок уехал из Камерино.

— А встретил ли он свою любимую русскую артистку? — спросил Отто.

— О, вы и про это знаете, синьор? — вытаращил глаза дядька. — Антонио — сумасшедший, у них весь корень такой! Его дядька внезапно умер от разрыва сердца. Вот так сидел в своей обувной мастерской и умер прямо с молотком в руках, спаси его душу, Мадонна! И этот безмозглый Антонио за два дня продал обувную мастерскую за бесценок и уехал в город, как будто его там кто-то ждет! А ведь мог стать моим зятем…

Дядька грустно покачал головой и, шаркая ботинками, пошел к соседнему столику, за который его громко звали.

Отто искренне пожалел, что вместо веселого парня встретил его несостоявшегося тестя. Но подумал, что Антонио, который столько раз посмотрел и выучил наизусть дурацкий фильм «Из России с любовью», все равно не усидел бы в скучном крохотном Камерино.

Потом Отто заглянул в церковь, снова пофотографировал ее рассыпающиеся стены и, надышавшись чистым альпийским воздухом, отправился в гостиницу. Однако спать не хотелось, и рука потянулась в желтый портфель за книжкой, купленной в букинистическом перед отъездом.

Книжка была именно о том, от чего он собрался отдохнуть,

но что не собиралось отпускать его. Так, якобы случайно, трогают языком больной зуб, содрогаясь от боли, как от удара током. Книжка, конечно же, была о великом воине Чаке.

О том, как его мать страдала от равнодушия знатного мужа; как отец выгнал их с матерью за то, что, когда юный Чака пас скот, собака загрызла овцу; как их приютили в родном краале Нанди, но старшие мальчики издевались над Чакой; как он научился защищаться; как в тринадцать лет убил черную мамбу, в укусе которой хватало яду на целый полк; как во время инициации получил специальный передник-умутшу и с ненавистью швырнул его в лицо отцу; как постепенно выбивался в лидеры.

Книга была написана на основе исторических фактов, но в манере африканских сказаний, и Отто плохо понимал, где правда, а где лирические образы.

Там было написано, что в 1802 году начался голод, и мать Чаки с детьми приняла деревня его тетки. Для Чаки сделали несколько охотничьих ассегаев и щит из черной коровьей шкуры. После этого он начал изнурять себя тренировками в метании копья и ассегая и стал победителем в пастушьей игре уку гваза инсема. Играющие юноши выстраивались вдоль крутого склона, и кто-то сталкивал сверху круглый клубень величиной с футбольный мяч. Пока клубень катился, юноши метали в него заостренные палки, чтобы потом от руки победителя уку гваза инсема на охоте не успевал убежать ни один зверь. Позже Чака стал первым и в палочных, и в групповых боях. Он сколотил и натренировал группу, позволившую постепенно подчинить себе остальных пастухов. В девятнадцать с помощью двух метательных копий и тяжелой палицы победил леопарда. К двадцати одному году воин Чака достиг роста метр девяносто, был невероятно умен, силен, красив и властен. Вместо традиционных боевых приемов предложил воевать метательным копьем, максимально сократив дистанцию с противником, и отказался от обуви, максимально облегчив передвижение.

Отражая щитом удары метательных копий, он научился цеплять щитом щит противника, отводить его и протыкать человека насквозь с боевым кличем «Нгадла!», означавшим «Я поел!». И переводящимся не то «Я силен и непобедим», не то «Я сыт твоей смертью». Но копье было слишком легким и часто ломалось, а метание ассегая во врага казалось Чаке добровольным разоружением. Он решил модернизировать оружие, создав нечто среднее между копьем и ассегаем, и нашел для этого лучшего кузнеца. Кузнецов боялись потому, что для закалки клинков они использовали человеческий жир, и когда в

деревне пропадали люди, в первую очередь подозревали кузнецов. Для изготовления ассегая для Чаки кузнец содрал шкуру с четырех баранов живьем, оставив ее только на голове и ниже колен. Посадил их в загон, ожидая, кто из них умрет последним. Шкуру последнего, самого сильного барана пустили в работу, ибо она обладала самой большой жизненной силой и предназначалась для запасных мехов. Для этой плавки сделали новую печь, загрузили ее железной рудой, древесным углем и оплодотворили воздухом.

Отверстие в основании печи, предназначенное для входа воздуха и выхода железа, напоминало женский половой орган, расширенный, как при деторождении. Глиняное сопло, которое вводилось в него, лепили в форме фаллоса. Кузнец шептал заклинания и сыпал в печь порошок из толченых раковин устриц и мидий, улучшающий качество железа. Но когда процесс плавки подошел к концу, раздался вой и страшный хохот. Возле печки появился колдун. Это был высокий, сильный мужчина с тяжелым копьем и полированной палицей в руках. Плечи его покрывала накидка из шкур, от пояса до колен свешивались полоски меха, а лицо почти целиком скрывали хвосты животных. Подмастерья кузнеца от страха натянули на головы козьи шкуры, дрожал и сам кузнец. Чака не выдал своего волнения и с достоинством ответил на вопросы колдуна.

Позже он узнал, что колдун принадлежал к ужасному братству инсвелабойя. Инсвелабойя и были торговцами человеческими органами, из которых изготовляли «сильнодействующие снадобья». Вместе с инсвелабойя на людей охотились прирученные ими гиены. Уходя, колдун сказал, что видит в чужаке будущего великого вождя и поможет колдовством в изготовлении оружия, благодаря которому Чака подчинит себе половину Африки. Работа продолжалась, пока Чака не одобрил форму и вес клинка, и тогда кузнец приступил к самой ответственной части изготовления оружия. Он достал из специального горшка человеческие сердце, печень, жир и начал произносить заклинания…

Отто затошнило, он с отвращением захлопнул книгу, не дочитав, что впоследствии Чака стал еретиком и открыто высмеивал подобные суеверия современников. А победоносный ассегай назвал словом ик’ва, которое подражало звуку, производимому клинком, когда его вытаскивают из глубокой раны.

Глава четырнадцатая ПОДАРЕННЫЙ АССЕГАЙ

Отто зашел к Тиане буквально на чашку чая. Они не виделись после поездки к колдуну. Тогда, привезя Тиану домой, он практически донес ее до спальни на руках.

Она рухнула в постель и свернулась калачиком прямо в том розовом с белой отделкой платье, в котором лежала на грязном полу хижины у ног старика.

Отто прикрыл ее пледом, дал стакан со снотворным, тщательно запер дверь и предупредил охранника дома, что хозяйка нездорова.

Сегодня Тиана встречала его в гостиной, сидя на диване в окружении котов, в домашнем халате. Форма одежды означала: «Я не слишком старалась к твоему приходу». Проджети кинулась разливать чай преувеличенно старательно.

— Только чаю? — переспросила Тиана. — Проджети готовит сегодня мидии, кашу из красной кукурузы и тыквенные блины.

— Спасибо, но я сыт, — заулыбался Отто и взял в руки чашку чая.

Он понимал, что после долгого и душевного обеда вдвоем будет очень трудно уйти просто так, а настроя на сокращение дистанции у него не было.

— Ты опять прятался от меня на крокодильей ферме? — спросила Тиана с упреком.

— Я улетал по делам фирмы. Заодно встречался с одним серьезным филателистом, показывал ему ваши марки. Они практически не доходят до Европы, и их можно выменять на очень ценные экземпляры. Я говорю о марках из бантустанов.

— Из бантустанов? У них есть свои марки? — удивилась Тиана.

— Конечно, например, бантустан Зулуланд получил статус Британской колонии и начал изготавливать марки в 1888 году. Конечно, для этого брались доступные марки Британии, и на них допечатывалось слово ZULU LAND. — Отто отхлебнул чаю и осторожно погладил кота. — А когда бантустан Зулуланд был присоединен к колонии Наталь, стали использовать марки Наталя. Но это, конечно, не такой раритет, как марки, выпущенные после поражения зулусов в англо-зулусской войне и раздела зулусского королевства на тринадцать мелких частей…

— Раздел произошел с согласия Динузулу — вождя одной из этих частей! — подсказала Тиана с нажимом учительницы.

— Это меня не так волнует. Меня волнует, что в 1886 году там были ручным способом изготовлены собственные марки! — Рассказывая о марках, Отто всегда сиял. — На них на африкаанс было написано: «Новая республика Южная Африка»! Любой филателист продал бы за такую мирку душу дьяволу!

— Мне кажется, химчистки и марки вполне заменили тебе отношения с женщинами, — скривила губы Тиана.

— Моя жена говорила то же самое, слово в слово, — засмеялся Отто. — Как ты себя чувствуешь после той ужасной поездки?

Тиана помолчала, потом посмотрела на него в упор и с вызовом сказала:

— Свободной!

Отто промолчал, осторожно почесывая за ухом голубого кота, подсевшего к нему. Было непонятно, стала Тиана свободной после поездки к колдуну от Гидона или от Отто, но предпочел не уточнять.

Пауза стала такой неловкой, что Проджети стала спасать настроение хозяйки:

— Скажите, мэм, быть может, мне все же погреть тыквенные блины? Эти ваши печенья к чаю только портят желудок!

— Не стоит. Ты ведь видишь, Отто забежал к нам на минутку, он слишком занят, чтобы есть твои тыквенные оладьи и слушать мои упреки, — многозначительно ответила Тиана, предложив Проджети поиграть в игру «Он нас не любит».

И Проджети с удовольствием подхватила игру, тяжело вздохнув и покачав головой.

Это было так смешно, что Отто засмеялся и сказал:

— Я приехал, чтобы пригласить тебя прокатиться на яхте, хотя… понимаю, что с яхтой у тебя связаны не самые лучшие ассоциации. Но я приглашаю не на берег океана, а прокатиться по реке Вааль.

— На яхте? — оживилась Тиана, и Проджети тут же натянула на физиономию радостную, заинтересованную маску.

— Джон сказал, что на реке Вааль лучшая рыбалка. Надеюсь, там нет мухи цеце? — спросил Отто, наслаждаясь произведенным эффектом.

— Мистер напрасно так боится мухи цеце! Сейчас вообще не ее сезон! У нас ее никто особо не боится, лихорадка страшнее! У нас ведь три вида лихорадки! — успокоила Проджети.

— А почему именно Вааль? — поинтересовалась Тиана обновленным голосом.

— Мне нравится название… в нем есть какая-то немецкая мелодика! — Отто поставил чашку на блюдце. — Не забудь взять

с собой шляпу, брюки, куртку и резиновые сапоги. Это ведь рыбалка!

— Да, конечно, — растерянно кивнула Тиана.

— Хочу пригласить туда и Проджети. Конечно, небезвозмездно. Хозяин яхты сказал, что у него есть мальчик-прислуга, но вы же понимаете, что такое мальчик? — поднял брови Отто. — Его будет занимать рыбалка, а не обслуживание.

— Господин прав, ведь рыбу надо готовить прямо на берегу. Мальчик этого не сможет, — закивала Проджети. — Ведь когда запекаешь свежую рыбу на костре, надо сначала обложить ее специальными листьями, а потом обмазать специальной глиной.

— Ну вот и славно! — Отто встал. — Завтра в семь заезжаю за вами, там все будет приготовлено и для ночлега, и для банкета.

— А по поводу чего банкет? — насторожилась Тиана.

— Я заключил отличную сделку. Мое итальянское начальство в полном восторге от открывшихся перспектив ка южноафриканском рынке. — Отто погладил руками столешницу, на которой на этот раз была не скатерть, а ажурные расшитые салфетки. — Если не ошибаюсь, этот стол сделан из родезийского тика, из которого делают рукоятки ножей?

— Да. Мы с Гидоном купили его у антиквара, и если нас не обманули, стол сделан из знаменитого демонтированного моста через реку Нгвези, — кивнула Тиана. — А что?

— Заговорил про рукоятки ножей и вспомнил, что читал в поездке книжку про Чаку. Теперь хочу посмотреть, как выглядит настоящий ассегай, — признался Отто.

— Ассегай? — вскинула брови Тиана. — Проджети, ты не выбросила ассегай, который подарили Гидону на юбилей?

— Скажите, мэм, кто же в здравом рассудке выбрасывает ассегай хозяина? Духи этого не одобрят. Ассегай ведь слуга человека, который его купил или получил в подарок, — затараторила Проджети. — Как говорится, не обнажай ассегай, чтобы убить комара, но если идешь биться с лисицей, ассегай помнит, что на дороге можно встретить льва! Мэм, я пойду принесу его из кладовки.

— Проджети боится наводить порядок среди вещей Гидона. Она считает, что в беспорядке духи заблудятся, передерутся и им будет не до нас, — усмехнулась Тиана. — А я хочу избавиться от всех вещей Гидона. Мне кажется, они держат меня в заколдованном круге.

— Колдун Вуусани не говорил выбросить вещи господина, а его надо слушаться во всем. Вы же знаете, мэм, он спас меня девочкой, когда все уже плакали и расшивали мне платье для смерти… Ассегай уложен в большом сундуке возле двери. Сейчас

я его принесу.

И Проджети понесла по лестнице свои свирепые формы, громко стуча деревянными подошвами новых сандалий.

— После моей поездки к колдуну она носит эти сандалии для храбрости, считает, что стук каблуков распугивает мелких духов. Однажды в саду она сплющила этими сандалиями большую гадюку, как сигаретный бычок.

— Может быть, ей нужна помощь? — спросил Отто.

— Ей не нужна. Это тебе нужна помощь, потому что ты боишься остаться со мной наедине даже на секунду! — сказала Тиана и отвернулась к окну.

Фраза была ловушкой, из которой не так легко выбираться.

Отто потер ладонью лоб и неохотно ответил:

— Тиана, не буду скрывать, я долго приходил в себя после визита к колдуну. Мне надо еще немного времени.

— Хорошо, — кивнула Тиана.

И это прозвучало как «Я не верю ни одному твоему слову».

— Извини, что перехожу на прозу, — закрыл тему Отто. — Сколько рандов заплатить Проджети за поездку?

Название валюты в ЮАР происходило от названия хребта Виватерсранд, находящегося в провинции, набитой месторождениями золота. Ранд равнялся ста центам, но Отто, как немцу, было проще считать в шиллингах.

— Дай сколько не жалко, ты ведь заключил сделку и снимаешь яхту! — презрительно напомнила Тиана. — Неужели при этом важно считать такие мелочи? Ты строишь из себя романтика, но, по-моему, весь твой романтизм в том, чтобы продать лишнюю химчистку.

— Тиана, мы, немцы, только кажемся жадными, на самом деле просто любим порядок в деньгах. Никогда ничего не пытаемся получить даром и исправно платим налоги.

— Не понимаю, как можно экономить на чаевых при оплате прислуги? — резким, почти скандальным тоном спросила Тиана, сняла с колен кота, встала с дивана и прошлась по комнате.

Оба понимали, что обсуждение недостатков Отто было всего лишь легитимным высказыванием раздражения по поводу отсутствия развития отношений.

— Ведь ты, наверное, какой-нибудь аристократ, и полностью твоя фамилия не Шмидт, а фон Шмидт! Неужели немецкие аристократы разбазаривают деньги на яхты, чтобы потом экономить на спичках?

— Приставка «фон» не всегда означает «знать», — мягко сказал Отто. — Иногда «фон» означает просто «из». Например, из такого-то городишки или из такой-то деревушки.

Но в этот момент по лестнице загрохотали сандалии Проджети, и она, запыхавшись, взбежала по кованой лестнице в гостиную, протягивая Отто копье с огромным мечом в виде наконечника сверху.

Оно выглядело потрясающе, и Отто начал рассматривать его, напрочь забыв о Тиане и о времени. В ассегае была логика алебарды, но по форме он походил не то на узкую лопату для чистки снега на дорогах, не то на весло с тяжелым металлическим наконечником.

Повертев ассегай в руках, человек понимал, насколько мощным был бившийся им воин и какой убойной силой обладал этот кентавр из копья и меча. И еще изумляло, насколько гениален был его молодой изобретатель Чака.

— Забери себе, — предложила Тиана и очень обидным тоном добавила: — Он поможет тебе завоевать африканский континент машинами-химчистками.

— Мне кажется, это оружие благороднее и честнее того, что изобретают современные ученые, — не выдержал ее насмешек Отто.

И оба поняли, кого именно из ученых он имел в виду.

— Спасибо за такой роскошный подарок! Мой ответный будет не хуже! — Он посмотрел на часы и охнул. — Опаздываю на встречу! Значит, договорились, заезжаю завтра в семь!

Он поцеловал Тиану в щеку, кивнул Проджети, взял ассегай, неизменный желтый портфель и побежал по лестнице вниз.

Тиана посмотрела в окно, как он пересекает двор, и заметила:

— Знаешь, Проджети, он ужасно силен. Гидон еле поднимал ассегай двумя руками, а Отто несет его словно у него в руках зонтик.

— Это нехорошо, мэм, когда ассегай одного мужчины дарят другому, духам это может не понравиться! — осторожно напомнила Проджети.

Но Тиане было неинтересно отвечать на ее глупости.

— Когда мы приехали от колдуна, он нес меня на руках по лестнице, не останавливаясь!

— Конечно, мэм, я думаю, он такой мужчина, с которым не соскучишься в кровати! — радостно закивала Проджети, прижимая в груди деревянный поднос, на котором собиралась унести на кухню в нижнем этаже чашки.

— Проджети, я не нужна ему, — замотала головой Тиана.

— Что вы такое говорите, мэм? Ведь он специально для вас снял яхту! Он хочет там сказать вам что-то и подарить колечко. Ведь, наверное, так делают в его стране!

— Вуусани сказал, что он не тот, за кого себя выдает, —

сказала Тиана. — И я не понимаю, что это значит.

Из рук Проджети выпал и покатился поднос, она застыла, как пораженная молнией, потом глубоко вздохнула и шепотом спросила:

— Вуусани сказал, что этот немец — оборотень?

— Проджети, подними поднос! — разозлилась Тиана. — Ну что ты как маленькая девочка? Ну какой еще оборотень?

Проджети подняла поднос и начала торопливо собирать на него чашки со стола.

— Колдун никогда не скажет зря! Послушайте, мэм, как говорила моя бабушка: девятнадцать и двадцать — не одно и то же! Конечно, я не утверждаю, что он оживленный покойник или, того хуже, человек-леопард! — утешала она. — Хотя вы слышали, что люди-леопарды днем сами не знают, как ночами рвут людей на куски… Но ведь он возил вас ночью, и ничего такого не случилось!

— У меня от него очень странное ощущение. Словно он парящий в небе стервятник, который высмотрел добычу — меня, но почему-то не снижается, а продолжает следить за ней, — сказала Тиана и сама пришла в ужас от сказанного.

А Отто меж тем добрался до гостиницы, поставил ассегай на самое видное место. И теперь бледное пространство номера было в одном месте рассечено ассегаем, а в другом алело картиной с гладиолусами, словно раной, нанесенной ассегаем.

Отто начал звонить по телефону. Сначала набрал номер владельца яхты Вилли, которого старый Джон порекомендовал для поездки на Вааль.

— Привет, Вилли, это Отто. Надеюсь, на яхте все готово к завтрашнему дню? Еще раз проверьте: рыболовная снасть, закуски и выпивка в трюме, букет для дамы. Что-нибудь местное, экзотическое. Вы лучше знаете, какие цветы здесь дарят женщинам. Сигары! Не забудьте хорошие сигары для Джона и всю амуницию к ним. И помните, гости устанут с дороги, им надо выспаться перед рыбалкой. Ну, кажется, все… — Потом набрал другой номер и сказал: — Привет, дружище, Джон! Вы ведь не забыли про завтрашнюю поездку на Вааль? Надеюсь, она напомнит мне детские круизы по Рейну! Я возьму с собой Тиану! Вы, наконец, оцените ее, а я помирю англичан с бурами! До завтра!

Все складывалось отлично.

Глава пятнадцатая
РЫБАЛКА НА РЕКЕ ВААЛЬ

Дорога до реки Вааль измотала всех. Отто сидел за рулем машины старого Джона, отказавшись от услуг забывчивого У-Цибусисо потому, что на яхте просто не было для него места.

Ступив на берег Вааля только под вечер, Тиана начала капризничать, но Джон сказал ей волшебные слова о том, что филателисты прощают капризы только маркам, и ей пришлось найти в себе силы быть сдержанней.

На яхте оказалось четыре каюты. Одну предложили Тиане, вторую заняли Отто с Джоном, третья была жильем Вилли. Четвертая предназначалась для прислуги, там могли переночевать Проджети и восемнадцатилетний рослый чернокожий Мсане, работавший у Вилли.

Идея подобного тандема не смутила никого, включая самих Проджети и Мсане, несмотря на то, что они были разного пола, видели друг друга впервые в жизни, а Проджети была замужем.

В стране апартеида действовал жесткий закон о раздельных услугах, и люди с разным цветом кожи имели раздельные пляжи, раздельный общественный транспорт, отдельные магазины, раздельные больницы, раздельные школы.

Вечером собрались в кубрике. Мсане разливал напитки, Проджети подавала местные закуски. При незнакомых людях она была смущена и молчалива.

— Знаменитая жареная шкурка дикобраза? — спросил Отто, показывая на салатницу с непонятным темным блюдом. — А иголки вы пустили на зубочистки?

— Немецкая практичность в тебе неистребима! Не бойся, это вяленое мясо, — пояснил Джон. — Но если очень попросишь, угощу тебя высушенной на огне саранчой, толченной с медом. Это вкусно и полезно.

— Когда мы уезжали, ветер бесновался, как перед грозой, — заметила Тиана.

— Вааль далеко от Йоханнесбурга, тамошняя гроза не помешает клеву, — успокоил Вилли.

Это был пожилой морской волк, исколесивший планету по воде. Как и полагается морскому волку, у него было обветренное морщинистое лицо, шкиперская бородка и видавшая виды трубка.

— Коты остались одни, они очень боятся грозы, — обеспокоенно заметила Тиана. — У меня нехорошие предчувствия.

— Терпеть не могу кошек, — откликнулся Вилли, попыхивая трубкой. — В моем доме мышей ловят только сервалы. Они умней кошек и преданней собак.

— Сервалы? — переспросил Отто.

Он валился с ног после долгого сидения за рулем, но среагировал на незнакомое слово.

— Это смесь котов с собаками, — объяснил Джон. — Они ростом со среднюю собаку.

— Не котов с собаками, а котов с леопардами, — заспорил Вилли. — У них леопардовый окрас, но они трусливы. Хотя хозяина защищают. Как-то на мою внучку напал в парке бабуин, отнял сумочку, ну и начал, как всегда, выбрасывать оттуда все, думал найти конфету. А наш сервал Теди гулял с ней на поводке. Он так погнал бабуина, что тот бросил сумку на полдороге!

— А как он выглядит? — спросил Отто.

— Представь себе леопарда длиной метр, с ногами, как у борзой, и с кошачьей мордой, — зевнул Вили.

— И с ушами, как у зайца, — добавила Тиана.

— Вы меня разыгрываете? — недоверчиво спросил Отто.

И все в кубрике посмотрели на него с удивлением, словно не представляли себе человека, никогда не видевшего домашних сервалов.

— А как его приручить? — поинтересовался Отто.

Его разморило, в кубрике было уютно, пахло изысканным табаком из трубки Вилли. Надо было встать и идти спать, но ноги не слушались.

— Брать котенком и кормить с рук, и еще надо, играя с ним, ложиться на пол. Ему важно, чтоб его глаза были на одном уровне с твоими. Тогда ты ему друг, — ответил Вилли. — А как он любит приносить брошенный мячик! В сто раз лучше, чем любой кокер! Один недостаток — все время, сволочь, висит то на гамаке, то на занавесках! А бить его нельзя, перестанет дружить с тобой навсегда. Можно наказывать только брызгалкой с водой.

Отто все ждал, когда ЮАР исчерпает экзотику, но новые фокусы сыпались из нее, как кролики из цилиндра фокусника.

— Если я сейчас не лягу спать, то не встану на рассвете, — признался Отто, перехватил вопросительный взгляд Тианы и шутливым тоном обратился к Джону: — А если я не поймаю завтра ни одной рыбы, Тиана окончательно разочаруется и бросит меня!

Тиана от неожиданности чуть не подавилась шампанским, а Проджети чуть не выронила поднос с роскошным боботи, приготовленным дома по ее собственному рецепту и разогретым в здешней кухоньке. Боботи напоминал запеканку и был сделан из

бараньего фарша, лука, белого хлеба, молока, изюма, яиц, миндаля и приправ.

Обе, с одной стороны, понимали, что это очередная манипуляция Отто; но с другой стороны, покупались на чисто женское «А вдруг?».

— Если надо спасти твою репутацию, мы с Вилли поделимся уловом! — захохотал Джон.

— Черные говорят: лев не одалживает своих зубов другому льву, — покачал головой Вилли.

— Жаль. Потому что на сегодняшний день в глазах Тианы я состою из одних недостатков — простоватый, туповатый, медлительный, жадный, слишком серьезный немец, — развел руками Отто и встал из-за стола. — Но я всего лишь ошалевший от вашей экзотики турист. Придет время, адаптируюсь. Мы, немцы, не любим импровизаций. Если мы хотим закурить, покататься на велосипеде или полежать на газоне, мы ищем табличку, которая это разрешает. А если такой таблички нет, мы теряемся.

Отто выразительно посмотрел на Тиану, и она едва заметно улыбнулась, словно принимая извинения, выраженные в оригинальной форме.

— С такой философией, парень, ты завтра не поймаешь на крючок не то что рыбу, но даже водоросль, — предположил Вилли.

— Вот заодно и выясним, что рыба любит больше, импровизацию и колдовство при участии частей человеческого тела или тишину, порядок и правильную наживку. — Отто поднял вверх указательный палец, поклонился и перед тем, как скрыться за дверью, объявил: — Спокойной ночи!

Повисла пауза. Джон и Вилли сидели за столом напротив друг друга, Тиана оказалась напротив пустого стула, а с боков стола, вытянувшись, стояли Проджети и Мсане, как скульптуры из черного дерева.

Мсане всегда вытягивался в струнку в присутствии Вилли, потому что боялся хозяина. Тот мог вместо замечания запустить в него ботинком, а то и чем потяжелее. А Проджети первый раз оказалась на яхте, чувствовала себя, как на приеме у английской королевы, и очень боялась показаться невоспитанной деревенщиной.

— Он отличный парень, — сказал Джон, не обращаясь ни к кому и при этом обращаясь к Тиане.

— Конечно, если ты приехал из Европы, а газеты пишут, что в бантустанах у людей отнимают топоры и мачете, чтоб они не совершали ритуальные убийства, почувствуешь себя дураком, —

подхватил его интонацию Вилли, словно они были свахами, поднимающими цену своего жениха.

Тиана пила шампанское, не понимая, что отвечать.

— Если Проджети запекает рыбу так же, как готовит боботи, то я переманю ее к себе за большую зарплату! — попробовал подобраться к Тиане Джон.

А Проджети, не понимая, должна ли что-то отвечать такому важному господину по протоколу, сделала книксен, какой видела по телевизору. Выглядела она при этом, как присевшая слониха, и чуть не снесла задом полстола.

— Наверное, вы правы. Когда встречаются люди из таких разных миров, им трудно услышать друг друга, — тихо ответила Тиана.

— Я только хочу сказать вам, детка, что серьезный филателист — это всегда человек, на которого можно положиться. Запомните мои слова! — подчеркнул Джон. — А теперь спать, иначе проспим утренний клев.

Отто спал неспокойно, все время просыпался от храпа старого Джона и не мог понять, где он и почему комнату качает.

Под утро приснился Чака — он стоял у причала, держа в руках ассегай. Яхта остановилась. Отто спрыгнул к нему на берег, Чака показал на ассегай и переломил древко об колено с таким звуком, словно в его ладонях хрустнул столетний баобаб. Отто взял две половинки в руки и понял, что Чака сломал тот самый ассегай, который Проджети принесла из кладовки. Чака сделал непонятный знак руками, и Отто решил, что он показывает, как птица захлопывается в клетке. Потом прокричал что-то на своем языке и пошел в город. Отто хотел догнать его, но понял, что не может двигаться, словно его поставили на якорь, как яхту. И проснулся с ощущением жуткой тяжести…

Но, несмотря на сон, рыбалка удалась. Когда замаячил причал, с которого отчаливали, на палубе были аккуратно разложены сомы, лещи с непривычно расположенными плавниками, много незнакомой рыбной мелочи. Отдельно красовалась пойманная Отто огромная полосатая зубастая зверюга.

Джон называл ее тигром, а Вилли утверждал, что это «водяная собака», которая живет аж восемь лет. И на глаз она килограммов на пять, но он ловил такую на десять килограммов.

Отто никогда в жизни не видел подобного страшилища. У нее были твердые костистые челюсти, огромные острые зубы и полосатая раскраска.

Вытаскивать ее было трудно, она словно выскочила со

стороны, перевернула наживку и попыталась проглотить ее головой вперед. Была сильной и вела себя непредсказуемо, а тут еще Джон и Вилли орали над ухом, как правильно тянуть, вместо того чтобы замолчать и не пугать ее воплями. Тиана переживала, как маленькая девочка, Проджети шептала заклинания, а Мсане пританцовывал и хлопал в ладоши.

Возвращались, как люди, выигравшие вместе в лотерею. Предвкушая рыбу, запеченную на берегу, на которой Проджети рассчитывала показать еще больший класс, чем в готовке боботи. Она ведь привезла с собой корзину специальных листьев, специальной глины и специальных трав. В ее деревне знали, что делать с рыбой.

Тиана сидела на корме в спортивной одежде, соблазнительно подчеркивающей фигуру. Ей очень шла эта поза, этот стиль, эта яхта. Надышавшись речным воздухом, она первый раз за все время знакомства с Отто выглядела счастливой, спокойной и расслабленной.

— Надо было идти в океан, — добродушно ворчал Вилли, на время доверив управление яхтой Мсане. — На реке женская рыбалка, а интересно ловить глубоководную рыбу. Там можно вытащить с глубины стокилограммовую штуковину с плавниками! Тиана, ты любишь свежую акулу? Не любишь? А голубого марлина или дорадо?

Джон примостился возле Тианы, обрезал сигару, блаженствуя, закурил. А Отто все рассматривал полосатую рыбу, сидя над ней на корточках.

— Не трогай руками! Говорят, что рыба теряет вкус, когда ее трогает руками не тот, кто готовит! — предупредил Вилли. — Тем более руки у тебя пахнут никотином!

— Райское место, — вздохнул Джон. — Ну согласитесь, ведь стоило ехать так далеко от Йоханнесбурга?

— Джон, откройте тайну, как завладеть сердцем филателиста? — сверкнула на него глазами Тиана.

— Нет ничего проще. Надо всего лишь восхищенно выслушивать его рассказы о марках и не повторять: «Ты опять разложил на столе эту ерунду?»! — ответил Джон. — И еще. Никогда не ставить на его альбом чашку с кофе! Моя жена так и не научилась всему этому за пятьдесят лет совместной жизни.

— А какой сюрприз можно сделать филателисту? Отто говорил о марке, на которой самолет напечатан вверх ногами. Ее легко купить?

— Это знаменитая «перевернутая Дженни», на ней при печати спьяну перевернули изображение, — ответил Джон. — Купить ее не сложно, но если бы у вас были такие деньги, вас бы охраняло

сейчас человек десять!

— Такая ерунда стоит больших денег? — удивилась Тиана.

— Я ведь только что сказал, что слово «ерунда» по поводу марок произносить при филателисте запрещено, — поморщился старый Джон.

— Боже мой, извините! — Тиана закрыла рот ладонью.

Отто никогда не видел ее такой оживленной и кокетливой.

— Когда я женился на Эмме, я сказал ей: «Успокойся, дорогая, филателист не изменяет жене. Потому что влюбляется не в женщин, а в марки!» — продолжил Джон.

— Это правда? — обернулась Тиана к Отто.

— Чистая правда! Знаю историю о миллионере, который украл марку у рабочего потому, что тот отказывался ее продавать. Он просто влюбился в эту марку! — подтвердил Отто, нежно глядя ей в глаза. — Проджети, бокалы! Друзья, хочу произнести тост!

Услуги в качестве бармена Проджети оказывала не так ловко, как Мсане, но все, тем не менее, получили по полному бокалу шампанского.

— Хочу выпить за вас и сказать огромное спасибо! Благодаря вам мне не было здесь одиноко! — И Отто чокнулся с каждым.

— Ты был прав насчет рыбы, парень, — хлопнул его но плечу Вилли. — Оказывается, рыба любит немцев!

И все засмеялись.

— Мне кажется, что все подозрительно хорошо, — с тревогой посмотрела на него Тиана.

— Кто же убегает от своего счастья? — ответил Отто, глядя ей в глаза. — Понятие «уют» у нас, немцев, — это не просто красивая женщина в красивом доме, а покой и сердечное тепло!

И это были те слова, которых она безуспешно ждала в Йоханнесбурге и за которыми поехала сюда, на реку Вааль.

— Скоро причаливаем, — напомнил Вилли и пошел к Мсане, управлявшему яхтой.

Отто увидел на пристани человек десять мужчин и несколько машин. Когда отчаливали вчера вечером, на пристани не было никого, кроме сторожа.

— Что там за ярмарка на берегу? — насторожился он.

— Обычно столько машин и людей, когда кто-то утонул. — Джон пыхнул сигарой.

— Здесь часто тонут? — спросил Отто.

— Постоянно. Черные и индусы живут на берегу моря, лезут в воду, но не умеют плавать, — осуждающе покачал головой Джон. — Никогда не понимал, как можно жить на берегу и не

плавать.

Вилли ловко и мягко подвел яхту к причалу. Мсане выбросил не слишком надежный трап. По его шаткой ленте осторожно спустился Джон, Отто бережно свел за руку Тиану, а Проджети и Мсане потащили корзины с едой и сумки с одеждой.

Но ровно в ту секунду, когда Отто и Тиана ступили с причала на берег, из двух автомобилей, стоявших на берегу, выскочили несколько человек с автоматами. Они, грубо оттолкнув Тиану, бросились на Отто, а толпящиеся возле машин мужчины встали вокруг забором.

На руках Отто мгновенно защелкнулись наручники, и два человека начали обыскивать его, чтобы убедиться, что он безоружен. Судя по всему, это были профессионалы. Из машины вышел немолодой вальяжный мужчина в черном костюме и шляпе, и оцепление расступилось перед ним, как перед старшим.

— Кто вы такие? — успел выкрикнуть Отто.

— Отпустите! Отпустите его! — завизжала Тиана и бросилась на одного из вооруженных, но он аккуратно схватил ее за руки и сказал:

— Спокойно, мэм! Здесь никто никого не убивает.

Мужчина в черном костюме подошел к Отто, с интересом рассмотрел его лицо и командным голосом объявил:

— Ты арестован!

Джон наконец пришел в себя от шока и закричал на него:

— Да как ты смеешь? Кто твой начальник? Я позвоню ему!

— Требую адвоката и консула Германии! — жестко сказал Отто. — Вы не имеете права!

— Куда вы его тащите? Он еще не заплатил мне за яхту! — выскочил на берег Вилли.

— Это ошибка! — возмущенно сказал Отто военному. — Дайте хотя бы хозяину яхты достать бумажник из моего кармана!

Державшие Отто мужчины, растерянно переглядываясь, попробовали подпустить Вилли поближе, чтобы тот смог достать из кармана Отто бумажник.

— Какой еще бумажник? Он арестован! В машину, быстро! — скомандовал мужчина в черном костюме.

И Отто начали грубо запихивать в автомобиль.

— Вы ошиблись! Он — немецкий коммерсант! — кричал Вилли. — Он торгует машинами-химчистками!

Отто затолкнули на заднее сиденье машины, и двое сели по бокам. Он увидел через приоткрытое стекло, как Тиана посмотрела на мужчину в черном костюме, как у нее судорогой перекосило лицо, и как она хрипло заорала:

— Это ты! Это ты утопил моего мужа! Я тебя узнала! Это ты

приказал сбросить его с яхты!

Она буквально превратилась в сумасшедшую, и от нее отшатнулся даже старый Джон, удерживавший ее, чтобы не бросалась на вооруженных людей. Мужчина в черном костюме настолько оторопел от ее крика, у него так вытянулась физиономия, что Отто понял: Тиана узнала человека из своего видения на сеансе колдуна.

По лицу мужчины стало понятно, что Гидона утопил именно он и что теперь он не может справиться с шоком не оттого, что Тиана это знает, а оттого, что не может понять, откуда она это знает.

Еще Отто успел подумать, что напрасно отнесся к колдуну Вуусани, как к туземной экзотике, и что если бы задал ему тогда вопросы, был бы сейчас без наручников.

Мужчина в черном костюме вышел из ступора и приказал:

— Уберите сумасшедшую бабу!

— Джон, отвезите, пожалуйста, Тиану домой! — прокричал Отто в щелку опущенного стекла.

— Конечно, Отто! — крикнул взволнованный Джон в ответ, его загорелая лысина была багровой. — Они совсем сошли с ума и уже не понимают, кого хватают! Я позвоню начальнику полиции и все улажу!

Мужчина в черном костюме сел возле водителя, автомобиль газанул. Отто увидел Тиану, рыдающую на плече обескураженного Джона; Вилли, орущего на садящихся во вторую машину мужчин; Проджети, окаменевшую с корзиной рыбы на голове; и Мсане, разинувшего рот и выронившего сумки с одеждой.

Если бы он не был настолько потрясен, Отто увидел бы еще многое: шепчущихся черных торговцев, сидящих возле ящиков с фруктами и рыбой; нервно курящего на причале сторожа и стайку черной детворы, выглядывающей из-за кустов…

Глава шестнадцатая
ТЮРЬМА ПРЕТОРИИ

Я — заместитель директора контрразведки ЮАР генерал-майор Бродерик, — объявил мужчина в черном костюме с переднего сиденья машины, не поворачиваясь к Отто. — Ты арестован по закону о терроризме, статья девятая. По этой статье тебе не обязаны сообщать причину ареста. Ты не имеешь права на адвоката, на общение с внешним миром и на получение любой информации!

— Требую консула Западной Германии, — твердо повторил Отто.

Он помнил, что находится в стране апартеида, и что здесь круглые сутки происходят совершенно непредсказуемые вещи. Генерал в ответ промолчал.

Отто проехал почти все горячие точки Африки, кое-что испытал на собственной шкуре и не паниковал раньше времени. Тем более, что обвинение в терроризме выглядело по отношению к нему совершенно идиотским.

Машина ехала, визжа на поворотах и превышая скорость настолько, что обычного человека за подобную езду лишили бы водительских прав на всю оставшуюся жизнь. Вспоминая облеты страны с Уго, Отто прикинул, что его везут не в сторону Йоханнесбурга, а в сторону Претории. И оказался прав.

Поездка была долгой, и он вежливо спросил:

— Джентльмены, надеюсь, вы не возражаете, если я немного посплю?

Военные, сидевшие слева и справа от него, и бровью не повели. Отто закрыл глаза и заснул, несмотря на наручники и прочую странность своего положения. Ведь он почти не спал сегодня, чтобы не пропустить утренний клев. А антураж путешествия подсказывал, что в его интересах восстановить силы.

Машина остановилась, и мужчина справа пихнул его. Открыв глаза, Отто понял, что они уже за забором тюрьмы. В темноте было сложно разглядеть подробности.

Его отвели в полупустую комнату и велели раздеться до трусов. Вещи унесли. Отто усмехнулся про себя — видимо, контрразведчики планировали найти в его спортивной одежде бомбу или пистолет, обосновывающие статью «Терроризм».

Однако когда одежду не вернули после обыска, он перестал усмехаться и понял, что запеченная Проджети рыба будет съедена без него.

В кабинет зашел высокий мужчина лет тридцати пяти в штатском и сонным голосом представился:

— Полковник Глой. Я — твой следователь.

— Объясните хотя бы, где я? — попросил Отто.

— Это внутренняя тюрьма полиции безопасности, — ответил полковник. — Только от тебя зависит, сколько времени ты проведешь здесь.

— Я попросил бы вас вернуть одежду, обращаться на «вы» и немедленно вызвать консула! — потребовал Отто. — У вас будут огромные неприятности, я — гражданин Западной Германии!

— Одежду ему, — приказал полковник.

Один из охранников ответил:

— Слушаюсь, сэр! — И быстро вышел из комнаты.

— Статья «Терроризм» освобождает нас от необходимости вызывать консула, — пояснил Глой. — Надеюсь, ты это понимаешь?

— Я не знаю законов вашей страны. Но не понимаю, в чем именно меня обвиняют? — Отто все еще надеялся на то, что ему предъявят обвинение в сочувствии к черным или в нарушении закона о коммерческой деятельности.

— Ты — немецкий шпион, собирающий информацию на территории ЮАР, и тебе придется в этом сознаться или сгнить в нашей тюрьме заживо, — без всяких эмоций сказал полковник.

И в подтверждение этого в комнату вернулся охранник и бросил на колени Отто выцветшую серо-синюю арестантскую робу.

— Сними наручники, пусть оденется, — сказал Глой, и охранник отпер наручники на запястьях Отто.

Отто брезгливо взял в руки ношеную-переношеную, хотя и стираную одежду, и с отвращением оделся. Его тело привыкло к тонким рубашкам и пригнанным по фигуре дорогим костюмам. Грубая ткань робы раздражала кожу и давала ощущение, что он вырядился для карнавала.

— Руки и ноги, — щелкнул пальцами полковник.

Охранники пихнули Отто на стул. Один запер наручники на руках, другой завинтил кандалы на короткой цепи на щиколотках.

— Я не смогу так ходить, — обратился Отто к Глою. — Верните мне сигареты.

— А тут недалеко, — усмехнулся Глой. — В камеру его!

И охрана поволокла Отто по обшарпанным коридорам. Цепь позволяла идти только маленькими шажками, это было сложно и унизительно. Так семенят японские и китайские красавицы, которым в детстве уродуют ноги.

Отто видел этих несчастных в Азии с богатыми мужьями, и каждый раз ужасался тому, что красивого эти мужья находят в изуродованных стопах? Женщины покачивались при ходьбе и неуверенно делали крохотные шажки, чтобы не упасть. Сейчас Отто передвигался той же походкой.

Охранники остановились возле одной из дверей, отперли ее и толкнули Отто так, что он влетел внутрь камеры и грохнулся на бетонный пол, еле успев сгруппироваться. Один из охранников нагнулся, отпер и снял наручники и кандалы.

Дверь захлопнулась. Отто огляделся в темноте. Немного света проникало в окно, немного — в глазок на двери. Камера была просторной одиночкой. На единственных нарах лежали матрас и одеяло.

Подушки и постельного белья не было. Но был туалет. Воспользовавшись им, Отто отметил, что спускаемая вода сливается очень долго — минут семь.

В высоком зарешеченном окошке светлело. И Отто стал прикидывать, сколько же сейчас времени. Причаливали к берегу перед ужином, потом долго ехали в Преторию, потом он сидел в комнате для допросов в одних трусах…

Арестовывать его приехал аж генерал контрразведки, а полковник-следователь был вызван в тюрьму ночью. Видимо, они считают Отто акулой терроризма. Хозяин химчисточной фирмы, когда узнает, будет смеяться до колик.

Надо было ему внимательнее прислушиваться к словам старого Джона и покойного Уго, когда они подчеркивали:

— Пойми, это ЮАР! Здесь может случиться все, что угодно!

Очень хотелось курить. Отто лег на нары и долго не знал, как положить щеку на сальный и вонючий от чужого пота матрас. Положил под щеку ладонь, которую можно было вымыть в раковине.

Матрас оказался жестким и пах так, что Отто подташнивало. К тому же очень хотелось есть, его ведь арестовали как раз перед долгожданной запеченной рыбой. Со злостью подумал о том, что чертов консул дрыхнет сейчас на шелковых простынях, обняв свою фрау.

И завтра Отто непременно выскажет ему, что, получая солидную зарплату из налогов западных немцев, он обязан решать их проблемы в любое время суток. Ведь ни для кого не секрет, что в стране апартеида с иностранцем могут сделать все, что угодно, и консула предупреждали об этом, назначая в ЮАР.

Отто попробовал задремать, но тут раздался женский крик, от которого он подскочил с матраса, как ошпаренный кипятком. За первым раздалась целая серия новых криков, стонов и хрипов

пытаемой женщины. Отто заметался по камере, но понял, что звуки идут не из-за стены, а из спрятанного под потолком динамика.

Он начал бить кулаками в дверь, но никто на это не отреагировал. Снова лег под эту вынимающую душу какофонию и, забыв об антисанитарности одеяла, намотал его на голову, чтобы приглушить крики с магнитофонной пленки.

— Спать! — велел он себе. — Надо уснуть, завтра придет консул и вытащит из этого ада!

Но какое там «спать»? Женщина кричала и кричала, и приспособиться к этой психической атаке было невозможно. Отто заставил себя расслабить каждую мышцу, каждый кусочек тела, каждую клеточку. И начал напевать детское:

O Tannenbaum, o Tannenbaum,
Wie treu sind deine Blätter!
Du grünst nicht nur zur Sommerzeit,
Nein, auch im Winter, wenn es schneit.
O Tannenbaum, o Tannenbaum,
Wie treu sind deine Blätter!

O Tannenbaum, o Tannenbaum,
Du kannst mir sehr gefallen!
Wie oft hat schon zur Winterzeit
Ein Baum von dir mich hoch erfreut!
O Tannenbaum, o Tannenbaum,
Du kannst mir sehr gefallen!

O Tannenbaum, o Tannenbaum,
Dein Kleid will mich was lehren:
Die Hoffnung und Beständigkeit
Gibt Mut und Kraft zu jeder Zeit!
O Tannenbaum, o Tannenbaum,
Dein Kleid will mich was lehren!

В этой грязной, душной камере-одиночке, доверху налитой отчаянным женским криком, трудно было придумать что-нибудь более нелепое, чем распевание песенки про елочку. Но так становилось легче. Даже показалось, что скоро получится отгородиться ею от крика и подремать.

Но через некоторое время динамик смолк так же внезапно, как и включился, в двери повернулся ключ, и в камеру вошел сержант с двумя охранниками.

— Встать! — заорал сержант, недовольно глядя на то, как

Отто нехотя сполз с матраса и принял вертикальное положение. — Проверка. Все нормально?

Отто посмотрел на него с интересом и спросил:

— В каком смысле?

— В смысле комфорта, — безразлично уточнил сержант. — Жалобы есть?

— Я хочу спать, — сказал Отто и показал глазами на потолок, скорее машинально, чем рассчитывая на помощь. — Пожалуйста, отключите это! Это не дает мне спать.

— Ты что-нибудь слышишь? — спросил сержант у одного из охранников без тени насмешки, скорее по долгу службы.

— Ничего не слышу, господин сержант! — замотал головой охранник тоже без тени насмешки и тоже по долгу службы.

— И я ничего. Мы зайдем с проверкой через час.

Они вышли, дверь заскрежетала ключом. И на Отто снова обрушился водопад криков и стонов из динамика. Он снова начал искать тишину, заматывал голову одеялом, засовывал ее под вонючий матрас, но эффекта не было.

Потом воткнул в уши свернутые в спираль ободки рукавов робы, сверху замотал голову одеялом, а на него положил матрас. Его уже не волновал запах матраса, он готов был спрятаться от женского крика хоть в выгребную яму.

Спать все равно не получалось. Он снова вспомнил о ногах японских и китайских женщин. И удивился, что задумался об этом только сейчас, когда самому пришлось преодолеть путь от комнаты допроса до камеры походкой красавицы с изуродованными стопами.

Отто поражали глубина и изящество японской и китайской миниатюры. Изображенные женщины, как правило, демонстрировали ступни, похожие на обглоданные обрубки. И он относился к этому как к экзотическому лирическому образу.

На лекциях по искусствоведению рассказывали об истории бинтования женских ног, и Отто с его энциклопедической памятью мог хоть сейчас повторить содержание.

Моду на это насилие над женщинами завел в Китае император Ли Юя. Он построил золотой помост в форме лотоса, инкрустированный драгоценными камнями, на котором танцевала его наложница с крохотными изуродованными ступнями, бинтуемыми с детства шелковыми шарфами.

Семенящая походка считалась эротичной, а уродливые стопы были сексуальным фетишем. Постоянная боль при ходьбе и напряжение мышц из-за отсутствия нормальной опоры на ступню приводили к резкому сужению влагалища. И потому нищие семьи с детства бинтовали девочкам ноги, чтобы продать их в

наложницы богатым извращенцам.

Один китайский аристократ даже описал любовные игры, главная роль в которых отводилась изуродованным женским ступням, и составил каталог из шестидесяти видов уродования ног, носящих поэтические названия «новая луна», «гармоничная радуга», «побег бамбука».

Самая востребованная форма калечения называлась «золотой лотос» и подразумевала ступню длиной десять сантиметров. В одних районах Китая пальцы ног для этого сжимали и ограничивали рост ноги, а в других для получения «золотых лотосов» пальцы ломали в пятилетием возрасте, подгибали к подошве и затягивали бинтами.

Часто на ступнях начинались нагноение, гангрена, паралич. Огромное количество девочек умирало от экзекуции. А выжившие не могли всю жизнь даже отправлять естественные потребности без прислуги, ведь на десятисантиметровых ступнях невозможно присесть на корточки.

После революции родителей, продолжающих садистскую традицию, начали сажать в тюрьму. Но они все равно тайно калечили дочерей и продавали за границу.

Отто пытался вспомнить хоть одну китайскую или японскую марку, хоть одну историческую кинокартину, в которой бы фигурировала традиция бинтования ног. Не получилось. Китайцы и японцы стыдливо закрыли эту тему, она осталась только в антиквариате.

На лекции говорили, что нынче государственная цензура не пропускает тему «золотых лотосов» ни в произведениях современного искусства, ни в исторических исследованиях.

Отто вспомнил, что первые почтовые марки Китая ему посчастливилось видеть на выставке, кажется, во Франции. Управление Шанхайской таможни напечатало в 1878 году три марки с симпатичным пятилапым драконом на фоне волн и облаков.

Чтобы чем-то занять себя, Отто решил полистать по памяти любимые страницы альбомов с марками. Он помнил их наизусть и переворачивал страницу за страницей, хотя женский крик словно набрасывал на эти страницы черную ткань.

Странно, что только здесь и сейчас в невыносимо звучащей и вонючей камере он задумался о женской боли. Вспомнил, что, когда жена была жива, они жили в Алжире и много путешествовали по Африке. И, приезжая в новый город, она подолгу болтала с местными женщинами, а вечером рассказывала об услышанных ужасах.

Все, кто жил на континенте, конечно, знали о чудовищной

исламской традиции женского обрезания. Операция проходила по трем выкройкам, часто маленькой девочке срезали все, что отличало ее от мальчика, и зашивали так, что оставалось только маленькое отверстие для мочеиспускания.

Чтобы родить после этого ребенка, женщина нуждалась в специальных надрезах мышечной ткани, а после родов ее снова зашивали до маленького отверстия, «чтобы доставить мужчине больше удовольствия в течение общения». И так при каждых родах.

Количество смертей от осложнений, кровоизлияний, болевого шока при операции, столбняка и заражения крови никого не интересовало, так же как и количество бесплодных после подобной экзекуции. Обрезание ставило своей целью освободить девочку от сексуальности, сделать ее удобной, фригидной рабыней.

Но варвары придумали не только обрезание, они калечили женщин разнообразными способами. В одних местах им оттягивали уши; в других — вставляли в нижнюю губу тарелку; в третьих — заставляли после смерти родственника рубить фаланги пальцев; в четвертых — надевали на шею удлиняющие ее металлические кольца, после чего начиналась дистрофия шейных мышц; в пятых — татуировали губы до голубого цвета; в шестых — наносили на лицо и тело шрамы; в седьмых — удлиняли лица, привязывая к щекам деревянные бруски; в восьмых — сажали в клетку и насильно кормили до нездоровой полноты.

«Звери! Дикари! Варвары!» — отчаянно думал Отто.

— Звери! Дикари! Варвары! — эхом отзывался на непонятном языке женский крик из динамика.

Крик снова замер на полуслове, ключ в двери повернулся, и в камере снова появился сержант с двумя охранниками.

— Встать! Смирно! Проверка! — заорал он бодрее, чем в первый раз.

Отто не пошевелился. И тогда один из охранников грубо встряхнул его и поставил в вертикальное положение.

— Нет ли у вас каких-нибудь жалоб? — бесцветным голосом спросил сержант.

— Никаких, — сказал Отто, презрительно глядя ему в глаза.

— Отлично, — кивнул сержант без всякого интереса. — Следующая проверка через час.

Они вернулись в тюремный коридор, а крики вернулись в камеру. Еще через какое-то время в двери открылось окно, и на него поставили миску с баландой и лепешкой. Но Отто уже не хотел есть, он уже ничего не хотел.

Он понимал, что теперь сержант с охранниками будет

появляться через каждый час, как кукушка из часов, и надо набраться сил, чтобы не броситься на него и не получить наказание за сопротивление… кому? сотруднику тюрьмы? полиции? разведки? контрразведки?

Впрочем, какая разница, главное дотерпеть до приезда консула. Ведь уже утро, и если в консульство официально не сообщат об аресте, это непременно сделают Джон или Тиана.

А женщина все кричала и стонала, и через некоторое время Отто уже даже начал спрашивать ее:

— Милая, ну чем я могу тебе помочь?

Глава семнадцатая
ПЕРВЫЙ ДОПРОС

Он и не помнил, что было дальше, потому, что погрузился в полусонное, полубредовое состояние и очнулся только, когда зашли два охранника и, завинтив кандалы и наручники, повели его длинными серыми коридорами.

Во вчерашней подвальной комнате за столом сидел вчерашний полковник Глой. Отто указали на стул перед ним. Глой поздоровался любезнее вчерашнего и заговорил «на вы»:

— Вы находитесь в тюрьме контрразведки ЮАР. В ваших интересах честно отвечать на вопросы.

— После сегодняшней ночи я в этом не сомневаюсь, — попытался пошутить Отто пересохшими губами. — Но я хотел бы видеть консула моей страны.

— Увидите, когда придет время, — ледяным тоном ответил Глой. — Ваше имя?

— Отто Шмидт.

— С какой целью приехали в ЮАР?

— Моя фирма продает машины для современной химчистки и уже оснастила ими огромную часть Африки.

— То есть категорически не желаете говорить, на какую разведку вы работаете?

— Послушайте, господин полковник, понимаю, что в вашей стране… с подозрением относятся… к любому иностранцу. — Отто тщательно подбирал слова. — Но я законопослушный гражданин Западной Германии, и меня интересует только бизнес.

— Господин Шмидт, вы, видимо, не поняли, что вас арестовали за терроризм не в вашей блудливой Европе, где можно сидеть в тюрьме и давать интервью журналистам, — поднял бровь Глой. — Мы в ЮАР умеем защищать интересы государства.

— Какую угрозу вашему государству представляют современные машины-химчистки? — пожал плечами Отто. — Я объехал весь континент и первый раз попал в подобную ситуацию!

— Похоже, вы меня не поняли. Встретимся завтра, — раздраженно перебил Глой и скомандовал охраннику: — В восьмую его. Работайте!

Охранники вцепились в Отто и грубо поволокли из кабинета по коридору, по лестницам, толкнули дверь в подвале и впихнули его в полутемную комнату, в которой не было ничего, кроме

стульев.

Еще Отто успел увидеть ведро с водой и только подумал: зачем оно здесь? Но тут же был оглушен ударом, от которого упал и сжался под серией новых ударов. Он не помнил, сколько его били, но, видимо, до тех пор, пока не потерял сознание. И тогда на него опрокинули то самое ведро холодной воды.

Когда в камере сняли наручники и кандалы, тело разламывалось, голова гудела, а ноги были ободраны — по коридорам его тащили волоком. Через некоторое время отворилось окошко, на двери и на полочку под ним рука поставила миску с баландой и лепешкой.

Очень хотелось есть и курить, но сил встать не было. Отто снова провалился в темноту и пришел в себя только во время визита сменившегося сержанта со сменившимися охранниками и несменившейся задачей. Они потребовали, чтобы встал и ответил, нет ли у него проблем?

Когда вышли, Отто, держась за стену, добрел до двери и осторожно вцепился зубами в лепешку, чтобы не слишком травмировать разбитые губы, но тут снова включили запись с пытками женщины.

А потом все это повторялось и повторялось, и он потерял счет времени и перестал слышать женский крик. Словно вошел в новый режим существования сознания, как стайер, пробежавший несколько часов и поставивший себя на автопилот.

Чтобы выжить, старался освободить голову от мыслей и прогнозов, сделать ее легкой, как воздушный шарик, но не получалось. Может быть, их интересовала его прежняя поездка в Намибию — колонию ЮАР?

В клубе для белых ему в первый же день объяснили, что в Намибии добывается уран, обогащенный на восемьдесят процентов. И весь отправляется в Америку.

Конечно, это изумило Отто, ведь официально США, Англия и другие западные страны объявили ЮАР и ее колониям экономический бойкот. Может быть, он показался этим контрразведчикам немецким журналистом, решившим предать эту тему гласности?

Может быть, их интересовало, зачем он только что объехал приграничные прифронтовые государства — Замбию, Ботсвану и Малави? Но ведь он не ввозил туда ничего, кроме машин-химчисток. И то совсем немного.

Эти страны вроде бы помогали боровшемуся с апартеидом Южно-Африканскому конгрессу, но все равно экономикой в них заправляли юаровцы. Алмазные копи в Ботсване, например, находились в руках «Де Бирс».

Может быть, кто-то написал донос, что он осуждает апартеид и сегрегацию? Что его возмущают уличные скамейки с надписью «Только для белых», магазины и рестораны только для белых? Или то, что черные в шесть вечера уезжают в свои гетто, а иначе рискуют жизнью?

Ведь Отто немец, а здесь хорошо относятся к немцам. Та же Намибия была «немецкой Юго-Западной Африкой». А немцев там тьма, все гостиницы с немецкими названиями, все фермеры — немцы. И даже черные говорят по-немецки не хуже самих немцев.

Здесь, в ЮАР, был специфический режим. Самой низшей расой считались черные, потом цветные, за ними шли индусы из огромной диаспоры, а на самом верху — белые. И все совершенно спокойно относились к тому, что за убийство черного в городе после шести часов белый не понесет никакого наказания.

Джон с одобрением рассказывал, что в юаровской тюрьме томится священник методистской церкви Седрик Мейзен, выступивший за права черных.

Но Отто не помнил, чтобы высказывался на тему расовой дискриминации перед малознакомыми людьми. Не могли же Джон или Тиана написать на него донос?

Следующий день прошел в точно таком же режиме: завтрак, кабинет следователя Глоя, избиение, ведро воды, крик из динамика и сержант с охранниками каждый час.

И следующий день тоже, и следующий…

Потом полковник Глой взбесился и дал распоряжение поставить заключенного рядом со стенкой по стойке смирно на двадцать четыре часа. Перед Отто был стол, а сзади — стена, к которой запрещалось прикасаться. Как только он касался стола пальцами или облокачивался о стенку, охранник бил по пальцам и орал:

— Встать по стойке смирно!

Отто стоял, охранники менялись и сливались для него в одно негативное пятно, одетое в форму. Он простоял двадцать четыре часа и попросил, чтобы вывели в туалет. Но в туалете упал без сознания. Его окатили ведром воды и поволокли в камеру, где ждали крики из динамика и сержант с охраной каждый час.

Это был беспросветный ад.

Глава восемнадцатая
ДОПРОС БРОДЕРИКОМ

Потом в тюрьму приехал арестовывавший Отто генерал Бродерик. Полистав протоколы допросов, он буркнул:

— Мне сразу казалось, что мы его слишком рано берем! Я прочитал все материалы — у нас почти ничего на него нет!

— Нет, так выбьем, — заискивающе заглянул ему в глаза Глой.

Именно Глой подготовил материалы на арест Отто и был уверен, что немец заговорит в первые дни обработки. Но теперь, когда Отто молчал на той стадии, когда заключенные рассказывали и все, что было, и все, чего не было, Глой растерялся. Он понимал, что отвечать за ошибку именно ему.

— Глой, вы идиот! Судя по протоколам, вы уже сделали с ним все, что умеете! Даже продержали сутки на ногах! И никакой информации! Какого черта мы его арестовывали? — уничтожающим тоном спрашивал Бродерик.

— Господин генерал! У нашего агента было подозрение, что он устроил на яхте прощальную вечеринку…

— Какого именно агента?

— Черной домработницы, приставленной к вдове физика… Проджети Мбгеле. — Глой полез в сейф, достал папку и распахнул ее перед Бродериком.

— И давно в штате контрразведки ЮАР служат черные домработницы? — брезгливо отодвинулся от папки Бродерик.

— Но это не первое ее задание, господин генерал!

— Вы хоть понимаете, что он гражданин Германии? Вы представляете, какой вой поднимется на весь мир, если мы арестовали его из-за фантазий черной домработницы?

— Вы же сами говорили, господин генерал, что слишком много совпадений, — напомнил Глой. — Он общался с вдовой физика Крамера и пилотом «научного самолета»!

— Ах да, видел эту сумасшедшую, когда его арестовывали. И кстати, она орала, что Крамера убил именно я. — Генерал строго посмотрел на полковника. — Чем вы это можете объяснить?

— Только тем, что это третье совпадение! — восторжествовал Глой. — А столько совпадений не бывает просто так!

— Не заговаривайте мне зубы, полковник! Каким образом у нее могла оказаться эта информация? — заорал Бродерик.

— Господин генерал, я с пристрастием допрошу охрану, которая была с вами на яхте во время ликвидации израильского

физика! — Глой вытянулся по стойке смирно.

— Да пока вы не можете допросить с пристрастием даже немца! — презрительно скривился Бродерик. — Вот что, полковник, я не могу каждую секунду напоминать при арестованном, что вы идиот. Я поставлю на стол стакан, и каждый раз, когда буду двигать его, считайте, что я громко сказал: «Глой, вы — идиот!» Приведите арестованного!

Когда Отто ввели в кандалах и наручниках, сидевший за столом Бродерик дружелюбно посмотрел на его разбитое лицо и, с отвращением глядя на Глоя, приказал:

— Немедленно снимите все это! Что это вы тут устроили за Средневековье? Куда он может убежать на территории тюрьмы?

Охранники бросились отпирать кандалы и наручники. Отто предложили сесть на стул перед Бродериком, Глой встал у него за спиной, охранники — у двери.

Войдя в кабинет, Отто остолбенел — прямо над столом висел огромный парадный портрет Гитлера. Полковник был фанатом Гитлера и Кальтенбруннера, а ЮАР — одной из немногих стран мира, в которых подобные портреты не вызывали омерзения к хозяину кабинета.

По всему миру эти портреты висели только в антифашистских музеях. В остальных местах их жгли, рвали, топтали и карикатуризировали, а здесь его обнимала тяжелая золоченая рама.

В памяти вспыхнули слова Тианы: «Когда капкан щелкнул на лапе, Гидон пошел к какому-то человеку, курирующему испытания от разведки, и увидел в его кабинете портрет Гитлера! Гидон устроил в кабинете дикий скандал, потребовал снять портрет и принести публичные извинения еврейскому народу. Его оттуда вытурили, чуть морду не набили. А он написал в ответ ноту протеста в Министерство иностранных дел».

Все сходилось: Гидон Крамер приходил именно в этот кабинет и был убит именно генералом Бродериком. Но торговец химчистками Отто никогда не видел Гидона и не мог узнать от него никакой информации, представляющей опасность для ЮАР.

— Стакан воды, — тихо сказал Бродерик, и Глой наперегонки с охранниками побежал к графину, стоявшему в компании стаканов на подоконнике.

Когда стакан воды из графина на подоконнике был поставлен перед генералом, Глой показал охране глазами, что ее место за дверью.

— Я требую адвоката и немецкого консула, — сказал Отто, хотя из уст человека с настолько разбитым лицом слово «требую»

звучало неубедительно.

— Вы не имеете права на адвоката, — вежливо ответил Бродерик, он играл «доброго следователя». — Статья девятая закона о терроризме. Больше ничего. Понятно?

— Какой терроризм? Вы напрасно тратите время, я занимаюсь исключительно химчистками! Скажите честно, что вам от меня нужно? — вздохнул Отто.

Все время, проведенное в тюрьме, он не видел чистого стакана с чистой водой, с удовольствием попил бы сейчас из такого стакана и теперь воспринимал его как элемент пыток.

— Не пудри нам мозги своими химчистками, мы давно за тобой следим! — заорал Глой, стараясь показаться особенно грозным при начальнике. — В номере гостиницы проведен обыск, все твои бумаги и вещи у нас!

Бродерик красноречиво показал Глою глазами на стакан воды.

— Это Гитлер? — на всякий случай спросил Отто.

— Гитлер, — равнодушно кивнул Бродерик.

— Странно, что вы допрашиваете немца под портретом Гитлера… Господин генерал, объясните, на каком основании меня подвергают пыткам? — спросил Отто. — Когда я нарушил законы вашей страны?

— Пыткам? Полковник, арестованного подвергают пыткам? — Бродерик поднял бровь.

— Ни в коем случае! — отрапортовал Глой. — Лицо у арестованного разбито после того, как он спровоцировал драку с охраной.

— Итак, Отто Шмидт, как вы познакомились с недавно погибшим пилотом Уго Ластманом? — начал допрос Бродерик, и Отто понял, что за стеной перед большими магнитофонами с большими крутящимися катушками сидят люди и фиксируют на пленке каждый его вздох.

— Господин генерал, если у вас все мои бумаги и вещи, вы могли видеть объявление, которое я дал в газету, — объяснил Отто. — Нашей фирме был нужен пилот, я попросил кандидатов заполнить анкеты. Пришло около ста анкет.

Бродерик задал Глою взглядом вопрос: «Правда?» Глой кивнул, и Бродерик с раздражением подвинул стакан на столе.

— Почему вы выбрали именно этого пилота?

— Потому, что он немец. Его родители, как и мои, западные немцы, а мы, западные немцы, умеем работать и держать слово. А почему еще я мог его выбрать? — удивился Отто. — Среди ста анкет больше не было ни одной от западного немца.

Бродерик снова задал Глою взглядом вопрос: «Правда?» —

Глой кивнул, и Бродерик снова с раздражением подвинул стакан вправо.

— Там были восточные немцы… но мы, западные немцы, считаем, что они кляузники и лентяи, — заметил Отто.

— И вы даже не читали его анкету полностью?

— Может, и читал. Но когда перед вами сто анкет, они все сливаются в одну, — пожал плечами Отто. — И еще… Вы будете смеяться, но фамилию Ластман носил учитель великого Рембрандта.

Бродерик кинул недоверчивый взгляд на Отто и вопросительный на Глоя. Глой пожал плечами.

— Рембрандт — это который писал картины? — уточнил Бродерик.

— Да. Я обучался в Италии искусствоведению.

— Зачем? — прищурился Бродерик.

— У моего отца, убитого русскими, до войны была маленькая галерея… Господин генерал, почему я арестован по такой нелепой статье, как терроризм? Вы обнаружили в моих вещах пистолет? Или, может быть, бомбу?

— Мы обнаружили там радиоприемник, — многозначительно напомнил Глой.

— А вы рассчитывали обнаружить там граммофон с пластинками? — усмехнулся Отто, видя, насколько Глой перепуган визитом начальства.

Бродерик еще раз подвинул стакан в сторону края стола, выразительно глядя на Глоя.

— Как вы познакомились с Тианой Крамер?

— Случайно. Мы играли в карты в клубе в Блантайре. Ворвались повстанцы, начали палить, и я затащил ее за барную стойку.

— И что было дальше?

— Она решила, что я спас ей жизнь. Наверное, так и было. И пригласила к себе в гости в Йоханнесбург.

— С какой целью она ездила в Блантайр?

— У нее частые головные боли после какой-то аварии. И черная домработница все время отправляет ее к колдунам. Она ездила в Блантайр к колдуну.

Бродерик глазами снова задал Глою вопрос: «Правда?» — Глой снова кивнул, и стакан снова сдвинулся в сторону края.

— Я не понимаю, зачем вы, белые люди, играете в одни игры с черными дикарями? Я непременно отвезу Тиану в хорошую немецкую клинику…

— Какие отношения связывают вас с Тианой?

— Это вторжение в мою частную жизнь, — напрягся Отто.

— Вы арестованы за терроризм, это означает, что для нас не существует границ вашей частной жизни! — заорал Глой.

— Я протестую! Впрочем, мои признания не оскорбят честь этой женщины. — Отто выбрал самую доверительную интонацию. — Видите ли, господин генерал, я попал в сложную ситуацию. Похоже, эта женщина любит меня, но я не готов ни жениться, ни сказать ей об этом… В каком-то смысле арестом вы решили мои проблемы. Тиана очень больна. К тому же говорила, что ее муж перед гибелью сошел с ума.

— Она рассказывала, чем занимался ее муж?

— Насколько я понял, они вместе изучали в американском университете историю, потом он приехал в Йоханнесбург, впутался в криминал, сошел с ума, был застрелен за долги. И у нее после катастрофы не осталось больше никого, кроме двух котов и черной домработницы. А мы, немцы, очень сентиментальны… Господин генерал, я рассказал вам все. Вышлите меня в Германию, если я опасен для вашей страны, но международное право запрещает применять пытки.

— Я тебя заставлю говорить! — вдруг крикнул Глой. Бродерик от неожиданности резко двинул стакан, и тот упал на каменный пол так, что брызги стекла разлетелись по кабинету.

— Уведите, — сказал Бродерик раздраженно.

Глой дал сигнал охране, и Отто вытащили из кабинета, заперли в коридоре в наручники и кандалы и поволокли в камеру.

А Бродерик подвинул к себе ту самую папку, от которой прежде брезгливо отворачивался, и начал читать тот самый рапорт, записанный на магнитофонную пленку и дословно перенесенный на бумагу.

«Я уже рассказывала господину капитану, что этот немец все ходил к нам. И хозяйка просто влюбилась в него без памяти. Не хочу врать господину капитану, не знаю, что у них там было в Блантайре. Хозяйка говорила, что он спас ее от повстанцев, но я думаю, она просто соскучилась жить без мужчины. Как говорит моя тетка, при сильном голоде не варят суп из гусениц. Господин капитан понимает, хозяйка еще не старая женщина, ни детей, никого, одни болезни после той аварии. И я сперва порадовалась, что ей теперь не так одиноко. Но потом хозяйка стала жаловаться, что у них никаких таких отношений. Господин капитан понимает, что такое, если мужчина ведет себя, словно он ей брат. Дарит всякие подарки и всякие приятные вещи и цветы. Потом я заметила, что каждый раз, когда ему было совсем не сбежать от постели, он делал так, чтобы дать ей две таблетки снотворного. Я пересчитывала таблетки в пачке. Я всегда давала ей одну. Еще

хочу сказать господину капитану, когда он поехал с хозяйкой к колдуну Вуусани — а это очень сильный колдун, он видит землю насквозь, — колдун сказал ему при хозяйке: ты — не тот, ты — оборотень, ты — другой человек, чем все думают. Вуусани не ошибается. Забыла сказать про снотворное. Хозяйка никогда не запивает снотворное из стакана, такого сроду не было. Она ненавидит пить из стакана, она пьет из чашки. Значит, точно немец бросал в стакан по две таблетки. Ему надо было ее усыпить. Не знает ли господин капитан, не полагается мне премия? Ведь я догадалась, что он никакой не жених. А что ему надо от хозяйки что-то другое! Я же запоминала каждую мелочь, как велел господин капитан…»

* * *

— Глой, вы рехнулись, когда подшивали этот бред в его дело? — спросил Бродерик, с интересом глядя на Глоя.

— Господин генерал, благодаря этой домработнице вы ликвидировали Гидона Крамера до того, как произошли утечки информации! — напомнил Глой.

— Работайте! Мне нужен результат! — Бродерик резко встал из-за стола и вышел из кабинета, хлопнув дверью.

Глой посмотрел на портрет Гитлера, на осколки стакана на полу и подумал, что для арестованного немца нужны более сложные методы. Придется отдать приказ осторожно бить его подряд три дня. Главное, чтобы не убили…

И после этого Отто били три дня подряд. Но он был так измотан, что заснул под мордобой, потому что в камере кричала женщина из динамика, а здесь тишину нарушали только звуки тупых ударов и прилежное сопение охранников.

Глава девятнадцатая ДОПРОС АНГЛИЧАНАМИ И НЕМЦАМИ

После трехдневного битья его пару дней не выводили из камеры, дали немного восстановиться. Отто ощущал себя куском мяса, попавшего в мясорубку, и экономил силы для допросов, на которых надеялся убедить садистов в том, что он совсем не тот, кто им нужен.

Его снова привели в кабинет Глоя. Но теперь в кресле полковника сидел не генерал Бродерик, а джентльмен благороднейшего вида в клетчатом пиджаке и очках с золотой оправой.

Глой встал возле окна, у того самого злополучного графина с оставшимися стаканами. Было видно, что джентльмен появился здесь по приказу Бродерика и против воли Глоя.

— Надеюсь, вы провели спокойную ночь, господин… господин Шмидт, так звучит ваше имя по паспорту, — вежливо начал джентльмен на безупречном английском. — Но я хотел бы узнать ваше настоящее имя.

— Мое настоящее имя Отто Шмидт, — угрюмо заметил Отто. — А ваш выговор выдает британца.

— Вы угадали, — улыбнулся тот уголками губ. — Я прилетел сюда по той причине, что ваше будущее внушает мне большие опасения.

— Мне тоже. И буду вам крайне признателен, если вы хотя бы объясните, что здесь происходит? Зачем вы задаете мне вопросы, на которые вам ответит консул моей страны? Я гражданин Западной Германии, такой же европеец, как и вы. И вы не можете не видеть, что меня здесь ежедневно пытают, — подчеркнул Отто. — По-вашему, я похож на террориста?

— В моей стране совсем другие законы, и тут я только гость, — развел руками джентльмен и выразительно поднял глаза на портрет Гитлера, не обращая внимания на Глоя. — Я готов вам помочь, но смогу сделать это только в случае, если вы поможете мне ответами на вопросы. Какова цель ваших частых визитов в страны Африки в последнее время?

— Я представляю итальянского изготовителя чистящих химикатов нового поколения и стараюсь захватить рынок, опередив конкурентов. — Отто нравился этот человек. — Меня предупреждали, что это связано с большим риском, но

подтверждение я получил только теперь.

Британец явно был из разведки МИ-6. Отто вспомнил симпатичного итальянского официанта Антонио, влюбленного в главную героиню фильма «Из России с любовью» об агенте МИ-6 Джеймсе Бонде.

Видел бы этот Антонио Отто сейчас!

— Бог свидетель, впервые встречаю агента по продаже химических средств с таким глубоким интересом к ядерной физике, — усмехнулся джентльмен. — Сомневаюсь, что фирма чистящих химикатов обрадуется, узнав о расширении своего бизнеса в новые области таблицы Менделеева.

— Менделеефф — это какой-то русский? — поморщился Отто, вспоминая когда-то слышанную фамилию. — Наша фирма никогда не сотрудничала с русскими. Их рынок наглухо закрыт для немцев после войны.

— Занимаясь химчисткой, вы не знаете, кто такой Менделеев? — удивился джентльмен.

— Зачем мне знать фамилии людей, не связанных с моим бизнесом?

— Список стран, посещенных вами за последнее время, наводит на размышления. Иран, Израиль, Египет, Иордания, Кувейт, Ливан. Причем арабские страны и Израиль вы посещаете по разным паспортам. — Он показал отпечатанный на машинке лист бумаги. — Получается, что вы узкий специалист по горячим точкам.

— Вы не можете не знать, что у всех коммерсантов по два паспорта: один — для арабов, другой — для евреев. Любого коммерсанта интересует его собственный бизнес, а не бесконечный конфликт между арабами и евреями, ставший их главной религией, — ответил Отто. — Чем горячее точка, тем она слаще для коммерсанта. Чем выше риск, тем жирнее вознаграждение. Нефтяные и кровавые пятна трудно выводить без наших химикатов!

— Я бы не шутил в вашем положении, — покачал головой джентльмен. — В списке посещенных вами стран также Португалия — во время фашистской чумы; Алжир — во время переворота; Тайвань — непризнанный Китаем.

— Люди хотят ходить в чистой одежде при любом режиме и во время любых переворотов, — ответил Отто.

— Список посещенных вами стран — это маршрут военного корреспондента Би-би-си, а не торговца химикатами. И мы с вами понимаем это одинаково отчетливо. Правила игры таковы, что раз уж вы попались, в ваших интересах говорить правду.

— Если б вы видели, как меня били несколько дней подряд, вы бы поняли, что после этого человек говорит правду, только правду и ничего, кроме правды! — Отто бросил выразительный взгляд на Глоя, тот не выдержал взгляда и отвернулся к окну.

— Поверьте, я отношусь к вам с сочувствием и симпатией. — Джентльмен красноречиво приложил руку к сердцу. — Я видел среди изъятых у вас вещей альбомы с марками. И кое-что в этом понимаю с тех пор, как отец привез мне целый конверт марок из Индии, где служил долгие годы…

— Ну, раз вы тоже филателист, то признаюсь, лучшую часть своей коллекции я за бесценок приобрел именно в горячих точках, где люди не знают цены маркам, — сказал Отто и кивнул на Глоя. — И напрасно вы разговариваете со мной, как они.

— Кто они?

— Но я же понимаю, что вы не имеете отношения к полиции и разведке ЮАР. А здесь… в этой тюрьме… — Отто поднял глаза на портрет Гитлера, — реальный концентрационный лагерь. И это говорю вам я — немец! В конце концов, ведь вы, англичане, исключили ЮАР из Британского содружества! Зачем вы приехали сотрудничать с их разведкой?

Отто понимал, что в данном контексте Глоя уже не интересует его мнение о сегрегации.

— У вас хороший английский, — ушел от ответа джентльмен.

— Плохой… у меня хороший французский и сносный итальянский, — признался Отто. — Нет лучшего способа выучить язык, чем торговля.

— Господин Шмидт, или как вас там… Вы мало похожи на фаталиста. Напротив, вы гедонист — любитель кутежей, хорошего вина, изысканных женщин, дорогих предметов искусства, уникальных марок. — Джентльмен поднял седую бровь. — Вы правильно поняли, что здесь другие правила. Но вы не поняли, что если не начнете говорить, то они не будут с вами церемониться!

— А сейчас, по-вашему, со мной церемонятся? — спросил Отто, ему не надо было поднимать рукава и задирать штанины для демонстрации синяков, лицо было щедро раскрашено побоями, хотя охрана старалась работать, не оставляя синяков. — Я не видел себя в зеркале, и у вас больше информации о том, как я выгляжу. Вы так и не ответили, почему сотрудничаете с ними, если прервали дипломатические отношения?

— Вы арестованы по статье «Терроризм», а террористы сегодня стирают границы. Сотрудничество против них необходимо, — словно оправдываясь, мягко ответил джентльмен. — Если вы думаете, что в Мекке в ноябре с

террористами расправились спецслужбы Саудовской Аравии, то вы ошибаетесь! Они ничего не сделали бы без ГИГН.

— Что такое ГИГН? — машинально спросил Отто, хотя эта информация вряд ли помогла бы его освобождению.

— Ну, я еще готов поверить, что вы не знаете, кто такой Менделеев, но ни за что не поверю, что вы не знаете, что такое ГИГН, — укоризненно покачал головой джентльмен. — ГИГН — это антитеррористическое подразделение Французской жандармерии.

— О Франции мне интересны совсем другие вещи…

— Например, какие? — лукаво поинтересовался джентльмен.

— Ну, например, что около шестисот лет до нашей эры финикийцы передали секрет мыловарения на юг Франции. Или что Франция стала родиной «сухой» чистки одежды после того, как парижский красильщик Жан-Батист Жоли уронил на скатерть керосиновую лампу и увидел, что после этого с нее исчезли жирные пятна, — заученно повторил Отто. — Я рассказываю покупателям историю чистки одежды.

— Так вот, представляете, аравийское правительство не давало ГИГН подавить теракт до тех пор, пока местный духовный авторитет не вынес специальную фетву, разрешающую применять силу для освобождения заложников. — Джентльмен сделал вид, что не услышал слов Отто. — Ведь ислам запрещает насилие в мечети. Так что перед лицом общей угрозы государства учатся закрывать глаза на различия внутренних правил жизни.

— Мы, немцы, всегда преклонялись перед англичанами за их принципиальность, за их достижения в политической жизни. А вы допрашиваете меня под портретом Гитлера, словно с ним не воевал Черчилль, — упрекнул Отто.

— Да разве я вас допрашиваю? Разве так допрашивают? Мы с вами просто беседуем, как два приятных друг другу собеседника, — ушел от упрека англичанин.

— Но после беседы вы отправитесь обедать в клуб, а я — в пыточную. И это права и свободы человека, которые обещала защищать Великобритания во всем мире? — Отто смотрел ему в глаза из-под набухших от синяков век.

— Но Британское королевство не заключало договора о том, что будет защищать вас в южноафриканской тюрьме, когда вы попадетесь по статье о терроризме!

После этого допроса Отто отволокли в камеру и вернули на несколько дней в прежний режим: завтрак, кабинет Глоя, избиение, ведро воды, крик из динамика и сержант с охранниками каждый час.

В ожидании очередного допроса Отто стоял в кабинете Глоя со снятыми наручниками и кандалами, когда в кабинет вместе с хозяином вошли трое мужчин, недомолвками выяснявших отношения на английском. По выговору Отто понял, что они немцы.

Однако, наткнувшись глазами на портрет Гитлера, с подробно выписанными усиками, гости умолкли и переглянулись.

— Прошу. — Глой сделал вид, что не заметил недоумения, показал на приготовленные стулья и встал у окна.

Двое сели рядом за его стол, а третий сбоку.

Сидящий сбоку откашлялся, предложил Отто сесть на стул и представился консулом.

— Почему вы еще не решили вопрос о моем незаконном аресте? — спросил Отто, пытаясь добавить в голос металла, сил на который не было.

— Видите ли, господин Шмидт, — замямлил консул. — Вы арестованы на территории ЮАР по такой суровой статье, что здешние законы не позволяют мне защищать вас.

— За каким чертом Германии консулы, которые не защищают своих граждан? — наступал Отто.

— Перейдем к допросу, — перебил один из мужчин за столом. — Господин Отто Шмидт, сколько лет вы прожили в Алжире?

— Около двадцати.

— Вы познакомились с покойной женой в Алжире?

— Да.

— Почему вы вернулись в Германию?

— Когда жена забеременела, ей стало тяжело переносить местный климат. Она ведь немка, хотя и долго жила в Африке. Сначала я один приехал в Штутгарт искать работу по специальности технического чертежника. Но не нашел и согласился работать чернорабочим в химчистке гостиницы «Хилтон». Мне обещали платить, как квалифицированному рабочему, и перевести в этот статус, если буду добросовестно трудиться. Я таскал тюки с грязной одеждой, чтобы содержать семью. Быстро стал руководителем подразделения и вызвал супругу к себе.

— Почему вы заключили брак только в Германии, а не сделали этого в Алжире?

— Ну ведь это так понятно! Мы хотели, чтобы все было как у наших родителей до войны.

— Из материалов дела видно, что вы не рассказали Тиане Крамер, что у вас дети-погодки. Почему вы скрыли это?

— Не хотел травмировать бездетную женщину.

— Где сейчас ваши дети?

— По вашему выговору и манере вести беседу, я понял, что вы из Bundesnachrichtendienst. Значит, вы лучше знаете ответ на этот вопрос.

— Откуда бы мы ни были, вы должны ответить на вопрос.

— В полиции Германии открыто уголовное дело о похищении моих детей, оно передано в Интерпол.

— У вас есть подозрения о том, кто мог это сделать?

— У меня нет подозрений, у меня есть совершенно точная уверенность, что это сделала теща, считающая меня виновником смерти жены. Сотрудники пансионата дали полицейским показания, что детей забрала бабушка. Последняя информация, пришедшая мне в Рим, была о том, что, возможно, она увезла их в Австралию.

— И это главная причина, по которой вы все время ездите по чужим странам?

— Если бы вы не задали вопроса о детях, я бы ответил, что этого требует мой бизнес. Но раз вы все знаете, надо ли объяснять, насколько трудно жить на родине, где умерла твоя жена, откуда украли твоих детей?

— Вы можете назвать точный возраст детей?

— Конечно. У них всего одиннадцать месяцев разницы. Сын родился в январе 1965 года, а дочка — в декабре 1965 года. Но уже в Мюнхене, а не в Штутгарте. Мне предложили в Мюнхене более престижную работу в той же системе, в химчистке гостиницы «Хилтон».

— Как вы оказались в Бельгии?

— Фирма перевела меня работать в бельгийское отделение наших прачечных. А жене предложили работу преподавателя в школе для детей сотрудников НАТО. У нас было две большие зарплаты, и мы сняли отличную квартиру недалеко от Гранд-плас.

— Сколько лет было детям, когда их похитили?

— Сыну было пять лет, дочке — четыре года.

— Как вам удалось превратиться из чернорабочего в представителя компании?

— Вы же знаете, мы, немцы, плохо относимся к случайностям. А это главное качество в работе химчистки. Клиенту не важно, что у вас не получилось вывести пятно или сломалась машина, ему важно получить чистый костюм вовремя. Я, например, не понимаю, как восточные немцы ездят на «трабантах». Это какой-то вечно ломающийся миксер на колесиках. Но многие считают это машиной… Так и с химчисткой, основное правило работы которой — надежность.

— Полагаете, этого было достаточно?

— Конечно, нет. Плюс к этому у меня установились хорошие связи с фирмами, выпускавшими материалы для химчисток, — химикаты, машины. После двадцати лет жизни в Алжире мой французский был свободным. Чтобы иметь выгодные командировки, я стал учить английский. Итальянский пришлось выучить потому, что штаб-квартира компании была в Риме. Но я полюбил его, хотя мне предложили стать представителем во всех странах мира, кроме самой Италии.

— Зачем в таком случае вы учили итальянский?

— После французского выучить его было легко.

— Вас направляли в Африку только потому, что вы знали иностранные языки?

— Меня направляли в Африку потому, что европейцы боятся быть съеденными львами или аборигенами. А меня после Алжира довольно трудно напугать.

— Почему вы не говорили всего этого сотрудникам разведки ЮАР?

— Как можно разговаривать с людьми, которые вас постоянно пытают? — спросил Отто, глядя в глаза допрашивающему.

Когда Отто увели, полковник Глой начал ходить по собственному кабинету из угла в угол. Консул сидел, опустив глаза в пол.

Человек, который вел допрос, с раздражением сказал Глою:

— Вы можете иметь любое мнение, но этот человек — гражданин Германии Отто Шмидт. В его деле есть фотографии с женой, с детьми. Все, что он говорит о своей работе в химчистках, совпадает с нашей информацией.

— И вас не настораживает история со смертью жены и похищением детей?

— Меня все настораживает, но у меня нет ни одного документа, на основании которого его можно обвинять в терроризме. Поэтому я работаю в германской разведке, а не в вашей! — отчеканил немец.

— Но ведь именно ваша БНД сделала так, чтобы его арестовали мы, потому что со своими вшивыми свободами и орущими правозащитниками вы не могли бы пытать его у себя! — ухмыльнулся Глой. — Вы могли взять его на Тайване, или после Тайваня в Лиссабоне, или в Мадриде, или в Осло!

— На каком языке он разговаривал с представителем британской разведки? — увел тему в сторону немец.

— На великолепном английском, — поднял вверх палец Глой.

— Господин полковник, как представитель Ведомства по охране конституции ФРГ, я вынужден заявить протест по поводу

применения пыток к гражданину нашей страны, — осторожно встрял прежде молчавший гость, и консул активно закивал в его поддержку.

— Вы хотите получить от него информацию нашими руками и не запачкать перчаток? — снова ухмыльнулся Глой. — Я даю вам неделю для его допросов и посмотрю, с каким результатом вы уедете отсюда без пыток!

— Мы уедем отсюда с прекрасным результатом. Всю неделю мои сотрудники не тронут его пальцем и будут допрашивать круглосуточно, — ответил сотрудник БНД. — Но только не в этом кабинете. Я — немец, и мне здесь неуютно. — И кивнул на портрет Гитлера.

— Не волнуйтесь, в нашем учреждении достаточно кабинетов. Найдем на любой вкус, — пообещал Глой.

И немцы круглосуточно допрашивали Отто ровно неделю, но он уже не понимал, как устроено время. Все плыло у него перед глазами, он то переставал видеть, то переставал слышать, то переставал чувствовать тело, то забывал собственное имя. И даже иногда разговаривал про себя с призраком Чаки, являвшимся поддержать его.

Глава двадцатая
ДОПРОС ИТАЛЬЯНЦАМИ И ФРАНЦУЗАМИ

Потом его ненадолго оставили в покое, если полуголодное существование и постоянные крики в камере можно назвать покоем. Но Отто так измотался, что уже почти не слышал криков и не чувствовал голода.

Сильно мешало, что с него теперь сваливались тюремные штаны, и когда водили на допросы, поддерживать их руками в наручниках было трудно.

Люди, которые приехали допрашивать Отто в очередной раз, оказались итальянцами. Это было видно за версту. После дистиллированного англичанина и едущих на допросе катком немцев они вели себя как парни, зашедшие выпить с Отто молодого вина.

Один был постарше, другой помладше. Видимо, подчиненный. Вся его активность исчерпывалась киванием и поддакиванием.

— Господин Отто Шмидт, как часто вы бываете в Италии?

— Часто. Там штаб-квартира фирмы, в которой я работаю, — ответил Отто на прекрасном итальянском.

— Вам нравится жить в Италии?

— Да, нравится.

— И вы интересуетесь ее историей?

— Немного…

— И вы можете отличить гимн Италии от другой музыки?

— Смотря какой.

Итальянцы с изумлением уставились на Отто.

— Возможно, вы имеете в виду гимн, известный под названием «Братья Италии», а возможно, отрывок из оперы Верди «Набуко»… который теперь исполняется в качестве гимна.

Итальянцы многозначительно переглянулись, а Глой снова повернулся к окну. Это было его любимой позой на допросах Отто, проводимых не им. И Отто все время пытался представить, что полковник видит в это окно. Ведь сам он уже давно не видел ничего, кроме стен камер, тюремных коридоров, этого кабинета и пыточных комнат в подвале.

— Вы обучались искусствоведению в Риме и Камерино для души или планировали работать в этой области?

— Не знаю, как ответить на этот вопрос… Если б не война, я

бы учился этому вовремя в Германии, мой отец владел маленькой галереей, а я — только коллекцией марок. Кстати, меня, как коллекционера, всегда потрясало, что в Италии нельзя использовать марки Ватикана, и наоборот!

— Вы же понимаете! Ватикан делает вид, что он больше всей Италии! — возмущенно согласился итальянец. — Извините, давайте к делу. Вы не делали попыток учиться искусствам раньше?

— Я имею профессию технического чертежника. Потому что учиться живописи было бы для меня в юности большим риском, ведь художники голодают. А у меня погибли родители, и не было никаких тылов. Но, вернувшись из Алжира, я так и не нашел в Германии работы чертежника. Зато институт Данте Алигьери научил меня видеть богатство итальянской архитектуры, — сказал Отто с такой интонацией, словно они сидели в смокингах на светском рауте, и поправил тюремную рубаху.

— Вы объехали всю Италию?

— Почти. После лекций хотелось увидеть места, которые нам показывали на слайдах. Я посетил почти все памятники Раннего итальянского Возрождения, Позднего итальянского Возрождения, барокко, рококо, ампира… У меня целая коллекция фотографий жемчужин итальянской архитектуры. Конечно, мы изучали и современную живопись — от импрессионистов до экспрессионистов, но это меня меньше интересовало. Я — консерватор…

— Вы понимаете, за что вам предъявлены обвинения в терроризме?

— Мне не предъявлены обвинения в терроризме. Меня шантажируют этими обвинениями и при этом не могут предъявить доказательств.

Итальянцы синхронно обернулись к Глою, но тот уставился в окно, словно не слушал чужой беседы. И слов но вовсе не планировал потом внимательно прослушивать с переводчиком ее магнитофонную запись.

— Но вы должны хотя бы догадываться, за что оказались здесь!

— Трудно не догадаться, когда вас ежедневно пытают, — усмехнулся Отто, и итальянцы снова свернули шеи в сторону невозмутимого Глоя. — Судя по тому, о чем меня спрашивают, здесь пропал без вести сумасшедший, с женой которого у меня был роман. Им дали приказ добиться от кого-то признаний, и они ткнули пальцем в меня.

— Но почему именно в вас?

— А в кого еще, если у нее больше не было романов после

исчезновения мужа? А они, — Отто кивнул на Глоя, — рассчитывают выбить из меня какие-нибудь показания. И я бы уже давно с удовольствием признался во всем, что им нужно, лишь бы меня оставили в покое, но просто не знаю, какую роль мне написали в чужом сценарии.

Пожилой итальянец покачал головой, и молодой услужливо подхватил этот жест. Допрос крутился вокруг итальянских памятников.

Было видно, что у итальянцев нет особого интереса к Отто и они приехали ради галочки. Тем более что Италия была настроена проамерикански и сотрудники ее разведки СИСМИ смотрели на юаровских соколов, как на извергов и людоедов.

Когда Отто увели, пожилой напомнил Глою, что Италия — одна из первых стран Европы, подвергшаяся в семидесятые атакам террористов. И если кто умеет работать с террористами, то именно итальянцы. Потому что имеют ежедневный тренинг в борьбе с мафией.

И что после мюнхенского теракта в Италии создано полицейское спецподразделение NOCS, в состав которого входят Карабинерский отряд по борьбе с терроризмом, боевые пловцы «TESEO TESEI», парашютно-десантный полк «COL MOSCHIN» и спецотряд, отвечающий за безопасность ядерных объектов. И уж если во всех этих структурах на Отто, проживающего в Италии, нет ничего, то юаровской разведке не стоит радоваться тому, что добропорядочный коммерсант оговорит себя в результате пыток. И напоследок, не удержавшись, добавил про портрет Гитлера.

Вслед за немцами допрашивать Отто приехали французы. И началось все то же самое, только французов интересовала его жизнь не во Франции, а в Алжире. И Отто подробно рассказывал на хорошем французском, как дальняя тетка увезла его в Алжир сразу после окончания войны.

Ему было одиннадцать, и Алжир потряс его воображение. Отто словно попал в сказку, где старый город напоминал декорации в театре, люди были одеты не так, как в Германии, еда казалась неожиданной, а отношения непривычными. Там, где старик в Германии сделал бы подростку замечание, в Алжире старик гладил его по голове и рассказывал что-то наподобие притчи.

Конечно, было не безоблачно. Они поселились в лачуге, по его прежним немецким представлениям. Тетка устроилась работать на производство продовольствия для Германии. У тетки, как и у Отто, никого не осталось после войны, а в Алжир ее вытянула подружка детства.

Тетка болела, у нее опухали ноги, и она с трудом справлялась с нагрузкой. Отто ходил в школу для детей эмигрантов и подрабатывал, подтаскивая на базаре фрукты и овощи. Главное, что они были сыты и с неба не сыпались бомбы.

Отто влюбился в море, фантастически синее небо, пустыню, верблюдов, белую колоннаду набережной Касьбы, сказочные фонтаны, резкий спуск к порту, площадь Мучеников, узкие переулки старого города, перевозящих по ним поклажу осликов.

Влюбился в странное, съехавшееся со всего мира население этого перекрестка арабского мира: в смуглых, черных, белых, желтых. В ткущих ковры, делающих бусы, продающих еду, лепящих глиняные горшки, жарящих на углях баранину, ловящих креветок…

Рассказывал и про войну за независимость, которая, к счастью, их не задела. Про то, как умерла тетка, и он остался совсем один, пока не встретил будущую жену, тоже немку, семья которой уехала в Алжир из Германии перед войной.

Но французов интересовало не это. Они все время вежливо подводили вопросы к строительству Францией на алжирской земле полигона для ядерных испытаний, к проведенным в 1960 году атмосферным ядерным испытаниям возле города Регган в провинции Адрар.

Отто прекрасно знал о том, что они взорвали там ядерный заряд в шесть раз больший, чем американцы в Хиросиме, и в три с половиной раза больший, чем в Нагасаки. А потом устроили еще шестнадцать подобных взрывов. И что огромное количество людей до сих пор умирало из-за этого на юго-западе Алжира.

Но он понимал, что в его положении не стоит обсуждать с французами аморальность их ядерных испытаний в колонии. В том числе и те, которые после освобождения Алжира они перенесли во Французскую Полинезию. И произвели больше двух сотен взрывов, уничтоживших все живое на берегу и изуродовавших сотни людей.

И потому, будучи европейцем, он торжествовал вместе с алжирцами, когда была объявлена независимость, а президентом был выбран Ахмед Бен Белла.

Отто тогда работал техническим чертежником. Все инженеры и архитекторы в Алжире были швейцарцами, говорившими по-английски, по-немецки, по-французски и по-итальянски. А большинство местных арабов говорили только по-французски. И когда Бен Белла решил переименовать улицы и написать их названия арабской вязью, местные жители не смогли их прочитать…

Глава двадцать первая ФОТОГРАФИИ

Через несколько дней после того, как Отто допрашивали французы, его привели в кабинет Глоя, где за столом сидел генерал Бродерик с каменным лицом, а глаза Глоя, стоявшего за его спиной, победно сияли.

— Вы думаете, что если ничего не сказали английской, германской, итальянской и французской разведкам, то ничего не скажете и нам? — усталым голосом спросил Бродерик.

— Я рассказал уже все, что мог, господин полковник, а мне по-прежнему не дают нормально спать, нормально есть и нормально курить, — не менее усталым голосом ответил Отто.

У него было больше оснований для усталости, чем у Бродерика.

— По-настоящему вас еще никто не пытал. Вижу, вы совсем не дорожите своим здоровьем! Посмотрите, на кого вы похожи! И подумайте, сколько протянете? — напомнил Бродерик почти с жалостью.

— Думаю, что протяну не долго, и потому снова требую вызвать консула Германии, — вздохнул Отто.

Он давно не видел свое лицо в зеркале, но понимал, что выглядит так же, как и чувствует себя. Руки и ноги похудели настолько, что болтались в наручниках и кандалах, когда его водили из камеры на допрос и в пыточную.

Бродерик открыл папку и положил перед Отто фотографию его покойной жены:

— Посмотрите, вам знакома эта женщина?

— Нет, не знакома, — ответил Отто ровным голосом, хотя внутри у него все сжалось.

Это фото он делал сам, когда дети были маленькими. Он очень любил это фото, жена смеялась на нем, чуть прищурив глаза, и отводила рукой волосы с виска… Но как оно попало сюда?

Бродерик усмехнулся, убрал фото жены, точно так же положил перед Отто его фотографию в молодости в знакомом костюме, на знакомом фоне и деланно усталым голосом спросил:

— Может быть, вы не знаете и этого мужчину?

Отто посмотрел на фотографию и мгновенно, так что Бродерик не успел среагировать, перевернул ее. На обороте фото была подпись «A. M. Kozlov». Бродерик хотел опередить его, но не успел и заорал:

— Полковник Глой, почему арестованный не в наручниках?

— Но вы сами приказали… — развел руками Глой.

— Вы идиот, Глой! — еще громче заорал Бродерик и треснул кулаком по столу так, как, видимо, хотел бы треснуть по физиономии Отто или Глоя.

После этого вскочил, прошелся по кабинету, приблизился к Отто, наклонился и с ненавистью заглянул в глаза:

— Ну, что вы скажете теперь? Молчать дальше нет смысла!

— Согласен, — кивнул Отто. — Я — советский офицер, советский разведчик Алексей Козлов. Это вы как-то узнали, но больше не узнаете ничего, что бы вы со мной ни делали.

И превратился в Алексея Козлова, о чем долгие годы не давал себе права даже подумать.

— Вы нас недооцениваете, господин Козлов! Для нас это дело чести! — Бродерик посмотрел на него, как альпинист на вершину, которую решил покорить, чего бы ему это ни стоило, и закричал: — Охрана! Увести!

Было понятно, что они с Глоем безумно обрадовались, но при этом растерялись так сильно, что не понимали, как допрашивать дальше.

Алексей семенил по коридору, гремя кандалами, получая тычки от охранников, и думал, что теперь будет полегче. Он по крайней мере сможет быть самим собой… если еще не забыл, как это делается.

Стать самим собой в подобной ситуации было важно потому, что из всех инструментов восстановления у него оставалась только память. Готовя в нелегалы, его учили многому, в том числе и тому, что лучшей психотерапией является восстановление в памяти эпизодов собственной биографии и выстраивания их по порядку.

Но откуда у Бродерика и Глоя его фотография в молодости? Откуда известно, что он Алексей Козлов? Ведь у него не было ни одного прокола!

Он детально помнит, как приехал в Камерино, как пил мятный ликер и болтал с неграмотным Антонио, влюбленным в «русскую Татьяну» из кинофильма «Из России с любовью».

Как дошел до развалин церкви, сфотографировал их, пошел внутрь, присел на груду кирпичей, вытряхнул из ботинка камешек, протянул руку вниз, ощутил шероховатость камня и гладкость маленького контейнера с шифровкой. Поставить камеру, способную зафиксировать его руку, тянущуюся под кирпичи, нереально.

Тогда, выйдя из церкви, он обошел церковный двор сзади, достал из кармана кусочек мела и сделал внизу стены метку,

после чего выбросил мел. Этого тоже не мог видеть никто, вокруг не было ни души, а метка не выделялась среди трещин стены.

Шифровку он уничтожил по инструкции. Задание предполагало поиск иголки в стоге сена. И он решил начать с Малави, потому что в Блантайре все белые были сконцентрированы в одном месте, и пропускать их через фильтр беседы было проще, чем в ЮАР.

Тиана оказалась седьмой, отреагировавшей на наживку разговора о ядерном оружии. То, что она была женщиной, облегчало задачу — Алексей умел влюбить в себя женщину. Но то, что она была вдовой после катастрофы, усложняло задачу, потому что Алексей не знал, что делать после того, как влюбил ее в себя.

По типу Тиана была хрупкой и трогательной, а ему нравились более витальные женщины. Алексея раздражало, что, пройдя через горнило западной феминисткой революции, она вернулась на родину кисейной барышней.

Наверное, из-за сходства имен невольно сравнивал ее с покойной женой Татьяной, фотография которой загадочным образом оказалась у разведки ЮАР. Татьяна, конечно, была профессионально подготовленной разведчицей-нелегалкой, но и до подготовки она была иной по сути. Не просто «коня на скаку остановит», а человеком, отвечающим за свою судьбу и судьбу близких до последнего вздоха, не домашней курицей, вешающейся на мужчину вместе со своими проблемами. Кроме того, Тиана была отвратительной расисткой, а Алексей ненавидел расистов.

Итак, знакомство с Тианой, ее дернувшееся лицо посреди беседы о ядерной бомбе задолго до дня, когда в клуб ворвались повстанцы. Потом Алексей, точнее, Отто, швырнул ее за барную стойку и закрыл собственным телом.

Приковать ее внимание к себе между первым и вторым было делом техники, тем более что Тиана выглядела, как женщина «на охоте», и реагировала на любой восхищенный взгляд. Такие женщины теряют голову после двух букетов и двух часов выслушивания их болтовни с сочувствующим лицом.

Алкоголик Уго? Но он никак не мог распознать в Отто разведчика и настолько навязчиво хвастался ратными подвигами, что мог быть кем угодно, кроме осведомителя. Да и денежная работа у Отто была нужна ему позарез.

Старый Джон? Ни в коем случае. Джон полюбил Отто, как сына, и был в ужасе от его ареста. Дружба с Джоном началась после того, как в рассуждениях о филателии тот намекнул, что в прошлом был связан с секретными службами.

Фотография мужа Тианы, наблюдающего вместе с коллегой ядерный гриб, согнутая пополам. Почему ее оставили при обыске? Элементарно: обыскивающим было не по чину знать, что именно они ищут, им велели забрать подозрительные бумаги и документы. А кому придет в голову, что человек повесит главный секретный документ на стене в гостиной?

И нет в этом никакого сумасшествия, ведь ядерные испытания в Пелиндабе стали звездными часами Гидона Крамера, и с его стороны было совершенно естественно вывесить фотографию с них напротив «Расщепления атома» Сальвадора Дали, чтобы утереть сюрреалисту нос.

В тот вечер, когда Тиана встретила Отто в распахнутом халате, а походу на джазовый концерт помешал приступ головной боли, пришлось дать ей две таблетки снотворного, чтобы, вернувшись с букетом, переснять фото со стены. А заодно и все фотки Гидона со дня рождения в семейном альбоме.

Отто знал свойства этого снотворного препарата — двумя таблетками можно было повалить спать слона. Тиана не могла ничего видеть и слышать, а камер в доме не было, Отто проверил.

Потом Джон обмолвился, что коллеги его старого друга ловили насекомых и птиц на юге Африки в зоне высокой радиации и исследовали их реакцию на радиацию. Отто зацепился за то, что у друга крокодилья ферма, что никогда не ел мясо крокодила, и уговорил наведаться к старому другу.

Но военный врач Уинстон оказался крепким орешком и не стал разглагольствовать на опасные темы с первым встречным-поперечным. Так что ловили и жарили крокодила совершенно напрасно.

Самый серьезный прокол — поездка к колдуну. Отто не предполагал, что тот так просто выведет его на чистую воду. Но вряд ли этот Вуусани сотрудничал со спецслужбами, он жил в параллельном им мире.

Нелепая гибель Уго тем более не могла быть связанной с Отто. Никто в этой свалке не видел, что из бумажника военного пилота исчезли фотографии, на которых Уго Ластман позировал на фоне ядерного гриба, улыбаясь, как на американской рекламе зубной пасты.

Когда Отто вылетал в Неаполь, хвоста за ним не было. В Камерино тоже, там настолько малолюдно, что виден каждый. Он спокойно положил контейнер с материалами под груду кирпичей и сделал пометку на стене церкви. Слежки к тайнику тоже не было.

Неожиданный отъезд в Камерино и возвращение? Но это естественно в его бизнесе, когда надо согласовывать решения с

руководством. А на юге Африки он единственный качественно укрепленный советский нелегал, и у него нет ни одного тайника ближе Камерино.

В каком же месте он мог ошибиться? Кто же его смог раскусить?

И Алексей снова и снова складывал из фрагментов пазл своей кропотливой работы по сбору информации о тайных ядерных испытаниях ЮАР. И снова не находил в этом пазле ни одного прокола.

Глава двадцать вторая
ДОПРОС ИЗРАИЛЬСКОЙ РАЗВЕДКОЙ

К следующему допросу Отто Шмидта, а теперь уже Алексея Козлова, генерал Бродерик и полковник Глой готовились особенно тщательно. Допрашивать заключенного приехал представитель МОССАДа.

Бродерик приехал поддержать Глоя, хоть и не собирался присутствовать на допросе — сотруднику МОССАДа патронаж генерала контрразведки ЮАР был не по чину. Бродерик сел в кресло Глоя, закурил сигару и самодовольно заметил:

— Несмотря на весь ваш идиотизм, полковник, мы почти у цели!

— Господин генерал, я думаю… все-таки это человек из израильской разведки… — осторожно не то сообщил, не то спросил Глой.

— И что? — удивился Бродерик.

— Если он увидит портрет Гитлера… Помните, какую истерику устроил, увидев портрет Гитлера в моем кабинете, этот физик… Гидон Крамер?

— Так снимите его на время допроса, — предложил Бродерик, — зачем нам очередной припадочный? В конце концов, евреи имеют право не любить Гитлера!

— Я думал об этом. С одной стороны, это мой кабинет, и иностранец не должен указывать, кто здесь должен висеть. С другой — под портретом кусок выгоревшей стены. Как-то несолидно. — Глой сам не понимал, чего хочет, и намекал на то, чтобы начальник принимал решение за него.

— Повесьте любую картинку. Пошлите в лавку для туристов, пусть привезут первую попавшуюся, — добродушно посоветовал Бродерик.

— А может быть, временно повесить вместо Гитлера Кальтенбруннера?

— Какая для еврея разница — Гитлер или Кальтенбруннер?

— На портрете Кальтенбруннера не видно формы, еврей не догадается, кто это! — заговорщически подмигнул Глой.

— Вешайте Кальтенбруннера! — кивнул Бродерик. — Только поймите, этот допрос — самый важный, ведь еврей будет говорить с ним по-русски. А вы не знаете русского.

— Вы думаете, самый важный?

— Этот Козлов вполне может быть агентом МОССАДа и передать в разговоре нужную информацию. Так что глядите в оба!

— Слушаюсь, господин генерал, — щелкнул каблуками Глой, хотя было совершенно не понятно, как он будет «смотреть в оба» на незнакомом языке.

Штатного русского переводчика в распоряжении контрразведки не было, прежде они никогда не арестовывали русских. А искать русскоговорящего, бояться, что он услышит секретную информацию, а потом немедленно ликвидировать его, было хлопотно.

— Господин генерал, сколько еще разведок будет его допрашивать? — осторожно спросил Глой.

— В наших интересах показать Козлова тем, чьи визы есть в его паспорте, — вздохнул Бродерик и напомнил: — А что еще, по-вашему, мы можем делать, если вы не в силах выбить из него ни слова?

Когда Алексея привели на очередной допрос, он почувствовал, что в кабинете что-то изменилось. После бессонницы, побоев и голода он плохо видел — предметы расплывались. И не сразу понял, что вместо портрета Гитлера над столом висит изображение Эрнста Кальтенбруннера, легко узнаваемого по впавшему рту и рубцу на левой щеке.

Портрет был тщательно и без изысков выписан салонным художником. Без формы Кальтенбруннер смотрелся по-домашнему, как дальний деревенский родственник Глоя.

За столом вместо привычных двух представителей иностранной разведки сидел один взъерошенный человек. Несмотря на ухудшившееся зрение, Алексей отметил, что в отличие от предыдущих элегантных денди из европейских разведок одежда этого человека выглядела не просто небрежной, но даже неопрятной.

Глой, как обычно, стоял у окна, чтобы видеть все нюансы происходящего, а у двери дежурил охранник.

— Привет, Козлов! Как поживаешь? Я — Гертц Георг из БНД, — весело сказал человек из-за стола по-немецки.

Алексей усмехнулся и промолчал в ответ.

— Что молчишь? Оглох? — хамовато спросил человек из-за стола.

— Люди из БНД не разговаривают по-немецки с одесским акцентом, — ответил Алексей. — Так разговаривают только одесситы из МОССАДа. Лучше сразу переходите на русский.

— Шо ты уже решил этим сказать? Шо ты самый умный? — весело откликнулся человек «на одесском» русском. — Таки мы сейчас уже без второго слова посмотрим, кто тут самый умный! Ну, предположим, я из Тель-Авива… И шо?

— Из Тель-Авива с бульвара царя Шауля, — уточнил Алексей, назвав адрес центрального офиса МОССАДа.

— Смекаешь, Алеша! Ну раз ты все так шикарно знаешь про меня, то давай уже наконец рассказывай про себя!

После вежливого англичанина, жестких немцев, развеселых итальянцев и нудных французов он переигрывал, работая под фраера с Привоза. Алексей окрестил его про себя Жорой.

— А ну уже встань, Алеша! Шибче! — скомандовал Жора.

Козлов встал, а Глой напрягся, не понимая ни одного слова.

— Сделай руки в стороны, вот так, как я!

Козлов развел руки в стороны.

— Знаешь анекдот: пришел уже Христос в Одессу, идет по Дерибасовской, а его никто не узнает, ни одна сука. Ну, ему уже обидно, он же Христос! Подходит к старому Изе, шо сидит на углу на лавочке и много лет читает одну и ту же газету, и говорит: «Старый Изя, и вы меня шо, уже тоже не узнаете?» А старый Изя поправил очки и говорит: «Шо-то знакомое! Молодой человек, а ну-ка, разведите руки в стороны! О, таки я вас узнал!..»

И Жора зашелся таким лошадиным ржанием, что Глой посмотрел на него, как на умалишенного, а Козлов улыбнулся.

— А теперь уже посмотри, где твои портки? — показал Жора пальцем на живот Алексея. — Ты уже видишь наконец по своим бебехам, шо уже стал вполовину самого себя?

— Я могу сесть? — спросил Алексей.

— Конечно, уже садись. И давай ты уже сразу услышишь, шо я пришел вытащить тебя отсюда, потому шо знаю все ходы и выходы с просторов знойной Калахари! И тебе пора чесать отсюда, потому шо ты уже долго не протянешь на вонючих тюремных дордочках!

— Вытащи, — сдержанно ответил Алексей.

— Считай, шо у тебя уже блат в МОССАДе, я даже принес тебе гостинчик, — подмигнул Жора и обратился к Глою по-английски: — Прикажите принести, что я привез для заключенного.

Глой кивнул охраннику. Тот вышел и вскоре вернулся с пластмассовым подносом, на котором стояли открытая консервная банка с разделанной селедкой, миска холодной вареной картошки и лежали очищенная луковица и нарезанный бородинский хлеб.

Глой брезгливо поморщился запаху незнакомой еды, а Алексей сглотнул слюну.

Жора подвинул к нему поднос и заботливо сказал:

— Вижу, Алеша, шо эти гицели совсем уже тебя не кормят! Кушай, угощайся!

Алексей осторожно взял с подноса кусок черного хлеба, понюхал его, торопливо запихнул в рот и закрыл глаза от блаженства:

— Это же бородинский?

— А ты думал, шо солидные люди в МОССАДе делают себе по утрам уже бутерброд с мацой? А шобы да, так нет!

Алексей быстро откусил от луковицы, заел картошкой, достал тюремной алюминиевой ложкой кусок селедки. Ел торопясь, понимая, что сейчас отнимут. А Глой с трудом скрывал отвращение к этому шоу, запаху лука, селедки и непонятному языку.

— Ну, теперь ты уже понял, Алеша, шо я твой друг? Давай бекицер и по делу, пока этот балабуз не понимает ни слова. Если я от тебя получу дулю с маком, то ты получишь от них пулю с гаком! Ты уже с этим согласен?

Алексей кивнул.

— Сидишь ты, цуцик, за терроризм. И можешь делать любой кипиш, но эту статью на козе не объедешь! Родина тебе не поможет, Алеша, потому шо просто не узнает, шо тебе капец! Или узнает слишком поздно. Тебя щедро наградят за молчание. Но посмертно, Алеша!

Алексей сосредоточенно жевал луковицу с хлебом, понимая, что это чуточку облегчит его авитаминоз.

— Кончай уже жрать, когда с тобой говорят о твоей жизни! — раздраженно окликнул его Жора и отодвинул поднос.

Алексей промолчал в ответ.

— Был бы шпионаж олимпийским видом спорта, тебя бы, Алеша, уже амнистировали в честь Олимпиады, шо сейчас проходит в вашей Москве. Но скажу тебе, Алеша, как другу, шо я вас, русских, не понимаю. На хрена вы полезли в Афганистан? — решил поразглагольствовать Жора. — И шо вы себе думали, шо вас похвалят за ваш большой пуриц? Может, вы думали, шо там большие деньги под каждым камнем? Может, вы уже не знали, шо после этого никто не приедет к вам на Олимпиаду?

Глой переводил глаза с Жоры на Алексея, с Алексея на Жору, но все равно не мог понять ни капельки.

— Алеша, им не надо никакого разрешения, шобы уже повесить тебя за статью «Терроризм»! И им до мнения европейских стран, как до последнего фонаря на Дерибасовской!

— Понимаю.

— Я твой последний шанс, Алеша! Ты же еще не знаешь, как эти гицели вешают! Утром перед смертной казнью тебе дают полкурицы, если ты черный. И целую курицу, если ты белый. И если ты не откинул копыта в петле, уже приходит тюремный

доктор и делает укол в сердце. — Жора изобразил укол в собственное сердце шариковой ручкой. — Алеша, ну уже скажи мне, зачем тебе есть целую курицу?

Алексей промолчал.

Жора обежал стол, наклонился к Алексею, почти приобнял его и жарко зашептал, словно кто-то, кроме них, понимал по-русски:

— Они раздавят тебя как муравья. Эти жирные англичане с французами создали тебе ложное чувство безопасности. Они могли повязать тебя хоть на Красном, хоть на Желтом, хоть на Черном море. Но в европейской тюрьме ты бы жрал, пил, спал и качал права. А здесь, в ЮАР, ты уже исчез с лица земли. Тебя нету, тебя уже стерли ластиком! И я прилетел только потому, шо мы с тобой земляки! Ведь одесситы — лучший отряд МОССАДа!

— Извините, вы будете приступать к допросу? — зло спросил Глой по-английски.

— У вас не те звезды на погонах, чтобы учить меня работать! — не поворачиваясь, буркнул Жора по-английски и продолжил по-русски: — Он мне будет рассказывать, как вести допросы! Алеша, ты ж понимаешь, у нас с тобой полный дефицит вариантов. Я готов тебя совершенно кошерно завербовать. Сам знаешь, МОССАД — не фуфло. Тебя раскрыли, для СССР ты сбитый летчик, и если вернешься, уже почалишься в далекую Сибирь. Хотя конечно, есть второй вариант — обмен.

— Я согласен на обмен, — кивнул Алексей.

— Отлично, Алеша! Лехаим! — оживился Жора. — Но ты коммерсант и знаешь, что торг не объявляется без начальной цены. Пока не начнешь давать показания, мы уже не установим твою цену. А пока — ты никто.

Алексей промолчал.

— Ты можешь спокойно сказать мне, шо тебе не сиделось в Европах, зачем ты уже приехал к этим уродам, с которыми уже весь мир не сядет на одном поле?

Алексей молчал.

— Шо ты молчишь, как кантор в нашей синагоге, пока ему не заплатили? Имей уже голову, Алеша, никого более русского, чем я, к тебе сюда не пустят! Скажи спасибо этому барану, шо позвал меня. Побег, Алеша, здесь не сделаешь. Уже я не знаю, кто ты такой, но мы в курсе — они охраняют тебя лучше, чем все золото апартеида.

Глой вздрогнул, услышав знакомое слово.

— Я — не они, ты мне весь не нужен, Алеша. Ты можешь дать мне только немножко информации о нашем гражданине Гидоне Крамере, жена которого влюбилась в тебя, как глупая бабочка в

настольную лампу. Ближе к телу, Алеша, и я уже буду думать, как тебя обменивать, — мягко предложил Жора.

Алексей молчал.

— Ты будешь говорить, сука, или нет?! — не выдержал Жора и изо всех сил ударил Алексея по лицу.

Козлов упал, и Жора начал молотить его ногами с такой прытью, что Глой с охранником еле его оттащили.

— Ты мне ответишь, гнида кэгэбэшная! Ты мне за все ответишь! — орал оттаскиваемый Жора уже без всяких «одесскостей». — Я столько сидел на чемоданах, пока попал в Израиль, что у меня личный счет к СССР! И я получу с тебя за все унижения!

— Вы не имеете права его бить, это не ваш арестованный, — презрительно напомнил Глой.

Жора отошел, приходя в себя, налил воды из графина на подоконнике, медленно выпил в звенящей тишине комнаты. Так, что было слышно, сколько именно глотков он сделал. И, повернувшись к Глою, отдал по-английски команду:

— Пусть его пристегнут к детектору лжи!

Глой неохотно распорядился, и охранник вышел. Алексей поднялся с пола и сел на прежнее место. Жора уселся напротив и снова попытался перейти на доброжелательный тон, хотя щеки у него горели:

— Теперь, Алеша, уже возьми на полтона ниже… Я хотел по-хорошему, ты меня огорчил.

Алексей молчал. Лицо болело от свежего удара Жоры, но он даже не усмехнулся. Странные ребята! С одной стороны, если его допрашивает уже шестая разведка, значит, у них слишком много стоит на кону. Но с другой, неужели они считают, что серьезный нелегал не обведет любую конструкцию детектора лжи вокруг пальца?

Козлов не понимал масштаба значимости переданной им в Центр информации, но это не имело ни малейшего значения — ведь он давал присягу.

Видимо, Жора просто решил покрасоваться техникой МОССАДа перед отсталой, на его взгляд, юаровской разведкой. Интересно, что они там сконструировали?

Когда Алексей только учился профессии разведчика-нелегала, им рассказывали на занятиях, что в Древнем Китае подозреваемого заставляли набирать полный рот сухого риса, и если рис не намокал, человека признавали виновным, считая, что страх быть разоблаченным мешает слюноотделению.

В Древней Индии действовали практически по Зигмунду Фрейду: подозреваемому говорили нейтральные и критические

слова, а он обязан был ответить первым пришедшим в голову словом и параллельно тихонько ударять по гонгу — считалось, что в ответ на зацепившее слово он усилит удар по гонгу.

Арабы придумали свой «детектор лжи»: во время допроса врач-пульсовик держал руку на пульсе допрашиваемого.

В африканских племенах подозреваемых сажали в круг и заставляли передавать из рук в руки по кругу яйцо с нежной скорлупой. Виновный раздавливал его от волнения.

В технологизировании детектора лжи особенно преуспел Чезаре Ломброзо. Он соорудил аппарат, фиксирующий диаграммой изменения кровяного давления.

В СССР детектор лжи был разработан в семидесятые гениальным Игорем Смирновым. Алексей видел эту модель; кроме спецслужб, ее активно использовали в психиатрии. Но то, что втащили два охранника, выглядело как огромный блестящий кентавр из приемника и сейфа.

Охранники сняли с Козлова тюремную куртку и под руководством Жоры обмотали проводами истощенный торс. На губах Глоя вспыхнула ухмылка, а Жора, важно развалившись в его кресле, начал грозным голосом задавать вопросы на русском, предупредив, что отвечать можно только «да» или «нет».

ЖОРА. Твое настоящее имя Отто Шмидт?

АЛЕКСЕЙ. Нет.

ЖОРА. Ты Алексей Михайлович Козлов?

АЛЕКСЕЙ. Да.

ЖОРА. Ты соблазнил Тиану Крамер потому, что интересовался атомными исследованиями института в Претории?

АЛЕКСЕЙ. У меня не было близких отношений с Тианой Крамер.

ЖОРА. Я сказал: только «да или нет»!

АЛЕКСЕЙ. Нет.

ЖОРА. Ты серьезный филателист?

АЛЕКСЕЙ. Да.

ЖОРА. Ты работал в ЮАР один?

АЛЕКСЕЙ. Да.

ЖОРА. Ты закончил Московский институт международных отношений в 1959 году?

АЛЕКСЕЙ. Да.

ЖОРА. Ты делал обыск в доме Тианы Крамер?

АЛЕКСЕЙ. Нет.

ЖОРА. Твой отец был на войне танкистом?

АЛЕКСЕЙ. Да.

И так несколько часов.

Глава двадцать третья ЗАПРЕЩЕННАЯ ПЛЕНКА С МУХАММЕДОМ АЛИ

Вернувшись в камеру, Алексей свернулся на матрасе калачиком, его знобило, несмотря на жару. Видимо, это было нервное. Откуда они смогли столько узнать? На их столе практически лежала его анкета!

Отец Козлова действительно ушел в армию в 1941 году танкистом, был комиссаром танкового батальона в Пятой гвардейской армии генерала Ротмистрова и участвовал в битве на Курской дуге.

До войны он работал директором МТС, а после победы вернулся без ноги и был назначен заместителем начальника лагеря военнопленных по политчасти в Вологде. Лагерь подчинялся МВД, отец ходил в форме и на костылях.

Потом началась отправка выживших военнопленных по домам. И отцу стали приходить секретные предписания, кого, куда и когда необходимо подготовить к отъезду. Подробности он рассказал Алексею лет через двадцать, а тогда только негодовал.

Предписания требовали, чтобы военнопленные, подлежащие передаче органам репатриации, были одеты в новое трофейное обмундирование, прошли перед отправкой тщательную санобработку и получили продовольствие в полной норме на весь путь следования из расчета продвижения эшелона двести километров в сутки плюс пятидневный запас.

Предписание также требовало обязать начальника эшелона обеспечивать военнопленных горячим питанием в пути следования и бесперебойным снабжением питьевой водой. И это после того, как гитлеровская армия смяла полстраны танковыми гусеницами, люди в СССР продолжали голодать и оплакивали погибших. Отец скрежетал зубами, выполняя предписания.

Когда военнопленные были отправлены, лагерь расформировали. Отец мог уйти на пенсию, но вызвался работать начальником строительного управления на знаменитый Волгобалтстрой, идущий от Шексны до Вытегры и Онежского озера.

Канал имел стратегическое назначение, насчитывал тридцать три деревянных шлюза, и по нему тихо ходили подводные лодки. При Хрущеве работу над Волгобалтом притормозили потому, что выпустили заключенных, а ведь именно они строили Волгобалт и

Беломорско-Балтийский канал.

Тогда стройку разделили на две части — Вытегра-гидрострой и Шексна-гидрострой, и отца назначили начальником транспортной конторы на строящийся металлургический гигант «Северсталь» в Череповце.

А когда притормозилось строительство «Северстали», он снова пошел работать в МТС по призыву Хрущева. Это был призыв двадцатитысячников в сельское хозяйство. Отец подал рапорт об увольнении с военной службы и снял форму МВД.

Он категорически не желал сидеть дома, говорил, что, пока есть силы, должен восстанавливать родину после войны. Даже, выйдя на пенсию, пошел директором нефтебазы в Шексне.

Зимой машину не подавали, она просто не могла проехать по занесенной дороге. И, собираясь в школу, Алексей видел из окна, как отец выходит из дому, в военной форме с вещмешком на плечах. На костылях или с палкой, в зависимости от погоды.

Как к нему подходит поздороваться и машет хвостом вислоухая дворняга Альма, как отец гладит ее по голове и потом осторожно и упрямо идет на своей одной ноге на работу.

Алексей всю жизнь старался быть похожим на него, и сейчас воспоминания об отце давали силы и помогали держаться.

Он с тоской подумал про Жорин поднос с селедкой, картошкой, луковицей и бородинским хлебом. И вспомнил, как однажды зашел перекусить в Тель-Авиве, заказал, как нормальный немец, гуляш и кружку пива. А рядом сел парень в джинсах и в ковбойке — постоянный клиент кафе. И, увидев его, официант кивнул и, не спрашивая заказа, принес двухсотграммовый запотевший графинчик водки из холодильника, тарелку с двумя кусками черного хлеба и вторую — с мелко нарезанной селедочкой под кружочками белого лучка. Как же Алексей ему завидовал, давясь гуляшом! Верно ведь говорят, что самая первая ностальгия — гастрономическая.

А еще как-то зашел в это кафе — все места заняты. Только одно свободное за столиком с тремя старичками. Алексей по-немецки спросил, можно ли сесть. Евреи в Израиле понимают немецкий, он ведь совсем как идиш. Они кивнули.

Заказал свой традиционный гуляш с пивом, и тут один из подвыпивших старичков с гордостью сказал:

— Я во время войны служил в советской военной разведке, и меня однажды забросили в немецкий тыл. Ох, я вам, сволочам, дал прикурить!

В Израиль Алексей ездил по одному паспорту, а в арабские страны, естественно, — по другому. Арабские не пускали к себе с отметкой израильского КПП, и наоборот.

В арабском мире у него были обширнейшие связи. Через филателистов и коллекционеров картин он выходил на родственников влиятельных политиков, высокопоставленных военных, а потом и на них самих.

Слава богу, что попался здесь с израильским паспортом, а то допрашивать его приехали бы еще и все арабские разведки.

Генерал Бродерик не хотел обсуждать приезд сотрудника МОССАДа по телефону и заехал в тюрьму без предупреждения. Когда он нарисовался в дверях, Глой вскочил и покраснел, как мальчишка.

А на экране продолжала крутиться видеозапись знаменитого поединка 1974 года между Мухаммедом Али и Джорджем Форманом в столице Заира Киншасе. Али на экране только что отправил Формана в нокаут, и Глой еле сдерживался, чтобы не захлопать в ладоши, как мальчик.

— Полковник Глой! — зарычал Бродерик. — Чем вы занимаетесь в рабочее время?

— Извините, господин генерал, — начал канючить Глой. — Хотел снять портрет Кальтенбруннера и вернуть Гитлера на место, но вот… Рука сама потянулась к кассете.

— Откуда у вас запрещенная кассета?

— Богом клянусь, случайно. Хотел посмотреть одну секунду, но не смог оторваться. — Глой смотрел в пол, как двоечник.

— Порхаю как бабочка, жалю как пчела?! — издевательски пропел Бродерик куплет Мухаммеда Али.

— Он гениален, — беспомощно развел руками Глой.

— Героя нашли? — заорал Бродерик. — Может, завтра я застану вас с кассетой Мартина Лютера Кинга или Нельсона Манделы? Вы полковник разведки, защищающей режим апартеида, или болельщик черномазого? Кругом враги, страна в красном кольце, ни с кем нет дипломатических отношений, а вы упиваетесь черным боксером? Я прикажу провести служебное расследование по поводу этой кассеты!

— Господин генерал, клянусь, больше не повторится. Не пишите, пожалуйста, рапорт. — Глой опустил голову и перешел на страстный шепот, словно их могли подслушать: — Вы не представляете себе, какое это зрелище! Али за семь раундов пропустил тысячу ударов, Форман пристегнул его к канатам и метелил до посинения. Я думал, ему конец! И тут Али отряхнулся и завалил этого здоровяка в восьмом раунде! Такого королевского нокаута я не помню!

— Полковник Глой, — интонация Бродерика чуточку смягчилась. — Как бы вы ни любили бокс, этот кабинет не должен

стать местом нарушения законов ЮАР! Вешайте Гитлера!

Глой побежал к шкафу, вытащил из-за него потрет Гитлера, поменял его местами с Кальтенбруннером и, заискивая, заметил:

— Только с портретом государственного деятеля любая конторка становится важной организацией.

Бродерик сел за его стол, помолчал и наконец спросил:

— Ну что, этот из МОССАДа? Расколол русского?

— Нет, господин полковник, — покачал головой Глой. — Он сначала пытался прикормить его какой-то дрянью, потом пристегнул к детектору лжи, но все без толку.

— Бил?

— Немного. Но не профессионально… Не смог сдержать приступа ярости. Оказалось, что этот еврей — сам бывший русский.

— И хорошо, что он его не расколол, — усмехнулся Бродерик. — Значит, все лавры будут вашими! С завтрашнего дня начинайте серьезно работать с этим Козловым.

— Есть, господин генерал! А… — замялся Глой.

— Вы ведь профессионал, полковник. Бить не означает убить. Как говорят черномазые: «Все, что сломано, делалось без терпения!»

— Не убить, потому что он белый? У нас ведь нет никаких отношений с СССР.

— Потому, что внутри этого русского бесценная информация. И уже понятно, что чистосердечного признания он не сделает. Но если искалечите, будет международный скандал.

Повисла пауза.

— Не поверите, господин генерал, моя собственная дочь недавно заявила, что у нас средние века, что мы дикари… — доверительно сказал Глой.

— Слишком много читает! Заберите книжки да побыстрей отдайте замуж. А то дочитается! Вы хоть знаете, Глой, что настоящее имя вашего любимого Мухаммеда Али — Кассиус Клей, сын Господа Иисуса? — кивнул Бродерик на экран.

— Как это? — удивился Глой.

— А вот так! Он дал интервью, что сын Иисуса променял отца на отчима Мухаммеда потому, что Иисус — белый, белые — расисты, а в исламе все равны, все братья, — иронично пояснил Бродерик.

— В исламе все равны? Отличная шутка! — поддержал его интонацию Глой. — Я и говорю дочери: ты считаешь, что у нас Средневековье, а посмотри на американцев! Вчера сжигали напалмом вьетнамские деревни, а сегодня обвиняют нас в расизме! Каждая буква европейской истории визжит, как свинья

на убое! Они думают, все забыли, что они творили в колониях! Но при этом считают себя цивилизованными, а нас варварами! Про русских я уже молчу… только что распустили сталинские лагеря. И тоже учат нас жить!

— Но главное даже не это, а то, что при общем дипломатическом бойкоте на нашей земле плюнуть некуда, одни американцы и европейцы! — возмущенно сказал Бродерик. — Одной рукой шарят по нашим рудникам, а другой рукой прекращают с нами дипломатические отношения из-за того же самого расизма.

— Вот и я говорю… — расчувствовался Глой.

Но Бродерик перебил его:

— Все, полковник, дайте мне дело Козлова и идите. Я приехал написать по нему рапорт начальству.

Глой достал из сейфа толстую папку, услужливо распахнул ее на столе перед Бродериком, протянул ключи:

— Господин генерал, лучше запереться изнутри. Вдруг кто-то случайно зайдет и помешает вам работать.

Бродерик сухо кивнул и запер за Глоем тяжелую дверь. Потом пошарил по ящикам стола, достал бутылку виски, символически чокнулся с портретом Гитлера, отпил прямо из горлышка, закурил сигару, подошел к видеомагнитофону, перемотал пленку на самое начало, развалился в кресле и начал смотреть поединок Мухаммеда Али с Джорджем Форманом, напевая:

— Порхаю как бабочка, жалю как пчела!

Глава двадцать четвертая
ДОПРОС ГЛОЕМ

Алексей лежал в камере под привычные стоны из динамика и листал в памяти страницы своей биографии. Он родился в 1934 году в Кировской области в селе Опарино и совсем не помнил этих мест.

Разве что иногда в семье, несмотря на атеистические взгляды отца, вспоминали необыкновенно выстроенную церковь Николая Мирликийского да монастырь, срубленный в шестнадцатом веке без единого гвоздя, закрытый еще Екатериной и используемый теперь под обычное жилье.

В полтора года бабушка с дедом забрали Алексея в Вологду. Родители были совсем молодыми, но уже успели родить четверых и не справлялись с этой оравой.

Вологда детства вспоминалась сказочной зеленой страной, полной белых церквей, нарядных каменных палат, деревянных теремов и разгуливающей по дорогам скотины. Дом стоял на уютной улице Менжинского, и яблони залезали ветками в окно.

В этом надежном устойчивом мире были бабушка, дедушка, печка, катание с горки зимой и купание в реке Вологде летом. А еще были яркие книжки, которые покупал отец. Их читала вслух стайке детей пожилая соседка-учительница на лавочке возле палисада.

Алексей улыбнулся, вспомнив, что именно в тех книжках с картинками его предупреждали о сегодняшнем:

> Маленькие дети!
> Ни за что на свете
> Не ходите в Африку,
> В Африку гулять!
> В Африке акулы,
> В Африке гориллы,
> В Африке большие
> Злые крокодилы
> Будут вас кусать,
> Бить и обижать, —
> Не ходите, дети,
> В Африку гулять![1]

Взрослые в Вологде в основном работали на льнокомбинате,

вагоноремонтном заводе и лесопильном заводе «Северный коммунар». Рабочих рук не хватало, приезжали все новые и новые молодые, розовощекие люди из деревень и, пока дожидались общежития, снимали углы у местных жителей.

Город распухал, рос, как на дрожжах, летние базары ломились от фруктов и овощей. Рыбаки раскладывали на прилавках сверкающую рыбу, мясники — розовую мякоть свеженарубленного мяса, молочницы — чашки с творогом и брынзой.

Все резко изменилось с началом войны. Алексею было шесть с половиной, когда появились слова «в городе введено военное положение», а бабушка начала ночами тайком от деда молиться, доставая спрятанную иконку.

Осенью фронт подошел к границе Вологодской области, и бои шли совсем рядышком, в Оштинском районе. Вологда стала прифронтовым городом. Взрослые уходили на строительство оборонительных рубежей, а дети играли в это самое строительство во дворах.

Потом город разбили на сотни участков самозащиты, начали наскоро делать простейшие укрытия и бомбоубежища и объяснять мирным жителям, как прятаться в погребе, если начнется бомбежка.

Взрослые перешептывались о том, как на железнодорожном узле и военно-промышленных предприятиях развертывались системы противовоздушной обороны. Эти системы отбили все попытки бомбардировок — на Вологду не упала ни одна бомба. И после войны на Зосимовской улице поставили памятник в виде зенитки.

Потом в Вологду вместо розовощеких деревенских стали приезжать тысячи больных, раненых, голодных эвакуированных со стороны Ленинградского фронта. И город превратился в госпиталь, в котором работа находилась для каждого. Даже для семилетнего мальчишки.

Вологжане сдавали кровь для раненых и собирали пожертвования. Бабушка отдала свои единственные золотые сережки. Писали, что на собранные деньги сформировали танковую колонну «Вологодский колхозник».

В школу Алексей пошел в сорок третьем — тогда в первый класс брали с восьми лет. Мама работала бухгалтером в колхозе. Шла Сталинградская битва, начиналась Курская военная кампания, в которой принимал участие отец.

На Курской дуге у многих одноклассников погибли отцы. После этого мальчишки организовывались в тимуровские команды, пилили дрова, вскапывали огороды и помогали по дому

вдовам погибших.

Стало голодно. В школе очень боялись туберкулеза, весной и осенью каждый класс строем водили в больницу на флюорографию. Там приходилось прижиматься худенькой грудью к холодному рентгеновскому аппарату. Еще в школе постоянно делали какие-то болезненные прививки, но самым страшным, конечно, был рыбий жир.

Алексей вспомнил комнатку-подсобку бревенчатой школы, в которой сидела пожилая медсестра в белом халате и белой косынке, с большим стеклянным графином рыбьего жира, тарелкой соленых сухариков и открытым журналом. Сюда его привели почти что под конвоем.

Окно открыто в сад, но в него уже не выпрыгнуть.

— Иди сюда, Козлов! — грозно говорит медсестра. — Тебя по всей школе надо искать с собаками? Чего сразу-то не пришел?

Алексей виновато опускает голову:

— Я не знал…

— Ври больше! Тебя уборщица тетя Нюра из-под парты шваброй выкурила! Козлов, у тебя отец где? — спрашивает медсестра.

— Мой папка на войне, комиссар танкового батальона Пятой гвардейской танковой армии генерала Ротмистрова! — гордо рапортует Алексей.

— А мать где? — заговаривает зубы медсестра и наливает полную ложку рыбьего жира.

— Мамка — в совхозе бухгалтером! — снижая интонацию, отвечает Алексей, понимая всю неотвратимость ситуации.

— Видишь, они у тебя герои, страну защищают, а ты от рыбьего жира бегаешь! Не стыдно тебе, Козлов? Открывай рот!

Алексей сжимает зубы.

— Козлов, ты почему такой упрямый? Ты, наверное, не хочешь, чтобы мы фашистов победили? — вздыхает медсестра. — Завтра тебя в армию призовут, а у тебя не будет сил винтовку поднять.

Алексей мученически закатывает глаза, зажимает нос, открывает рот, и медсестра вливает в него отвратительный рыбий жир. Приходится проглотить эту гадость.

— На вот, заешь! На вот еще, чтоб не так лихо! — Медсестра заботливо засовывает ему в рот соленые сухарики из тарелки. — Молодец, Козлов, настоящий солдат! — Потом слюнявит химический карандаш, ставит в огромной тетради галочку напротив его фамилии и добавляет: — Пойди Иванова найди. Скажи ему, все равно все ходы и выходы из школы перекрыты,

мышь не проскочит! По такой голодухе вы б без рыбьего жира совсем пропали! Завтра совхоз по кусочку колбасы-кровянки на каждого ученика выпишет. Скажи Иванову, кто сегодня рыбий жир не выпьет, тому завтра кровянки не дадим!

Как бабушка ни старалась, дома все равно было нечего есть, даже суп из лебеды и сныти казался лакомством. В школе бесплатно давали кусочек кровяной колбасы, какой-то черствый черный пончик и стакан чая с сахарином.

В квартиру подселили семью эвакуированных из Ленинграда, у соседей жила такая же семья. Мужчин практически не было, их высосал из города фронт, а женщины работали с утра до ночи. Было холодно без дров, голодно без еды, но люди охотно помогали друг другу и делились последним.

Если кто-то не приходил на урок, это воспринималось как ЧП, к нему отправлялась целая делегация из класса. Одни помогали по дому, другие рассказывали пройденный материал.

Алексей оторвался от воспоминаний и посмотрел на свои руки — кожа шелушилась от авитаминоза, сейчас бы он с наслаждением выпил тот самый графин рыбьего жира.

Утром снова повели на допрос, но не в кабинет Глоя, а в знакомый подвал. Дали сесть. Через некоторое время пришел Глой, бросил на Алексея приветливый взгляд, уселся напротив и сказал:

— Привет, Козлов, как дела?

— Нормально, — угрюмо ответил Алексей.

— Не надумал рассказать, какое задание выполнял в ЮАР? Кто твои связные? Что тебе удалось узнать о работе лаборатории в Пелиндабе?

— Не надумал.

— Этот стул устроен так, что достаточно ткнуть пальцем, ты грохнешься на бетонный пол. На третий раз потеряешь сознание, — предупредил Глой. — Это наш фирменный способ!

Алексей молчал; он сразу обратил внимание на то, что спинка стула вогнута и короче обычной.

— Западные журналы писали, что в ЮАР делается попытка биологически улучшить белую расу в ущерб черной. Так ты не верь, Козлов! — зло сказал Глой и отошел к стене. — Меня за эти годы никто не пытался улучшать! Особенно по части зарплаты! Джек, наручники!

Охранник подошел к Алексею, завел его руки за спинку стула и застегнул наручниками.

— Джек, пни его!

Охранник легонько толкнул Алексея, и тот полетел вместе со стулом на бетонный пол, ударившись головой и руками.

— Джек, подними его. Ты — русский шпион, это твоя работа. А я 30 лет служу верой и правдой своей родине. — Глой словно оправдывался. — Это моя работа!

Охранник поднял Алексея вместе со стулом.

— Я много видел, много думал, но остался верным сыном своей страны, — похвалился Глой. — Джек, пни его!

Охранник снова чуть толкнул, и Алексей, зажмурившись, снова повалился головой об пол.

— Джек, подними его! — скомандовал Глой. — Пойми, русский, вокруг нас сжимается кольцо, Ангола уже свободна. Но мы защитим апартеид! Ты не думай, ты не один белый в тюрьме! Здесь же сидит священник методистской церкви Седрик Мейзен, он против расизма, так мы с ним тоже не церемонимся. Мы с тобой сейчас находимся на войне, и победителем буду я! Джек, пни его!

Алексей снова упал на бетонный пол и вскоре перестал понимать, сколько раз его поднимали и снова швыряли вниз. В конце концов потерял сознание и сквозь гул в голове услышал, словно усиленный динамиками, голос Глоя:

— Джек, умой его! Он готов!

Почему-то увидел себя в детстве, ныряющим с берега речки Вологды, почувствовал, как вода заливает нос и уши, открыл глаза и не понял, где находится. Сильно тошнило, а взгляд упирался в мужские ботинки.

Один из этих ботинков с силой пнул его в переносицу, и голос Глоя заорал:

— Ты будешь говорить, упрямый сукин сын?

Алексей помотал головой, кровь из носа лилась на губы.

— Джек, я устал, — пожаловался Глой. — В камеру его!

Охрана волоком дотащила до камеры мокрого, окровавленного Алексея. Голова болела и кружилась так, что не мог идти сам. Ночью его сильно рвало, в ушах шумело, и он почти не слышал криков и стонов из динамика. Ссадины на руках кровоточили, а тюремная одежда высохла от воды, но намокла от холодного пота.

К тому же он не мог спать, и это было одним из признаков сильного сотрясения мозга. А чтобы прийти в себя, надо хотя бы несколько дней полежать. Дадут ли?

Алексей подумал, что Центр, конечно же, вытащит его из этого ада, если узнает, где он. Не было ни единого случая, начиная еще с Абеля-Фишера, чтобы не выручали своих.

Давным-давно, когда он был на подготовке, первые

руководители, бывшие командиры партизанских отрядов и подпольных групп на территории противника, говорили: «Помни, что бы с тобой ни случилось, домой вернешься в целости и сохранности».

Но сейчас радиограммы Центра шли в пустоту, и там, естественно, понимали, что Алексея взяли, убили или перевербовали. Тюрьма герметична, никто из допрашивающих его разведок тем более не сольет такую информацию нашим.

Его кто-то сдал с анкетными подробностями. Значит, крот сидит очень высоко. И остается надеяться на бога, в которого Алексей не верил, и искать поддержки у духа Чаки, в которого он тем более не верил, хотя и регулярно изливал ему душу в камере.

Глава двадцать пятая
КАК ВЫУЧИТЬСЯ «НА НЕМЦА»?

В какой-то момент накатила жуткая слабость, показалось, что умирает и думает об этом почему-то по-немецки: «Ich sterbe?»

Это рассмешило и вернуло к жизни. Когда же он начал становиться «немцем»? Ну конечно, в школе. Немецкость Алексея Козлова началась с легендарного Зельмана Шмулевича Щерцовского, худющего парня с длинным лицом и пронзительными еврейскими глазами.

В 1939 году, когда Польшу оккупировала Германия, подросток Щерцовский переплыл пограничную реку Буг и благодаря этому остался в живых. Его отец погиб в Бухенвальде, мать — в Освенциме, старший брат — в Ченстоховском концлагере. Сестры тоже прошли через немецкие лагеря смерти, чудом остались живы и впоследствии оказались в Канаде.

Как непонятно откуда появившегося иностранного подданного, вылезшего на берег Буга, Щерцовского посадили в теплушку и ровно к Новому году привезли на станцию Сиуч Вологодской области, где его ждали лесозаготовки. Несмотря на ужасы этой работы, щупленький Зельман Шмулевич выбился в стахановцы и вскоре был отправлен в Вологду на поселение.

Как выпускник гимназии, он владел немецким, английским и французским, латынью, греческим и древнегреческим. Как еврей — ивритом и идишем. Ну а по месту проживания говорил по-польски и на ходу учил русский, осваивая разницу между «стахановцем» и «стаканом».

Хотел пойти в армию добровольцем, но в военкомате иностранцу отказали и не могли придумать, что делать с его активностью. Потом придумали — на год призвали в тыловую нестроевую часть, а оттуда направили учителем в самую маленькую сельскую школу в самом дальнем углу Вологодского района.

И тут начались чудеса. Проверяющие инспекторы удивлялись — дети у юного учителя залопотали по-немецки лучше, чем по всей Вологодчине. Тогда Зельмана Шмулевича и перевели на работу в Вологду, в школу для мальчиков номер один, где учился Алексей, и поселили в общежитии без всяких удобств.

Потом Щерцовский заочно закончил с отличием факультет немецкого языка Горьковского института и факультет английского Вологодского пединститута, хотя и без того знал оба языка в совершенстве.

На первом уроке немецкого мальчишки посмотрели на молодого учителя с ненавистью. Особенно те, у кого погибли отцы. И самый смелый предупредил:

— Мы не будем учить «фашистский язык»!

— Бэздельники! Зеленого понятия не имеете! Марш на место и за работу! Не то всем выставлю жирные эдиницы! — пригрозил Щерцовский. — Поднэмите руки, кто считает гэроя-полярника Отто Юльевича Шмидта фашистом?

Мальчишки затихли. И началось! По-русски Зельман Шмулевич говорил еле-еле и любимое слово «бэздельник» употреблял к месту и не к месту. Как же он их нагружал и гонял, как наказывал за лень и списывание! А главное, почти не разговаривал в классе на русском.

Но и этого ему казалось мало. Неугомонный Зельман Шмулевич создал хор мальчиков, поющих на немецком, и хор мальчиков, поющих на английском. А потом заставил учеников выпускать стенгазету на немецком и на английском. Такого в Вологде не было сроду.

Алексей вспомнил, как к концу десятого класса пришел к Щерцовскому, который был ненамного старше его, постучал в окно:

— Здравствуйте, Зельман Шмулевич!

— А, это ты, бэздельник? — в своей обычной манере откликнулся учитель, выглянув в окно.

— Зельман Шмулевич, хотел с вами посоветоваться, только не смейтесь, пожалуйста, — потупившись, попросил Алексей, глядя на носки своих сношенных ботинок.

— Совэтуйся! — кивнул Шерцовский.

— У меня пятерки по физике и математике, но я их ненавижу.

— И правильно дэлаешь, Козлов! — подмигнул ему учитель. — У меня скоро уроки второй смэны, проводишь меня до школы, поговорим по дороге.

Они шли по пыльной летней улице.

— Зельман Шмулевич, я нашел в газете объявление, Институт международных отношений объявляет прием студентов, — смущенно продолжил Алексей. — Может, попробовать подать туда документы? Стать дипломатом или еще каким-нибудь международником?

— Дэпломатом? Мэждународником? — Щерцовский даже остановился от неожиданности. — Ты начитался книжек про шпионов, бэздельник?

— Но вы сами говорили, что я чешу по-немецки, как настоящий немец, — напомнил Алексей. — Вы же меня

заставляли читать Гете и Шиллера в подлиннике!

— Слушай, Козлов, а ведь ты прав! Поезжай в Москву и нэмэдленно поступай! — неожиданно согласился Щерцовский. — А пока будешь ходить ко мне по вэчерам, я подготовлю тебя к экзаменам. Станешь дэпломатом, поедешь за границу, а я буду тобой гордиться! У тебя получится, ты ведь упрямый как баран!

— Зельман Шмулевич, я подумал, мне ведь даже не надо сдавать экзамены — у меня ведь серебряная медаль. Я просто прочитаю Шиллера по памяти! — похвастался Алексей.

— А сколько раз я ставил тебе единицы, бэздельник?

— Но я же их исправлял! Зельман Шмулевич, дед подарил мне для экзаменов галстук. У меня есть костюм и темно-синяя рубашка. Только нет чемодана…

— Чэмодан, Козлов, это не главное! У меня тоже нет чэмодана, а то бы я тебе дал! Когда в тридцать дэвятом немцы вошли в Польшу, я переплыл Буг бэз галстука, бэз костюма и даже бэз чэмодана! — напомнил Щерцовский. — И как видишь, это оказалось не важным для того, чтобы заниматься любимым делом!

— Как вы думаете, можно вместо чемодана взять деревянный сундук с висячим замком? — уточнил Алексей.

— Это прэкрасная идея! Из сундука с замком по крайней мэре ничего не сопрут!

— Зельман Шмулевич, а как найти Институт международных отношений?

— Послушай, бэздельник, я же никогда не был в Москве. Но ты сойдешь с поезда и спросишь у людей, они покажут! Они же там знают!

Алексей вспомнил, как приехал в Москву на Ярославский вокзал с тем самым деревянным сундуком, в том самом подаренном дедом галстуке и выглаженном бабушкой костюме. Чучело чучелом.

Подошел к справочному бюро вокзала, получил адрес Института международных отношений на улице Метростроевской и поехал туда на метро. Метро его потрясло, да, собственно, все в Москве потрясло его после Вологды.

Он нашел институт, около входа в приемную комиссию толпились хорошо одетые, нагловатые парни. Алексей спросил, где подают документы. Его обступили и начали хохотать. Спросили, откуда он такой.

Ответил, что из Вологды. И в ответ на это сказали, что он, наверное, заблудился. И что с таким деревянным сундуком лучше поступать в Тимирязовскую академию на агронома, а не соваться в дипломаты. Алексей вспыхнул, но промолчал, втянул голову в

плечи и прошел сквозь толпу внутрь.

В приемной комиссии были вежливы, предложили заполнить анкету. Предупредили, что, несмотря на наличие серебряной медали, придется сдавать иностранный язык на общих основаниях. А без конкурса идут только ребята, которые прошли войну.

Как-то устроился на ночлег, оставил сундук и поехал гулять по Красной площади. Задирал голову на кремлевские звезды и чувствовал себя, словно вошедшим внутрь поздравительной открытки.

В день экзамена очень волновался, пока ждал очереди. Выходили те самые одетые с иголочки московские парни, кто с двойкой, кто с тройкой. Зашел и вытащил билет, в нем было задание рассказать о пантере. С его немецким это было проще простого.

Когда начал отвечать, главный экзаменатор удивленно вскинул брови:

— Откуда ты так хорошо владеешь немецким языком?

— Так ведь я из Первой школы Вологды! — небрежно ответил Алексей.

— Вот тебе и провинция! — обратился экзаменатор к коллегам, потом повернулся к Алексею: — Можешь не отвечать на второй вопрос, ставлю тебе пять. Считай, что ты принят на первый курс!

Вышел во двор института пьяный от радости.

Это было в год смерти Сталина. Видел бы сейчас Зельман Шмулевич, куда Алексея Козлова завели его уроки немецкого…

После родной Вологды было трудно привыкнуть к жизни в Москве. В институте и общежитии Алексей был ровен со всеми, но ощущал себя волком-одиночкой и мало кого пускал к себе в душу.

В столице были совсем иные правила игры, чем дома. Очень не хватало своих, родных, близких. И, несмотря на огромное население города, заменить их было некем.

Летом 1954 года Алексей, как обычно, в одиночестве бродил по Москве, постигая улицы, площади и потаенные уголки, чтобы почувствовать ее до конца и довериться ей.

Он остановился на улице Горького перед памятником Юрию Долгорукому, подробно разглядывая позолоченную надпись на постаменте.

— А что, молодой человек, вам нравится памятник? — окликнул его мужской голос.

Алексей вздрогнул от неожиданности, прежде его никто

никогда не называл «на вы». Перед ним стоял приветливо улыбающийся человек лет шестидесяти, с небрежно зачесанными назад седеющими волосами.

Бабушка назвала бы такого «авантажным, интересным мужчиной». Он сразу понравился Алексею, потому что был похож на его учителя Зельмана Шмулевича.

Если бы Козлов не знал, что отец Щерцовского погиб в Бухенвальде, точно бы спросил, не родственники ли они. Ведь в Вологде все похожие друг на друга люди оказывались родней.

Но в этом человеке было что-то неуловимо отличающее его от Зельмана Шмулевича и даже преподавателей Института международных отношений. И дело было даже не в трубке, которую он покуривал, а в какой-то непонятной, одновременно подкупающей и пугающей свободе, легкости и яркости его манер.

— Здравствуйте, — вежливо ответил Алексей и признался: — Если честно, то мне памятник не нравится. Он как-то нависает над человеком.

— Приятно видеть молодого человека с таким великолепным чувством формы, — похвалил его собеседник. — Я видел скульптуры Фидия и каждое утро, глядя на памятник Долгорукому, думаю, что если это прогресс — я готов выброситься из моего окна.

— А кто это — Фидий? — не понял Козлов.

— Великий древнегреческий скульптор и архитектор. Друг Перикла, — пояснил человек. — Значит, вы учитесь не живописи и архитектуре.

— Совсем нет, — смутился Алексей.

— Имейте в виду, чтобы поддержать беседу в хорошем обществе, необходимо изучить историю искусства. А где же вы учитесь?

— В Институте международных отношений, — гордо объявил Алексей. — Я — будущий дипломат.

— Институт международных отношений… это на Метростроевской улице, бывшей Остоженке?

— На Метростроевской.

— Давайте знакомиться. Я — Илья Григорьевич, — протянул он руку и полушутя, полусерьезно добавил: — Крепкое рукопожатие. Если наша дипломатия окажется в таких руках, то я спокоен за державу.

— Очень хотел попасть на открытие этого памятника месяц назад, но не получилось. Никогда не видел, как открывают памятники, — посетовал Алексей. — Зачем же они открыли памятник Долгорукому в день рождения Пушкина?

— А с этим памятником все несуразно! Сталин, когда

посмотрел макет, попенял скульптору Орлову. «Почему у вас, товарищ Орлов, Долгорукий сидит на кобыле? Жеребец подчеркнет мужественность основателя Москвы», — посмеиваясь, рассказал Илья Григорьевич. — И ему сделали «мужественность» такой величины, что Никита Сергеевич Хрущев предложил перенести его с такой «мужественностью» поближе к Новодевичьему кладбищу!

Алексей растерялся от такого фамильярного обсуждения руководителей страны и решил уйти от темы:

— А прежде тут было пусто?

— Это место проклятое. До революции здесь стоял прекрасный монумент генералу Скобелеву. Его уничтожили в соответствии с ленинским планом монументальной пропаганды, Скобелев ведь служил царизму, — подмигнул собеседник и пыхнул трубочкой. — А вместо него поставили высоченный трехгранный обелиск в честь советской конституции. Он простоял год в одиночестве, а потом к нему добавили статую Свободы, которую лепили с племянницы Станиславского.

— Прямо вот на этом месте? — недоумевал Алексей, в его сознании не умещалась такая чехарда.

— Прямо на этом. Но тогда в Москве появился анекдот. «Почему Свобода именно против Моссовета? Потому что именно Моссовет против свободы!» — засмеялся человек. — Этот анекдот и атмосферные осадки решили судьбу Свободы — памятник был из недолговечных материалов и к концу тридцатых уже разваливался. Так что перед войной его взорвали однажды ночью под предлогом расчистки площади.

— Потрясающая история! Спасибо! — Алексей учился дипломатии и отвечал собеседнику по правилам этикета.

— Мариенгоф написал тогда: «Площадь… меняла памятники, как меняет мужей современная женщина…» И если Скобелев и Свобода вытягивали правую руку вверх, то Долгорукий почему-то показывает ею вниз, — усмехнулся Илья Григорьевич. — Рад был позабавить вас историей, а теперь, Алексей, мне надо на телеграф, отправить поздравительную открытку. — И протянул руку для прощания.

— Илья Григорьевич, вы позволите проводить вас? — спросил Козлов. — Я ведь тоже шел на телеграф, отправить письмо бабушке с дедушкой. Мне сказали, что с Центрального телеграфа письма доходят быстрее, чем из почтового ящика.

— Идемте, — кивнул собеседник, и они двинулись через улицу Горького. — Издалека приехали покорять столицу?

— Из Вологды. А сейчас прочитал на памятнике, что Москва и Вологда одногодки! — поделился Алексей. — Я с детства

замечаю все детали и запоминаю все цифры, надо мной даже смеялись. Представляете, я родился в один день с товарищем Сталиным — двадцать первого декабря! Вырос в Вологде, где он был в ссылке. С детства мечтал его увидеть, а приехал в Москву именно в год его смерти, в 1953 году…

— Вы видите в этом какие-то знаки судьбы?

— Конечно! — Алексей оглянулся, перед тем как признаться в сокровенном. — Вы первый, кому я это говорю. Потому, что вы похожи на моего любимого учителя. Дата смерти товарища Сталина — пятое марта пятьдесят третьего года. Если написать цифры по порядку, получится 5353. А Институт международных отношений, куда я поступил в пятьдесят третьем году, стоит по адресу Метростроевская, пятьдесят три! Как вы думаете, что это значит?

— Я думаю, — собеседник замялся, — что вы интересно мыслите, интересно сопоставляете факты, и это значит, что вас ждет интересная судьба. Тем более что сейчас страна начинает отворять двери миру, и вашему поколению гарантирована очень интересная жизнь!

— Вы это в том смысле… — несмело спросил Козлов.

— Именно в том смысле, что после ухода товарища Сталина у советских людей, особенно у таких, как вы, появится возможность хотя бы узнать, как выглядят другие страны. Как я люблю шутить: «Увидеть Париж и умереть!»

— А вы видели Париж? — с подозрением спросил Алексей и подумал, уж не шпион ли перед ним и не выболтал ли он ему какую-нибудь государственную тайну.

Ведь так подходить, называть «на вы», знать столько информации о памятнике, панибратски говорить о товарище Сталине и Хрущеве, курить трубку, да еще восхвалять империалистическую Францию, может только шпион! Алексей решил понаблюдать за ним до конца.

В младших классах они учили стихотворение Долматовского «Коричневая пуговка», и все школьное детство Козлова дразнили строчками из него.

Коричневая пуговка валялась на дороге.
Никто не замечал ее в коричневой пыли,
Но мимо по дороге прошли босые ноги,
Босые, загорелые протопали, прошли.

Ребята шли гурьбою по солнечной дороге,
Алешка шел последним и больше всех пылил.
Случайно иль нарочно, он сам не знает точно,

На пуговку Алешка ногою наступил.

Он поднял эту пуговку и взял ее с собою,
И вдруг увидел буквы нерусские на ней.
Ребята всей гурьбою к начальнику заставы
Бегут, свернув с дороги, скорей, скорей, скорей!
……
Вот так шпион был пойман у самой у границы.
Никто на нашу землю не ступит, не пройдет.
В Алешкиной коллекции та пуговка хранится,
За маленькую пуговку — ему большой почет!

Юный Алексей злился на дразнилки, но так или иначе они сформировали в нем привычку не ротозействовать а постоянно анализировать поведение незнакомых людей чтобы обнаружить шпиона, как его тезка у Долматовского. Тем более что страна была глубоко поражена шпиономанией.

Они остановились у телеграфа, Илья Григорьевич повернулся к памятнику Долгорукому и задумчиво сказал:

— Представляете, площадь меняла название вслед за памятником. И была то Тверской, то Скобелевской, то Советской… Я очень люблю эту улицу, но до сих пор не привыкну к ее новому лицу. У сталинской реконструкции был гигантский аппетит, она не только раздвинула дома, но и проглотила гостиницу «Дрезден».

Алексей не понял, что «раздвинутые дома» означают жуткий проект расширения главной улицы страны, когда заключенные растаскивали многотонные дома на нынешнюю ширину.

— Как я любил «Дрезден» до эмиграции, — вздохнул Илья Григорьевич, и Алексей понял, что шпион, наконец, проговорился. — В ней останавливались Тургенев, Некрасов, Островский. Чехов здесь встречался с Горьким и Станиславским. Суриков прожил последний год жизни… Зайдите как-нибудь в здание Главмосстроя. Там еще можно найти остатки великолепия «Дрездена».

— Обязательно зайду, — вежливо согласился Алексей, чтобы не спугнуть шпиона.

Они вошли в Главпочтамт, подошли к свободному окошку, незнакомец достал из внутреннего кармана пиджака открытку и протянул девушке со смешными косичками, отправлявшей корреспонденцию.

Девушка покраснела в ответ, взяла открытку и сказала:

— Здравствуйте, Илья Григорьевич! Вы опять адрес забыли

написать.

— Здравствуйте, Катенька! Извините. — Он достал маленькую записную книжку в дорогом кожаном переплете и пожаловался Алексею: — Каждый раз одно и то же. У меня два любимых немца, и оба Отто Шмидты, представляете? Один — отец моей первой жены. А второй — знаменитый ученый и полярник. Хотел на скамейке переписать адрес из книжки, заболтался с вами и забыл.

— Вы знаете Отто Юльевича Шмидта? — окаменел Алексей, ведь знакомый Отто Юльевича никак не мог быть шпионом. — Это мой идеал! Я собираю марки, у меня есть очень ценная марка 1935 года. Кстати, те же самые пять и три, только в обратном порядке. На ней справа портрет Отто Юльевича, а слева вся экспедиция среди льдов! А еще у нас на улице была девочка по имени Оттоюшминальда! За ней все мальчишки ее возраста бегали!

— Как? — переспросил Илья Григорьевич.

— Оттоюшминальда — это значит «Отто Юльевич Шмидт на льдине»!

— Бедная девочка… — вздохнул он и покачал головой.

— Какая же она бедная? Я бы тоже хотел носить имя, похожее на имя Отто Юльевича Шмидта! — задохнулся Алексей.

— Зачем? Ваше имя ничем не хуже.

Они отправили корреспонденцию и вышли на улицу.

— А как пройти к памятнику Пушкину? — спросил Козлов.

— Пойдете по этой стороне, не переходя улицу, и все время поглядывайте наверх, пока не увидите скульптуру балерины наверху. Это знаменитый дом «под юбкой». Про него есть стишки: «Над головою у поэта воздвигли даму из балета — так говорят. Многая лета!»

— «Под юбкой»? — фыркнул Алексей.

— Точнее, «под пачкой» Лепешинской любимой… — Илья Григорьевич сделал паузу и хитренько усмехнулся, — балерины товарища Сталина. Было очень приятно познакомиться. Уверен, что однажды обязательно прочитаю в газетах о ваших успехах!

Он пожал обалдевшему Алексею руку, быстро зашагал в сторону Кремля и скрылся в толпе. А со ступенек телеграфа сбежала та самая девушка Катя со смешными косичками, что принимала письмо и открытку. В руках у нее был газетный сверток.

— У меня к тебе просьба, — смущенно сказала она. — Подпиши у него, пожалуйста! Он живет в доме восемь, часто к нам заходит, но я смущаюсь попросить автограф.

Она развернула газету и достала оттуда майский номер

журнала «Новый мир».

— Что подписать? — не понял Алексей.

— Автограф на его «Оттепель»! Ты что, не читал «Оттепель»? — изумилась она.

И Алексей изо всех сил хлопнул себя по лбу. Потому что только теперь понял, почему человек с трубкой показался таким знакомым. Он сто раз видел его фотографии в газетах, но представить себе не мог, что к нему посреди улицы подойдет сам Эренбург!

Глава двадцать шестая
ЦЭРЭУШНИК

Алексею дали вылежаться три дня, в какой-то момент даже выключили женские крики в динамике. Понятное дело, им нужна была информация, а не труп. На третий день ссадины на затылке и руках затянулись коркой. Голова кружилась, но Алексей смог дойти до двери, съесть баланды с лепешкой и выпить воды.

Через полчаса после этого повели на допрос в подвал. Посадили, не снимая наручников, на обычный стул. Стула с выгнутой спинкой в комнате не было. По глазам охранников Алексей понял, как жутко выглядит в синяках и ссадинах.

Вошел Глой вместе с незнакомым мужчиной в штатском, скороговоркой сказал:

— Зря упрямишься, Козлов! «Товарищи» о тебе так и не вспомнили!

Человек в штатском присел на стул у стены и молча наблюдал.

Алексей промолчал.

— В твоих вещах мы нашли копировальные листы с текстом. Что скажешь об этом? — спросил Глой.

Речь шла о придуманных Алексеем для удобства маленьких вместительных блокнотиках, в которых было до пятидесяти страниц текста. Значит, все это время они не предъявляли копировальные листы потому, что пытались расшифровать их. А теперь сдались!

— Ничего, — пожал плечами Алексей.

— Ты должен это расшифровать!

— Как я могу расшифровывать их без шифр-блокнота?

— А где шифр-блокнот?

— При аресте вы раздели меня до трусов, я незаметно приклеил пленку к трусам, а потом уничтожил в камере, — ответил Алексей.

Глой неожиданно подскочил и врезал ему по лицу с криком:

— Ты не мог уничтожить шифр! За тобой все время следили в глазок!

Алексей не удержал равновесие — руки были в наручниках — и упал на пол.

— Мог, — соврал он, лежа на полу и стараясь говорить как можно спокойнее. — Я разжевал целлофановую пленку с шифром, выплюнул в унитаз и спустил воду.

Никакой пленки с шифром не было, шифр был у него в

голове. Но не у всех нелегалов такая феноменальная память, обычно для шифровки пользуются шифр-блокнотом.

— Пленка очень легкая, она не могла быть смыта водой! — скривился Глой.

— Я тоже думал, что не могла, но у меня хорошая камера. Там вода в туалете спускается аж семь минут. Пойдите проверьте, — ответил Алексей, злорадно предвкушая, как Глой побежит сейчас исследовать унитаз и бачок в его камере.

— Сволочь! Русская сволочь! — заорал Глой и начал бить его ногами. Потом взял себя в руки, наклонился над Алексеем, посмотрел в глаза. — Неужели ты не понимаешь, что сдохнешь как собака? Что я не дам тебе есть, спать, жить, дышать, пока ты не начнешь сотрудничать?

Алексей молчал.

— Полковник Глой, если бы вы умели не только истязать, но и обыскивать арестованных или хотя бы чинить туалеты в камерах, — снисходительным тоном на английском заметил мужчина в штатском, — у нас бы сейчас была возможность расшифровать не только копировальные листы, но и радиограммы, которые ему до сих пор шлют.

— Это чудовищное недоразумение, — покачал головой Глой.

— Господин Козлов, вы играете с огнем, — обратился мужчина в штатском тем же тихим голосом.

И по поведению Глоя и охранника Алексей понял, что это какое-то очень высокое начальство.

— Не буду скрывать, я из ЦРУ. Вы уже не представляете ценности как агент, но еще представляете опасность, как источник информации, так что придется вас ликвидировать, — равнодушно сказал мужчина.

Алексей удивился не столько последним словам, сколько тому, что разведчик одной страны так по-барски ведет себя на территории разведки другой страны.

— Все изъятое у арестованного при обыске изолированно лежит в сейфе, — почему-то именно сейчас отчитался Глой, видимо, подчеркивал тему копировальных листов.

— Полковник Глой, мы не будем заниматься его шифровками. Все ценное, что изъято, можете распределить между собой или отдать государству, — распорядился мужчина в штатском. — Господину Козлову это больше не понадобится.

И у Алексея под ложечкой заныло, оттого, что его альбомы с ценнейшими марками сейчас отдадут какому-нибудь сынишке-школьнику.

— Джек, бей его, пока не устанешь! — приказал Глой и почтительно открыл дверь перед мужчиной в штатском. Потом

обернулся, медленно пошел к двери, глядя, как охранник наносит Алексею грамотные удары ногами, чтобы не задеть жизненно важные органы, и попросил: — Джек, остановись на секунду!

Охранник остановился, остановился и гость из ЦРУ.

— Послушай, Козлов, ведь все это время я пытался тебе помочь! Пытался тебя спасти вопреки твоему упрямству! Я давал тебе шанс, но ты не шел навстречу! У меня тоже есть начальство, и оно дает мне определенные сроки… Так что я умываю руки. Завтра тебя переведут в камеру смертников, и ты понимаешь зачем. Статья «Терроризм» позволяет это!

Алексей вздрогнул.

Глой заметил это, и тон его смягчился:

— Там ты не будешь голодать. Тебе даже дадут целую жареную курицу. Но только один раз. Перед казнью. А это очень неприятно, Козлов, когда тебя казнят. Мы не любим электрических стульев, у нас все по старинке. Тебе наденут петлю на втором этаже, она затянется, откроется люк, и твое тело рухнет на первый этаж. А там доктор Мальхеба сделает тебе последний укол в сердце, чтобы исключить случайность. Труп выбросят бродячим собакам. И больше никто никогда не узнает о тебе ничего. Ну?

Алексей молчал, было понятно, что Глой позирует перед цэрэушником. Каждым словом, даже небрежностью интонации последней фразы: «Джек, продолжай!»

Конечно, Бродерик и Глой в общении с западными разведками ощущали свою второсортность. Те работали в основном над похищением новых технологий, а тут круглые сутки пытали черных за выступления против апартеида.

Алексей понимал, что и он приехал не из самой простой и самой правовой страны, но, прожив большую часть жизни «немцем» и освоив тончайшие нюансы «европейскости», с юмором относился к совковому низкопоклонству перед Западом.

Люди в Европе были не лучше, не умнее, не добрее, не открытее, не честнее советских, они просто были сытее. И, попадая в условия конкуренции за блага, превращались в совершенно бесстыжих волков, чего, конечно, в Советском Союзе не было видно из-за железного занавеса и холодной войны.

Козлов всегда смеялся, когда, приезжая в Москву, они с Татьяной встречались со старинными знакомыми, и те, пожирая глазами их импортную одежду, вздыхали: «Вы там живете в раю!»

Старые знакомые считали, что Алексей находится на дипломатической работе, но все равно пририсовывали западному миру неслыханный флер. И не имели возможности выехать, чтобы разочароваться в нем.

Избитый Алексей пришел в себя в камере. Любая разведка мира обучает специалистов по пыткам работать так, чтобы подопытный, с одной стороны, знал, что ему хотят сохранить жизнь; но с другой — видел, что могут случайно не рассчитать.

Правда, здесь, в ЮАР, где детские органы продавали колдунам, а «добропорядочные граждане» оплачивали ритуалы с этими самыми органами, где при детях разделывали крокодилов и безнаказанно убивали человека в городе после шести только потому, что его кожа была черной… здесь, конечно, могли и повесить.

Камера смертников? Пугают? Если пугают, почему цэрэушник не стережется? Ведь Алексей его запомнит. Значит, он не рассчитывает, что Алексея обменяют? Значит, уверен, что повесят? Ну, что делать? Алексей был готов к тому, что работа нелегала имеет и такие издержки.

Он приехал из Вологды поступать в МГИМО мальчишкой, гуманитарием-идеалистом, увлеченным историей и географией. Он проглотил к этому времени всю школьную библиотеку, основу которой составляли русская классика, книги о войне и шпионские романы.

Учиться в МГИМО было невероятно интересно, но к старшим курсам начали поговаривать о перепроизводстве международников. При Сталине СССР имел мало взаимоотношений с другими странами, и конкуренция на дипломатические должности была очень высокой.

Выпускники МГИМО могли полжизни ждать назначения на профильную работу. Дело доходило до того, что, например, ребята с Восточного факультета, свободно владеющие китайским языком, шли работать диспетчерами на станцию «Отпор» на Советско-китайской границе. А выпускники с Западного факультета устраивались комсоргами на китобойные суда в холодные моря.

И в институтском гимне даже был куплет, мол, все равно, что суждено: служить на «Отпоре» иль бить китов у кромки льдов и рыбий жир давать стране. Когда приближался момент выпуска, многие хотели попасть в КГБ, потому что понимали, человека со свободным иностранным языком берут туда для работы в международных организациях.

И однажды, еще до практики на старших курсах, Алексея вызвали в отдел кадров института на первом этаже здания. В кабинете сидели двое модно одетых мужчин. Они сначала задавали вопросы на общие темы, а потом спросили:

— Хочешь пойти работать в Комитет государственной

безопасности?

Алексей согласился, но, естественно, не стал обсуждать этого даже с родными. А потом был направлен на практику в Данию, вернулся, сдал государственные экзамены, защитил диплом с отличием.

На практике в консульском отделе посольства в Копенгагене познакомился с резидентом советской разведки в Дании. Видимо, знакомство состоялось не случайно, и Алексей получил возможность посмотреть, что это за работа, и оценить уровень нагрузки. Казалось, что резидент и его помощники трудятся круглосуточно, но не устают потому, что работа действует на них, как наркотик.

На последнем курсе, после возвращения с практики, вызвали на Лубянку, и Алексей уже догадывался зачем. Это был его первый и единственный визит в здание у памятника Дзержинскому.

В кабинете сидели трое мужчин в штатском. Они долго расспрашивали Алексея, а потом предложили пойти работать в разведку.

— А как именно? — уточнил он.

Мужчины весело переглянулись, и один спросил:

— Ты читал книгу «И один в поле воин»?

Еще бы он ее не читал! Он знал ее наизусть! Это был известный роман Юрия Дольд-Михайлика, главный герой которого, советский разведчик Григорий Гончаренко, под видом сына немецкого шпиона Германа Гольдринга внедрялся в немецкий тыл в 1941 году.

По легенде, Герман провел отроческие и юношеские годы в СССР, имел дворянский титул, крупный счет в швейцарском банке и благосклонное отношение одного из шефов СС оберста Бертгольда.

— Хочешь работать так же? — спросил один из мужчин.

— Хочу! — Алексей не поверил своему счастью.

Засада ждала на медкомиссии, его признали негодным к работе, потому что правому глазу не хватало полдиоптрии для нормального зрения.

Но в кадрах успокоили, сказали:

— Это наше дело — поставить тебя туда, куда мы хотим. Ты подходишь для оперативно-технической работы.

— Не пойду на оперативно-техническую работу, — возразил Алексей — благодаря знакомству с датским резидентом он ориентировался в теме.

— Как это не пойдешь?

— Ненавижу писанину, хочу оперативную работу! —

настаивал он. — Не пойду, и все!

— Упрямый какой! Хорошо, пойдешь в разведчики-нелегалы. С завтрашнего дня начинается подготовка.

Подготовка была очень короткой. Пришел учиться 1 августа 1959 года, а уже 2 октября 1962 года выехал на боевую работу. Немецкий у него к тому времени был безупречный, датский выучил в институте и во время практики. Правда, шлифовал немецкий на подготовке в ГДР и подхватил в Лейпциге саксонский диалект.

Однажды в Западной Германии разговорился в кафе с сотрудником криминальной полиции. И тот спросил:

— Вы ведь не отсюда, не из Брауншвейга?

— Нет, — ответил Алексей. — Я — австриец.

Но сотрудник криминальной полиции усомнился:

— Голову бы дал на отсечение, что вы — саксонец.

— Мама моя — саксонка, а отец — австриец, — уточнил Алексей и покинул кафе при первой подвернувшейся возможности.

После Лейпцига направили в Данию. Каждый разведчик-нелегал должен был иметь профессию для прикрытия, обычно это были профессии «слесарь по ремонту автомашин», «мастер по починке холодильников» или «мастер по ремонту телевизоров». Алексею выбрали профессию технического чертежника, крайне удобную для сбора технической информации.

С одной стороны, работа была «чистая», без лежания под автомобилем и копания во внутренностях холодильника, но Алексей еще в школе ненавидел черчение. Увы, работа нелегала после того, как дал согласие, не предполагала возражений, и в конце октября 1962 года он пришел в Технический институт Копенгагена, где готовили чертежников.

Нужно было учиться три года, и Алексей записался на прием к ректору.

— Господин ректор, — попросил он. — В вашем институте чертежников учат три года, но я хотел бы получить профессию за три месяца.

Ректор удивленно посмотрел на него из-под очков:

— Как вы себе это представляете, молодой человек?

— Дело в том, что я умею чертить и много лет работаю техническим чертежником, мне просто нужен диплом, чтобы получить хорошее место.

Ректор отдал секретарше распоряжение пригласить какого-то преподавателя. Вместе они решили пойти навстречу, но с условием, что Алексей заплатит за все три года обучения, а если сможет сдать все экзамены за три месяца, то сразу получит

диплом.

Пришлось ходить в институт каждый день по нескольку раз и ночами делать ненавистные чертежи. Через три месяца датский диплом технического чертежника был в кармане.

Предстояло совершить обкатку по нескольким странам с липовым немецким паспортом и выбрать государство, в котором Козлов якобы жил долгие годы и где мог, по легенде, заработать достаточно денег.

Тут-то он и стал Отто Шмидтом. А кем еще он мог стать? Тем более что Шмидт и Смит — самые распространенные европейские фамилии.

Глава двадцать седьмая
АЛЖИР. КРЕСТИНЫ

Сначала в качестве Отто Шмидта Алексей полетел в Неаполь, оттуда поплыл на теплоходе в Ливан. В пути познакомился с братом и сестрой, учившимися в Венской музыкальной академии. Они плохо говорили по-немецки, но в совершенстве знали английский.

Сестра до музыкальной академии получила степень бакалавра в американском университет в Бейруте. Приплыв в Ливан, Алексей снял у их тети комнату и нанял сестру в качестве учительницы английского на шесть месяцев.

В Бейруте тогда слабо представляли себе, как выглядит европейская жизнь. На сообщение Алексея о том, что он немец, откровенно обрадовались. А на сообщение о том, что он учился в Дании, спросили: «Что такое Дания? Где она находится?»

Подучив английский, Козлов отправился в Алжир. И приехал туда именно в день, когда президент Алжирской Республики Ахмед Бен Белла, выбранный на безальтернативных выборах, принимал присягу после ухода французских колонизаторов, а в стране начинались перемены.

Например, как истинный мусульманин, Бен Белла запретил продавать алжирцам спиртные напитки, и все, естественно, начали гнать самогон. Кроме того, на первые два года своего правления он оставил в стране дислоцировавшиеся там части французской армии, в том числе Иностранный легион.

Это формирование состояло в основном из немцев, и немногочисленные офицеры-французы вынуждены были выучить немецкий язык. Легион чуть ли не целиком формировался из уголовников. Если какой-нибудь немецкий убийца или вор бежал во Францию, его хватали в темных улочках Марселя и тут же везли на вербовочный пункт Иностранного легиона.

Ему в красках объясняли, что тюрьмы Франции значительно хуже тюрем Германии, и предлагали подписать контракт на семь лет военной службы в Алжире. Так что один вид Иностранного легиона наводил ужас на местных жителей.

Алексею пришлось изучать французский, ведь тогда в Алжире на французском говорили даже арабы, забывшие родной язык. Родным французский был у самого Бен Беллы, и арабский он выучил, сидя в тюрьме.

До этого в Египте в 1954 году, когда Насер предложил выступить перед египетской аудиторией, Бен Белла публично

расплакался потому, что не говорил на языке, на котором бы его поняли братья-арабы. После этого он запрещал своей маленькой дочери, которая родилась и провела первые семь лет жизни в тюрьме, говорить на французском.

Французы отняли у алжирского населения не только родной язык. Они истребляли коренных жителей всеми мыслимыми способами. И если в начале колонизации в стране проживало четыре миллиона, то к правлению Бен Беллы вместе с колонизаторами насчитывалось всего два миллиона.

Но и этого французам показалось мало. Ядерный испытательный полигон, устроенный Шарлем де Голлем возле города Регган, стал мертвой зоной и продолжал уносить жизни алжирцев. Ведь Ахмед Бен Белла не просто так сказал в свое время: «Ужасы в районе Константина в мае 1945 года вынудили меня выбрать единственный путь: Алжир для алжирцев».

Де Голль, конечно же, считал геноцид алжирцев шефской работой просвещенной Европы и даже в 1962 году объявил: «Франция и Алжир будут идти в ногу, как братья, по пути к цивилизации».

Ахмед Бен Белла не хотел идти в ногу с де Голлем и освобождал страну от жестокости колонизаторов с не меньшей жестокостью, чем ее завоевывали французы. Все представители влиятельного прозападного слоя, не успевшие убежать, были ликвидированы.

Бен Белла стал президентом свободной, но полностью разрушенной страны. В ней было уничтожено сельское хозяйство, не существовало отвечающей времени промышленности, коррупция пронизывала общество по горизонтали и по вертикали.

По-человечески Алексея очень трогала личная жизнь Бен Беллы, о которой рассказывали друзья-швейцарцы. «Отец алжирской нации» долго отказывался от брака, считая себя женатым на освободительной борьбе.

Навещая его в тюрьме, мать умоляла жениться, пока она жива. Но будущий президент высмеивал ее словами: «Как я могу жениться в заключении?»

Мать умерла через четыре месяца после его ареста, но Аллах услышал ее молитвы. И вскоре навещать Бен Беллу в тюрьме начала красавица, журналистка ультралевых взглядов, пораженная силой его характера. После трех визитов он сделал ей предложение.

Захра согласилась и поселилась в его камере, уходя каждые два месяца навещать семью родителей. Дочь Ахмеда и Захры — Махдия — родилась в этой же камере и провела в тюрьме первые семь лет в окружении охранников и надзирателей.

Захра была марксисткой-троцкисткой и со временем жестко критиковала государственную политику мужа. А впоследствии стала видной деятельницей партии «Фронт Социалистических сил», созданной в 1963 году в качестве оппозиции однопартийной системе Бен Беллы. Вот такая арабская сказка-быль.

Устроиться в Алжире на работу с датским дипломом было не трудно. Алексея взяли техническим чертежником в архитектурное ателье, инженерный состав которого составляли одни швейцарцы. Они одинаково хорошо говорили и по-французски, и по-немецки.

В тайном «политическом совете» суфиста Бен Беллы было полно троцкистов-швейцарцев. А швейцарцы из архитектурного бюро, в котором трудился Козлов, тесно общались с ними и с удовольствием пересказывали происходящее на заседаниях под руководством «отца алжирской нации».

Так что в Центр от Алексея шли шифровки о совершенно секретной жизни политической элиты Алжира. И конечно же, Ахмед Бен Белла, как и Гамаль Абдель Насер, не подозревали, что «Золотыми Звездами» Героев Советского Союза обязаны незаметному техническому чертежнику — немцу Отто Шмидту. Так же как и тому, что Хрущев принял в их обществе участие в пуске Асуанской плотины, построенной на советские средства с помощью советских специалистов.

Связи с СССР, не без тайного участия Отто Шмидта, зашли у Ахмеда Бен Беллы так далеко, что в его кабинете висел портрет высокопоставленного большевика-мусульманина башкира Султан-Галиева. А к его столетию «отец алжирской нации» прислал в Татарстан телеграмму со словами: «Султан-Галиев — человек, которому многим обязан мир в XX веке».

Алексей прожил в одиночестве месяцев восемь, а потом в Алжир приехала Татьяна с соответствующей легендой. Поженились они в Москве перед самой командировкой, но поездку Татьяны задержала подготовка к технической работе: тайнописи, шифрованию, приему радиограмм.

У Алексея было много знакомых пожилых французов. Кто-то из них уехал, кто-то умер, и адресов, по которым жена якобы могла в свое время жить, оказалось в изобилии. Приехала Татьяна как немка, а французский выучила уже в Алжире.

Через два года после получения независимости алжирцы стали уничтожать документацию на всех иностранцев, живших в колониальные времена. Это дало возможность рассказывать в других государствах о прожитых двадцати годах в Алжире — проверить это было невозможно.

Вскоре после приезда Татьяна забеременела, ей стало тяжело

в жарком и влажном климате. Алексей написал об этом в Центр и получил задание ехать в Германию через соседние страны.

Сначала отправились в Тунис, затем в Голландию, потом во Францию. Оставив жену во Франции, Алексей выехал в Штутгарт, неподалеку от французской границы. Было неизвестно, чем закончится въезд в Германию с фальшивым немецким паспортом.

Работы чертежника в Штутгарте в разгар августа не было. Кураторами Алексея на подготовке были бывшие военные, контрразведчики, люди с уникальным опытом, но таких мелочей, как особенности трудоустройства в августе, они не знали.

Тогда Козлов как раз и пошел чернорабочим в прачечную и привез жену. Они без труда получили внутренние удостоверения личности и официально поженились.

Потом перебрались в Мюнхен, Алексей снова устроился на уже знакомую работу в химчистку. Вскоре родился сын, а через одиннадцать месяцев — дочь. После рождения детей Алексей и Татьяна получили вместо прежних внутренних удостоверений настоящие западногерманские паспорта и с великим сожалением спалили липовые паспорта в печке.

Липовые паспорта, сделанные в КГБ, были красивые и аккуратные. А когда выдавали настоящие паспорта, оказалось, что на них криво приклеены фотокарточки — выдававший их полицейский был, как назло, пьян. И прошиты паспорта были неправильно, так что на КПП их всегда рассматривали более подозрительно, чем липовые.

Потом Козловых вызвали обратно в Россию на пару месяцев. И после передышки Алексея отправили на длительное оседание в Бельгию. Шесть месяцев он искал работу чертежника или рабочего химчистки. В конце концов попал в крупную гостиницу «Хилтон», в подразделение химчистки и прачечной.

К этому моменту Козлов был высококвалифицированным рабочим и вскоре стал руководителем этого подразделения. Нашел хорошую квартиру и привез жену с двумя детьми.

Алексей переставал соображать от голода и побоев, и прошлое текло перед глазами, как кино.

Он вспомнил их уютную кухню в Германии. Со светлой мебелью, расшитыми занавесками и разрисованной бело-голубой ручной кофемолкой на стене. Вспомнил, как стоял у окна, прижимая к груди крохотную дочку в отделанных кружевом праздничных пеленках, и смотрел вниз на уютные фахверковые домики, черепичные крыши и засыпанные снегом лужайки.

Татьяна кормила кашей старшего сына, сидевшего в высоком затейливом детском стульчике. Сын вертелся, капризничал, не

желал есть.

— Каша вкусная, сладкая! — ворковала Татьяна по-немецки, впихивая в сына очередную ложку рисовой каши с изюмом. — Мальчики, которые хорошо едят кашу, становятся великанами! Отто, я не понимаю, как ребенок может каждый день есть одну и ту же кашу? Здесь никаких круп, кроме риса, не купишь…

— Зато они умеют запекать рисовую кашу с изюмом в тыкве, а мы нет, — напомнил Отто.

— И что в этом сложного? Отто, мы не опоздаем?

— Все нормально, я слежу за временем. Если он будет голодный, то раскапризничается в кирхе и испортит все крестины. — Они собирались на крестины дочки.

— Да что там можно испортить? — возмутилась Татьяна. — Мало того, что мы с тобой, коммунисты, крестим ребенка! Да еще и в немецкой кирхе, да еще и крестный у нас бывший офицер СС! Представляю, что было бы с моим отцом, если б он узнал!

Отто подошел к жене, поцеловал ее в выбившуюся из прически прядку волос:

— Зато мы с тобой напишем в анкете, кто крестный нашей дочери! Лучшего прикрытия не придумать!

— А мальчики, которые не едят кашу, так и не вырастают. И становятся вредными гномами! — продолжила жена уговаривать сына по поводу новой ложки. — Смешно, что наши дети будут думать, что они немцы, родившиеся в ФРГ, и говорить по-немецки!

— Будут говорить по-немецки и думать, что они немцы, пока не вернутся домой! — успокоил Алексей, малышка на руках запищала, и он начал пританцовывать, баюкая ее немецкой колыбельной. — Но ты же сама выбрала такого смешного мужа с такой смешной профессией.

— А по-твоему, не смешно, что ты женился на мне два раза? Один раз дома, а второй раз для прикрытия? — фыркнула Татьяна.

— Была бы возможность, я бы еще сто раз на тебе женился!

— Ну, самую последнюю ложечку в честь крестин сестрички! — попросила Татьяна сына и, улыбаясь, повернулась к Отто. — Если бы у тебя была возможность жениться на твоем альбоме с марками, то ты женился бы на нем тысячу раз!

— Ну и что? Я ведь скромный работник химчистки и, только открывая альбом с марками, понимаю, что богат как Крез! — отшутился он. — Читал в филателистическом журнале, что в Балтиморе на подвенечное платье невесты наклеили 30 000 чистых негашеных марок! Если выйдешь за меня замуж в третий раз, готов наклеить на твое платье всю свою коллекцию!

— Не верю! — Она вытерла мордочку сына салфеткой, пригладила его волосы. — Вот какие мы теперь сытые, чистые и красивые! Отто, а что полагается делать после крестин?

— Получать подарки и надуваться пивом с сосисками!

— Давай я получу подарки, а остальное с эсэсовцем ты возьмешь на себя! Лучше я уложу детей пораньше и немножко почитаю.

— Хорошо, дорогая! — Алексей глянул на часы. — Вот теперь нам пора!..

Глава двадцать восьмая
КАМЕРА СМЕРТНИКОВ

Утром перевели в новую камеру. По разговорам охраны Алексей понял, что сидит уже месяц, и испугался, что совсем перестал ощущать время. И что весь этот месяц в Центре ничего не знают о нем.

Эта часть тюрьмы выглядела совершенно средневековой, а камера, в которую его затолкнули, была крохотной — три шага на четыре. По сравнению с ней прежняя казалась пятизвездочным отелем.

В новой камере были параша, кровать и стул. Окно специально сделали так, чтобы свет почти не попадал внутрь. Из записей на стенах, которые Алексей мог разобрать поутру, следовало, что Глой не врал, — это действительно была камера смертников.

Слова обреченных, нацарапанные на разных языках гвоздем, действовали на психику убедительнее, чем допросы с побоями.

Камеры в этой части тюрьмы располагались отсеками вокруг одного поста — в местном жаргоне такое расположение называлось «звездного типа». В каждом «звездном» отсеке по тринадцать камер. Но в том, куда поместили Алексея, он сидел совершенно один.

Другие камеры пустовали, перестукиваться и перекрикиваться, выходя на допрос, было не с кем. Правда, щиток, закрывавший отверстие в двери, через которое ставили еду, отломали, и он открывал вид на коридор.

Следующий день приходился на пятницу. Алексей понял это потому, что мимо него рано утром по коридору сначала повели громко рыдавшего человека, а через некоторое время поволокли за ноги его труп.

На стене камеры было написано многое, в том числе и то, что казнят здесь именно по пятницам. В основном писали «сегодня мой последний вечер» и т. д. и т. п. Алексей подумал, что его запись была бы единственной, сделанной на русском.

Допросы с битьем уже казались привычными, к ним добавили изощренные пытки на раскаленной крыше. Алексея то оставляли на целый день на солнце в клетке, то сажали на жаре и били специальным прутом, смоченным в специальной жидкости.

Он давно потерял границы между сном и обмороком, между бредом и фантазиями. А за последнее время так ослаб, что на пытках присутствовал тюремный доктор Мальхеба.

Это был лысый, шаркающий ногами человек в небрежно надетом на военную форму халате. Во время пыток он периодически щупал пульс и делал рукой знак «достаточно».

Кормили здесь значительно хуже, чем в прежней камере, — там давали три раза в день баланду загадочного состава с лепешкой. Здесь в пять тридцать утра приносили кружку жидкости, напоминавшей что-то среднее между кофе и чаем. А иногда просто воду, в которой мыли посуду.

Еще полагались два куска хлеба и миска каши. Обед был в одиннадцать часов, примерно такой же, но добавляли котлету из китового мяса. Настолько отвратительную, что Алексей предпочел бы умереть от голода, чем съесть ее.

Ужин приносили в три часа дня. Он состоял из четырех кусков хлеба, кусочка маргарина, джема и тарелки супа. Свет выключали в десять вечера, и к этому времени от голода и сенсорной изоляции начинались видения.

Видения были разные, иногда Алексей совершенно ясно видел в углу камеры миску отварной картошки с паром, недоеденную тогда Жорину банку селедки и яркие помидоры с огурцами. Чувствовал запахи, казалось, сейчас протянет руку, и…

Видения не исчерпывались гастрономией. По-прежнему появлялся Чака и молча смотрел на него с сочувствием, а Алексей делился с ним невеселыми мыслями.

Однажды Чака показал рукой в угол камеры. И утром, ощупав этот темный угол руками, Алексей нашел под слоем грязи что-то между скрепкой и дамской заколкой. Видно, осталась от прежнего обитателя, но было непонятно, как ее не заметил и не вымел уборщик.

Дату переезда в камеру смертников Козлов случайно узнал у прапорщика и теперь мог сделать на стене календарь — царапать этой скрепкой утром число, зачеркивать его вечером и писать новое. Казни по пятницам подсказывали дни недели.

Однажды ночью привиделось, что в камеру вошла покойная Татьяна. Села на кровать и положила ему на лоб ладонь.

— Ты очень плохо выглядишь, — сказала она грустно.

— Ничего страшного, просто перегрелся под юаровским солнцем, — пошутил Алексей и прижал ее руку к своей щеке.

— Помнишь, у тебя был тепловой удар в Алжире? — Она засмеялась. — Ты лежал, обернутый влажной простыней, на веранде в доме возле базара, за окном чавкали верблюды, а я поила тебя кофе с ложечки!

— Помню. — Картинка ясно встала у него перед глазами. — Там еще старик, точащий ножи, звенел своим точильным кругом прямо у дома и громко разглагольствовал на хорошем

французском об изгнании французов…

— Алешенька, — сказала она нежно, — ты действительно перегрелся. Только не от солнца, а от работы. И тебе нужен отдых. Попроси у Центра отпуск.

— Сейчас я никак не могу уехать, — покачал он головой.

— Мне пора, — прошептала она. — Береги себя ради детей.

И растаяла.

— Таня, подожди! — закричал он и то ли проснулся, то ли выпал из полубредового состояния.

Нахлынули мысли о том, что, если бы она не выбрала эту профессию и этого мужа, может быть, была бы жива. Ведь не все выдерживают напряжения жизни нелегала, перемещения по миру, воздуха чужих стран.

Ну зачем бы она, оставшись в России, выясняла бы, чем дромадер отличается от бактриана? В России верблюд он и есть верблюд, хоть с одним горбом, хоть с двумя. И никому не интересно, что дромадеры неделю могут обходиться под вьюком без воды и несколько месяцев — без нагрузки, а при случае способны за десять минут выпить сто литров воды. Или что бактриан не боится суровых морозов и может утолять жажду в соленом озере.

Почему он пошел у жены на поводу и не просчитал риски для ее здоровья?…

Теперь было много времени на воспоминания. Алексей вспомнил даже о Стивене Бико, убитом именно в этой тюрьме, может быть, даже в этой камере прямо перед его приездом в ЮАР. Ведь пока Козлов искал информацию, нужную Центру, он не сосредоточивался на образе лидера борьбы с апартеидом.

Только теперь Алексей начал обдумывать судьбу почетного президента «Собрания темнокожих» Стивена Бико, вдохновившего молодежь на массовые выступления против преподавания на европейском африкаанс вместо ндебеле, коса, зулу, сесота, тсвана, свази, венда, тсонга.

Прежде он был для него среднеарифметическим черным деятелем освободительного движения, а теперь стал коллегой по несчастью, арестованным по той же статье «Подозрение в терроризме», дававшей тюремщикам любые полномочия.

И пытали его, конечно же, чудовищнее, чем Алексея. Он ведь не нужен был им живым. И смерть Бико в тюремном лазарете наверняка констатировал омерзительный доктор Мальхеба.

Козлов даже представил себе, как мастер своего дела Мальхеба, морщась, осматривает труп с разбитым во время пыток черепом. Потом, шаркая ногами по тюремным полам, идет в свой кабинет и пишет в заключении, что арестованный скончался от

объявленной им политической голодовки.

Вспомнил и то, что после народных волнений в связи со смертью Стивена Бико, жестоко подавленных правительством Боты, Совет Безопасности ООН ввел эмбарго на ввоз и продажу оружия ЮАР. И громко осудил кровожадный апартеид со всех политических трибун и страниц печатных изданий.

Но при этом ни одна крупная компания из стран, входящих в ООН, не отозвала из ЮАР представителей, ведущих выгоднейший бизнес. В клубах для белых Алексей успел перезнакомиться со всеми, и его визитница была набита визитками с названиями самых крупных западных компаний.

А разведка ЮАР, судя по поведению Глоя на допросе, и вовсе относилась к гостю из ЦРУ, как к строгому старшему брату.

В очередную пятницу после завтрака в камеру вошел охранник и гаркнул:

— Встать!

Алексей подчинился, протянул худые руки для наручников:

— На допрос?

— На экскурсию, — усмехнулся охранник.

— И что там покажут?

— У нас на экскурсиях показывают только одно. Приказано отвести тебя смотреть казнь.

Отто послушно поплелся за охранником на слабых ногах и спросил:

— Как думаешь, почему белому перед казнью дают целую курицу, а черному половинку?

— Чтоб знал свое место, — рассудил охранник.

— Но ведь вешают все равно на одной веревке, и в это время белый хрипит черному: «Эй черномазый, а мне дали целую курицу!» И это щекочет его самолюбие? — упорствовал Алексей.

— Хотя бы… — предположил охранник.

К арестанту из камеры смертников охранники относились лояльно и могли перекинуться словом.

Виселица находилась на втором этаже. Алексея завели в помещение, приспособленное для казни, и поставили напротив виселицы. Через некоторое время привели приговоренного — это был изможденный черный старик, он покорно шел и тихо плакал.

Алексей зажмурил глаза, когда на стариковскую шею накинули веревку, впрочем, закрытые глаза почти ничего не спрятали, потому что слышать происходящее было так же страшно, как видеть. Тело наконец с глухим стуком упало вниз.

И там, внизу, его встретил доктор Мальхеба в неряшливом белом халате и сделал для верности последний укол в сердце.

Алексей подавил непроизвольную тошноту и вспомнил, что повешение почему-то всегда считалось самым позорным видом казни. И подумал, что он позорен не для жертвы, а для палачей.

Вернулся в камеру совершенно опустошенным, в ушах стояло жалобное бормотание старика, его всхлипы и хрипы. Что такого мог сделать несчастный сгорбленный человек, чтобы заслужить такой страшный конец?

И насколько же опасно в руках этих средневековых людоедов ядерное оружие. Только бы его шифровки и фотографии дошли в Центр!

Среди прочего, Алексея обучали приемам оказания помощи повешенному. Он помнил, что смерть в большинстве случаев наступает не от удушения, а от сдавливания сонных артерий, подающих кровь мозгу, а сердечная деятельность продолжается некоторое время после остановки дыхания.

Он читал, что технология повешения, которой нынче пользуются, разработана в пятидесятые Королевской комиссией по смертной казни в Великобритании. Именно эта комиссия утвердила открывающийся под ногами повешенного люк. И даже постановила вымерять соответствие длины веревки росту и весу осужденного, чтобы добиться разрыва спинного мозга без отрыва головы и мгновенной смерти.

Вспомнил, что, когда в 1944 году в Японии повесили Рихарда Зорге, в медицинском протоколе тюремным врачом было зафиксировано, что после того как казненного сняли с виселицы, сердце его билось еще восемь минут.

Алексей вытаскивал из памяти все, что касалось виселицы, но, несмотря на то, что ЮАР держала в мире лидерство по повешению, почему-то чувствовал, что петля ему не грозит.

Его еще дважды водили смотреть казнь, и это было так же страшно, как в первый раз. А однажды большое окошко в двери отворилось перед ужином, и рука охранника поставила на полочку для еды железную миску с румяной жареной курицей.

Сперва Алексей решил, что это очередные гастрономические галлюцинации, но курица сияла и пахла так, что он вгрызся в нее быстрее, чем понял, что она означает. И сжевал до последней косточки. Он подозревал, что жареная курица — это психологическая атака, но шанс быть повешенным оставался.

Писать прощальные слова скрепкой на стене было некому.

Разве что на тот свет Татьяне…

Почему-то вспомнил, как в Брюсселе жена устроилась преподавателем немецкого языка в школу, аккредитованную при НАТО. Тогда весь штаб НАТО переехал из Франции в Бельгию, и здесь же образовался Совет министров Общего рынка.

Татьяна преподавала детям натовских сотрудников, ученики очень ее любили. Шмидты выглядели славной немецкой парочкой — генеральный директор крупной химчистки и преподавательница немецкого языка в престижной школе.

Кому бы пришло в голову, что обаятельные родители двух карапузов регулярно передают в Центр оперативную информацию? А холодная война была в самом разгаре, и Центр интересовала в первую очередь информация военного характера.

Сын пошел в детский сад, дочь — в ясли. Между собой малыши говорили только на французском, с родителями — только на немецком.

Даже за два месяца отпуска, проведенные в России, им не дали запомнить ни одного русского слова.

Не дали услышать русское радио, увидеть русское кино, подержать в руках книжки с русскими буквами.

Когда Татьяна заболела, на ее здоровье были брошены все силы. Но не спасли…

Детей пришлось отдать в специальный интернат. Они учились в обычной школе, но жили в интернате. Растить их Алексей не мог, он был слишком нужен Центру и считался лучшим нелегалом на этом направлении, тем более что легенда и профессионализм позволяли забрасывать его в любую страну Европы, Азии и Африки.

Вспомнил, как перед отъездом всю ночь нашивал сыну и дочке на одежду метки с именами и фамилиями, чтобы вещи не потерялись и не перепутались в интернатской прачечной. Утром приехал с цветами, преподнес учителям, попросил, чтобы были с детьми помягче.

И снова уехал по приказу, сказав:

— До свидания, мои ребята, родина зовет!

Как-то вместе с шифровками ему передали рисунок от дочки. Алексей и целовал, и нюхал, и прижимал его к щеке. Но потом вынужден был сжечь.

Обещал детям вернуться через два месяца, но жареная курица намекает, что может вернуться к ним только в качестве фотографии, коробочки с орденами и сиротской пенсии…

Алексей в полудреме обернулся в самый темный угол камеры, в котором обычно появлялся Чака. Чака посмотрел на него веселыми глазами и покачал головой — на их общем языке это означало, что Алексея не повесят.

Глава двадцать девятая
КАЗНЬ

Утром непривычно внимательные охранники повели Алексея на второй этаж. Возле виселицы стояли генерал Бродерик и полковник Глой. Лица у них были торжественными и взволнованными. Внутри неприятно похолодело: неужели?

— Доброе утро, господин Козлов! — бодро обратился Бродерик.

Алексей кивнул, в горле пересохло.

— Похоже, что ваше нелогичное поведение привело нас к логичному финалу истории, — продолжил он с горечью. — Осталось несколько минут, чтобы все поправить. Наша разведка гордилась бы таким сотрудником, как вы. В конце концов, что вы этим хотите доказать? Информация из стен тюрьмы не вытекает — о вашей несгибаемости не узнает никто! Я бы еще понял, если бы вы собирались попасть в рай, но вы — атеист… Так вы не передумали?

Алексей помотал головой.

— Мне очень жаль, господин Козлов, но всякое упрямство должно иметь разумные границы. — В его голосе была неподдельная жалость. — Начинайте, полковник!

Глой сделал жест, и охранники потащили Алексея под петлю с таким напором, словно у него были силы сопротивляться. Он ощутил под ногами шаткий люк, почувствовал на шее шершавость затягивающейся петли.

Все было по-настоящему и не по-настоящему одновременно, он словно смотрел со стороны фильм с собой в главной роли. Перед глазами пронеслись опорные кадры этого фильма: мама, бабушка с дедушкой, война, школа, МГИМО, погружение, Таня, дети, десятки стран и успешных спецопераций… и в финале отец, упрямо ковыляющий по гололеду на костылях на работу на одной ноге.

Алексей зажмурился и прошептал детям:

— Простите, мои ребята!

— Стоп! — внезапно заорал Бродерик и, уже спокойнее, сказал, почему-то глядя на часы: — Сожалею, но казнь сегодня отменяется.

Алексей увидел, как испугался охранник, уже начинающий приводить в движение механизм виселицы, и отскочил от него. Как растерялись остальные, включая Глоя.

— В камеру! — скомандовал Бродерик с таким облегчением,

словно казнить собирались его.

И Алексей обрадовался не только тому, что остался жить, но еще и тому, что настоящий хозяин этой земли — мертвый зулус Чака, а не колонизатор Бродерик со всей его технически оснащенной армией и разработками ядерного оружия. Ведь Чака предупреждал, что Алексея не казнят.

Охранники повели его в камеру, с интересом разглядывая. Они не поняли, что произошло, ведь прежде ни один заключенный не уходил из этого помещения своими ногами.

Алексей упал на грязный, вонючий, засаленный, но уже родной матрас, означавший после виселицы жизнь и комфорт. И полутемная камера три шага на четыре показалась светлой, просторной и гостеприимной. Значит, он сможет вернуться на родину и обнять детей!

Второго захода для подобного спектакля уже не будет. Бродерик и в этот раз выглядел смешным и инсценировал казнь скорее для галочки. По глазам генерала было видно, что он не надеется на затеянное. А по Глою было понятно, что его разыграли точно так же, как и остальных. И теперь в распоряжении контрразведки не осталось ни одного средства «разговорить» Козлова.

Алексей знал, насколько в Азии и Африке изобретательны по части пыток. Но кажется, на нем уже попробовали все, и могут успокоиться. Понятно, что он для них ходячая энциклопедия не только на тему ядерных испытаний в лаборатории Пелиндабы. Даже по паспорту, оказавшемуся в руках Бродерика и Глоя, понятно, сколько стран и спецопераций намотано на память Козлова.

Когда у него установились связи с фирмами, выпускавшими химикаты и машины для химчисток, Алексей заключил договор, что представляет их во всех странах мира, кроме самой Италии.

В Риме бывал по два-три месяца в году, остальное время катался по Ближнему и Среднему Востоку: Израиль, Египет, Иордания, Кувейт, Ливан, Иран. И везде его ждали «друзья» — родственники министров, высший офицерский состав, полицейские.

В Иране он работал еще при шахе, начиная с 1974-го, за что получил орден Красной Звезды. Иранская служба безопасности САВАК наводила ужас на весь мир. Ее сотрудники арестовывали и пытали без ордера, суда и следствия. Пытали жутко. Но все профессионалы знали, что пыткам сотрудников САВАКа учили цэрэушники, помогавшие создавать эту структуру.

До португальской революции 1974 года СССР не имел дипломатических отношений с Португалией. И Алексей стал

единственным советским разведчиком, сумевшим побывать там при фашистском режиме Каэтану и собрать очень важную информацию. Даже когда началась Революция красных гвоздик, он смог вернуться туда на пару месяцев, предлагая химчистки нового поколения.

В Израиле Козлов очень серьезно работал в период разрыва дипломатических отношений с СССР. Работал и на Тайване, с которым дипломатических отношений не было вообще, а Советы считались вторым главным врагом после Китайской Народной Республики.

Поездки были напряженными, не удавалось ни спать, ни отдыхать. За пару недель предстояло и сориентироваться в стране, и собрать всю информацию. И во всех этих странах, даже в Иране, у Алексея появлялись настоящие друзья. Они любили его, доверяли ему, знали о нем все. Кроме главного.

Кстати, обучаться искусствоведению он пошел, памятуя о словах Эренбурга: «Имейте в виду, чтобы поддержать беседу в хорошем обществе, необходимо изучить историю искусства».

Вкус к предметам искусства и альбомы с марками мгновенно распахивали перед ним двери лучших гостиных.

После фальшивой казни наступила передышка. Какое-то время даже не дергали на допросы. Алексей лежал в камере, делал зарядку, мечтал, общался с призраками и радовался тому, что жив. Время остановилось.

Он был бы вполне доволен происходящим, если бы от жизни в постоянной темноте у него не стало резко падать зрение, — и камеру покрыла мутная пелена.

А на руках полопалась кожа, и они стали выглядеть как кровавые перчатки. Прикасаться руками к чему-либо было невыносимо, держать ложку было больно. И Алексей научился есть почти без помощи рук, пододвигая миску и хлебая из нее, как зверь.

Однажды утром охранник зашел в камеру и, надевая наручники, брезгливо отодвинулся:

— Осторожно, русский, не пачкай меня своей кровью!

Привели в кабинет Глоя. За столом сидел Бродерик, а Глой стоял в своей любимой позе у окна.

— Добрый день, мистер Козлов! Как поживаете? Довольны ли едой и обращением? — спросил генерал доброжелательно.

— Вполне, — буркнул Алексей, веки опухли, он плохо видел, и физиономия Бродерика расплывалась.

— Вид у вас неважный. Может быть, разнообразить ваше меню? — предложил Бродерик.

— Жареной курицей? — глухо спросил Алексей.

— Однако вы не лишились чувства юмора, — расхохотался Бродерик. — А что у вас с руками?

— Я не врач… — напомнил Алексей.

— Полковник Глой, почему арестованного не осмотрел доктор Мальхеба? — строго покосился Бродерик.

— Его осматривал доктор Мальхеба, — отрапортовал Глой.

— И что вам сказал доктор Мальхеба? — участливо спросил генерал.

— Он сказал «дышите глубоко», а потом сообщил, что дыхание у меня хорошее, — ответил Алексей. — Я спросил, а откуда вы знаете, если стетоскоп висит у вас на шее и вы его не вставили в уши? В ответ он разорался.

— А лекарство выписал? — недоумевал Бродерик.

— Выписал перчатки из искусственной кожи, чтобы не пачкал камеру кровью. Но их слишком больно надевать, — усмехнулся Алексей. — Видимо, конек доктора Мальхебы — здоровье повешенных!

— Полковник Глой, — нахмурился Бродерик, — сегодня же пригласите к мистеру Козлову начальника тюремного госпиталя майора Ван Роена! Что это за издевательство над заключенным?

В его устах слова «издевательство над заключенным» выглядели как анекдот.

После обеда в камеру действительно пришел майор Ван Роен, но из-за темноты не смог осмотреть руки Алексея и потребовал, чтобы заключенного вывели в коридор. А осмотрев руки, сказал, что это результат недостатка хлорофилла оттого, что крохотное окошечко под самым потолком не пускает в камеру свет. И написал рапорт о необходимости немедленного перевода заключенного из камеры смертников в штрафное отделение тюрьмы.

В штрафном отделении были такая же крохотная камера, такая же параша, такой же вонючий матрас, зато всегда — солнце. И никого не вели мимо двери каждую пятницу на казнь, а потом не волокли с казни. Кожа стала потихоньку заживать, а зрение потихоньку восстанавливаться.

Вокруг были одиночные камеры, в которых сидели люди. Они ругались, смеялись, храпели, кашляли, молились, матерились, пели. Алексею показалось, что он вернулся на большую землю с необитаемого острова, и Чака стал навещать его реже.

В штрафном отделении сидели заключенные, нарушившие тюремный режим. Кто-то у кого-то что-то украл, подрался, покурил марихуану, которую им поставляли те же самые

надзиратели. Однако «исправление нравов» происходило здесь специфически.

За убийства в камере мгновенно вешали, а за остальные грехи пытали с помощью голодной диеты — в течение срока от пяти дней до четырех недель в день давали только чашку протеинового бульона.

Заключенные сходили с ума от голода, ели зубную пасту и все, что поддавалось разжевыванию. Выдержать тридцать суток подобной диеты было нереально.

На пятые сутки охрана взвешивала «исправляемого» и, понимая, что человек долго не протянет, предлагала написать прошение на имя министра юстиции Крюгера о замене голодной диеты на телесное наказание.

Наказание было публичным. В углу тюремного коридора стояло приспособление для истязаний. На него клали истощенного заключенного, написавшего прошение министру юстиции Крюгеру, и подкладывали ему под почки подушки. Приходил здоровенный амбал сержант Филипс и специальной палкой бил заключенного по голому заду.

Удар был поставленным и происходил раз в десять минут. Из глазка камеры было видно, как от первого удара на теле появляется синяя полоса, как она лопается от второго удара и из нее хлещет кровь.

После этого заключенного отвязывали, давали глоток воды, доктор Мальхеба слушал его сердце и давал благословение на следующий удар. И так до шести ударов.

Черных лупили по одной полосе, по одному месту, превращая тело в кровавое месиво. А белых разрешалось бить только по разным местам, чтобы все шесть полос были отчетливо видны.

Глава тридцатая
ЗАЯВЛЕНИЕ БОТЫ

Как-то дверь камеры распахнулась во внеурочный час — в это время не давали еды и не водили на допросы. На пороге стоял сам начальник тюрьмы, за ним — два охранника с вытаращенными глазами.

Начальник тюрьмы не зашел в камеру, она была слишком мала. Он многозначительно посмотрел Алексею в глаза и, не требуя, чтобы заключенный встал, что подразумевал тюремный протокол, сообщил:

— Премьер-министр Питер Виллем Бота официально объявил по телевидению и по радио, что вы, советский разведчик Алексей Козлов, находитесь у нас под арестом.

Алексей не поверил своим ушам, улыбнулся уголками высохших обметанных губ и ответил:

— Спасибо!

То есть в Центре наконец узнали, что он жив, и начнут что-нибудь предпринимать.

Охранники вылупили глаза еще больше. Перед ними на нарах сидел невозможно исхудавший человек с впавшими глазами, подживающими кровавыми разводами на руках, шелушащейся кожей и неаккуратно подстриженными тюремным парикмахером волосами.

Мало того, что за всю историю тюрьмы он был единственным, вернувшимся из камеры смертников живым, так к нему еще с отчетом приходит начальник тюрьмы, а по телевидению о нем говорит премьер-министр страны Питер Виллем Бота!

— С завтрашнего дня вам полагается двадцатиминутная прогулка по двору, но общение с другими заключенными запрещено строго-настрого, — добавил начальник тюрьмы. — И еще… теперь вам можно курить.

До ареста Алексей довольно много курил, но сейчас был настолько ослаблен, что курение добило бы его.

— Какое сегодня число? — спросил он севшим от волнения голосом.

— Сегодня первое декабря 1981 года, — ответил начальник тюрьмы.

Алексей в ужасе бросился к стене, на которой выцарапывал себе все той же скрепкой календарь, понимая, что сбился со счету.

Это была победа! Победа над заговором молчания, над

садистами Бродериком и Глоем, над ужасом апартеида. Сегодня первое декабря, значит, сын и дочка в Москве играют в снежки, готовятся к Новому году и ждут папу с подарками.

Алексей волновался перед прогулкой, как волнуются перед первым свиданием. За последние полтора года он не видел ничего, кроме камер, тюремного коридора, кабинета Глоя и пыточных комнат. Закрытый двор представлялся громадным простором.

Он разучился долго ходить, руки и ноги плохо слушались, да и весь организм был доведен до последней черты. Охрана вывела Алексея во двор, когда все заключенные сидели по камерам.

Но сарафанное радио загадочным образом разнесло информацию по штрафному отделению, и, заслышав, что отперли камеру Козлова, соседи из одиночек заорали через двери:

— Русский, держись! Тебя скоро обменяют! Парень, газеты пишут, что тебя передадут своим!

Двое охранников, еще не привыкших к новому положению странного заключенного, перед которым отчитывается начальник тюрьмы, вели себя доброжелательно.

Алексей решил воспользоваться этим и закричал на весь коридор:

— Мужики, что в мире нового?

— Наши вошли на Сейшелы! Гамбия и Сенегал соединились! Судан напал на Чад! — кричали из-за запертых дверей камер.

Их внутриафриканские новости, за которыми Алексей когда-то охотился для Центра, казались сейчас местечковыми и не важными. Ему было важно знать, что происходит на родине, но здешние газеты не писали об СССР.

А пока он полгода сидел без газет, радио и телевидения, в США зарегистрировали первые случаи СПИДа, в индийском Бихаре произошла самая крупная в истории железнодорожная катастрофа с гибелью восьмисот человек, Израиль уничтожил иракский ядерный реактор в Осираке, какой-то придурок шесть раз выстрелил холостыми в Лондоне по королеве Елизавете Второй, наводнение в Китае оставило без крова полтора миллиона человек, леди Диана вышла за принца Чарлза, убийце Джона Леннона дали пожизненный срок, в Тегеране взорвали президента Раджаи, в Египте убили президента Садата, СССР подписал контракты на поставку природного газа из Сибири в страны Западной Европы, а советские хоккеисты обыграли канадских со счетом 8:1.

Умерли писатель Борис Полевой, хоккеист Валерий Харламов и артист Михаил Жаров.

А еще от разрыва сердца умер отец. Именно в тот день, когда

Когда Козлов первый раз с опаской вышел в огороженный со всех сторон тюремный дворик, стало понятно, что он настолько ослаб, что еле переставлял ноги.

Солнце лупило так, что в первые секунды он даже зажмурился. Охранники подгоняли, но это было бесполезно. Он передвигался осторожной стариковской походкой, глядя под ноги.

Потом поднял глаза к небу, счастливо засмеялся, посмотрел вперед и, остолбенев, остановился. В одном дальнем конце двора сидела в углу огромная черепаха. Больше метра в длину. А в другом углу две стройные длинноногие газели ели из тазика свежую траву.

— Откуда она? — кивнул Алексей на черепаху.

— Да это Грета. Кто-то притащил с Сейшел суп сварить, а потом пожалел, — ответил наиболее разговорчивый охранник. — Давно было, она ведь живет чуть не триста лет…

— Ее можно погладить?

— Завтра дай ей полкуска хлеба, тогда она тебя признает. Осторожно корми, челюсти у нее, как у бульдога, — посоветовал охранник. — Ты такой худой, что можешь на ней покататься.

Отто доковылял до черепахи, положил руку на ее панцирь и подумал: «Вот бы показать такую красавицу моим детям!»

Черепаха медленно встала на свои высокие слоновьи ноги, вытянула голову и начала обнюхивать колени Алексея.

Газели оказались не менее общительными, они жили в большой дружбе с убийцами, ворами и насильниками, выходившими на прогулку. На следующий день Алексей пришел на прогулку с куском хлеба и поделил его между черепахой и газелями.

Грета быстро признала его и с удовольствием откусывала свои полкуска смертельными челюстями, а газели деликатно брали оставшееся с ладони большими теплыми губами.

Эти двадцать минут на солнце стали ежедневным праздником. Теперь Алексей был не одинок, его ждали и привечали звери. А заключенные на прогулке, несмотря на весь свой расизм и криминальные успехи, писали ему на стене подбадривающие слова с грамматическими ошибками.

Двадцатиминутные прогулки делали чудеса, к нему потихоньку стало возвращаться ощущение собственного тела. До этого оно было оболочкой для пыток и мучений, и Алексей старался психологически отстраниться от своей ежедневно уродуемой оболочки — поставить ее на автопилот и спрятаться в

фантазиях.

Теперь он наслаждался прикосновениями заживших рук к нагревшейся каменной стене дворика, полированному панцирю Греты, нежной шкурке газелей. Как ребенок, радовался расцветке крыльев залетевшей во двор бабочки, крику птицы, усевшейся вверху на колючей проволоке, или движениям спустившегося сверху на нитке мохнатого паука.

И вспоминал купленную перед арестом яркую серию 1974 года «ЮАР, фауна и флора», состоящую из шестнадцати марок с портретами самых красивых представителей животного и растительного мира страны.

Мышцы благодаря прогулкам вспоминали свою работу, дыхание не сбивалось при нагрузке, кожа восстанавливалась, зрение прояснялось, ногти постепенно приобретали нормальный цвет.

Даже к волосам, которые давали возможность вымыть в тюремной бане карболовым мылом, возвращалась прежняя шелковистость. Брили в тюрьме редко, щетина скрывала худобу, которой Алексей до конца не осознавал потому, что давно не встречался с зеркалом.

Вскоре его отправили работать на кухню при лазарете, таскать ведра с водой и другие тяжести. И это было замечательно, потому что организм хотел двигаться и трудиться.

Но периодически эту работу заменяли другой — заставляли чистить битумный пол зубными щетками, точно как немцы в концлагере. И это было ужасно унизительно.

По тюрьме ползли легенды об Алексее, заключенные относились к нему с огромным уважением, при каждом удобном случае говорили:

— Ты — русский шпион! Ты их обыграл! Они будут продавать тебя подороже!

А один подарил машинку для сигар со словами:

— Возьми на память. Будешь сигары подстригать. Вдруг больше не увидимся. Я таких, как ты, не видел, здесь у нас обычные люди: убийцы, воры, насильники…

Как-то охранник повел Козлова в тюремный госпиталь, и человек в белом халате поставил его на весы. Алексей и до этого понимал, что очень сильно похудел, но когда отметка на весах застыла на цифре 58 килограммов, испугался. Ведь при аресте весил 90!

После этого его стали обмерять сантиметром, и он пошутил, что, наверное, снимают мерки для гроба. Но человек в белом халате и охранник посмотрели на него с недоумением.

А через некоторое время в камеру пришел начальник тюрьмы и принес довольно приличный костюм по размеру, рубашку и галстук. Пока Алексей переодевался, сердце выпрыгивало из груди.

— Возьмите с собой вещи! — сказал начальник тюрьмы и протянул пластиковый пакет.

Имущество Алексея легко влезало в пакет, он положил туда подаренную машинку для стрижки сигар и ремень для брюк, который ему оставили, когда с него от худобы начали падать штаны. Еще зачем-то добавил в пакет кусок зеленого карболового мыла.

Дорога в кабинет Глоя в костюме и без наручников ощущалась совершенно непривычно. За столом сидел генерал Бродерик, а у окна, как обычно во время допросов, маячил полковник Глой.

Но их нельзя было узнать, словно кто-то надел на них новые лица. Прежним в кабинете выглядел только Гитлер на портрете с тщательно выписанными усиками.

Когда Алексей вошел, Бродерик встал, жестом предложил сесть напротив и только после этого сел.

— У меня хорошая новость для вас, господин Козлов! — радостно начал он. — Вы едете домой!

У Алексея от волнения потемнело в глазах. Бродерик сделал жест, и Глой поднес стакан воды со знакомого подноса на подоконнике.

— Я не должен раскрывать, что вас везут для обмена, я нарушаю закон, — продолжил Бродерик. — Сейчас передадим вас службе нашей разведки. Я не знаю, что они выкинут, но если хотите уцелеть, скройте, что вы в курсе обмена.

Он снова встал, протянул руку для рукопожатия, Алексей секунду подумал, тоже встал и все-таки протянул руку в ответ.

— И извините за все, что здесь с вами произошло! — добавил Бродерик, глядя в глаза. — Мы просто не представляли, кто вы такой, а теперь узнали! Никогда в жизни не видел таких упрямых людей. Горжусь, что знаком с вами!

Полковник Глой тоже подошел к Алексею, тоже протянул руку и сказал:

— Меня тоже извини. Ты нормальный парень и вообще… настоящий мужик.

Он подмигнул, и после рукопожатия в ладони остался какой-то значок. Алексей машинально сунул его в карман. Было видно, что это не очередная провокация, а счастливый финал, в который так трудно поверить.

Бродерик и Глой, видимо, ждали каких-то слов в ответ, но

слов у Алексея не было. И горло перехватило, и о чем говорить с садистами? Кивнул и молча вышел из кабинета в сопровождении двух охранников.

Охранники подвели его к машине с другой охраной и передали им пластиковый пакет с нехитрым имуществом. Алексею предложили сесть на заднее сиденье между двумя охранниками точно так же, как во время ареста, только более вежливо и без наручников.

Глава тридцать первая
МОНУМЕНТ ПЕРВОПРОХОДЦАМ

Машина резко газанула с места, и вторая такая же, полная вооруженной охраны, газанула за ней. Алексей оглох от обилия звуков, одурел от запахов, словно его самого вынули из пластиковой упаковки, в которой долго хранили.

Город, забрызганный сиреневыми пятнами цветущей джакаранды, бежал мимо окон машины. Алексей не понял, куда его везут, и внутренне собрался, вспомнив слова Бродерика.

Машины наконец остановились возле одного из холмов, окружавших Преторию. Этот холм был смотровой площадкой — город лежал метрах в ста внизу и просматривался до последней лачуги. Алексею велели выйти из машины и встать на краю обрыва лицом к монументу Первопроходцам.

Памятник был воздвигнут рядом с местом кровавой битвы между зулусами и белыми, как огромный монументище-мавзолеище в полосках и узорах из светлого кирпича.

Козлов слышал, что он называется «Вуртреккер» в память о вуртреккерах — первопроходцах, бурах и гугенотах, ушедших в середине девятнадцатого века из Кейптауна в поисках независимости от британского правления.

Именно потомки этих вуртреккеров, образовавших южноафриканскую белую расу угнетателей, требовали сейчас, чтобы Алексей, не шелохнувшись, стоял на краю обрыва.

— Красивое местечко! Нравится? Здесь тебя и расстреляем! — небрежно бросил главный из сопровождавших.

Алексей впился глазами в темную фигуру вуртреккера в центре монумента, представил себе, как тело полетит сейчас вниз, к подножию горы, а душа, если она есть у атеиста, полетит вверх, к жаркому африканскому солнцу…

Понял, что даже если они просто выстрелят над головой, он скатится вниз оттого, что не до конца восстановилась координация; оттого, что вздрогнет от звука и почва поедет под ногами. Несколько минут тишины после щелканья взводимых спусковых крючков и команды «Приготовиться!» показались вечностью.

— Ладно, дьявол с тобой! Пошли в машину! — заорал главный.

И один из охранников схватил Алексея за шиворот и начал запихивать в автомобиль так, словно он сопротивлялся.

Видно, сотрудники этой разведки наслушались о его

несгибаемости от коллег и решили, что сейчас преподадут контрразведке мастер-класс по выбиванию информации из упрямого заключенного.

Козлов сел в машину, стараясь сделать лицо непроницаемым. Автомобили рванули в сторону аэропорта. Там на дальней полосе ждал «Боинг-747» «Джамбо Джет». Вместе с Алексеем в него сели семеро молчаливых охранников.

Когда самолет взлетал, в висках застучало, в глазах потемнело и дышать стало нечем — сосуды еще не пришли в себя после пыток. Алексей помассировал точки на ладонях, чтобы снять спазм, и осторожно достал из кармана и рассмотрел то, что сунул ему в ладонь Глой.

Оказалось, что это значок полиции безопасности ЮАР с правом ареста. В знак уважения. Он видел такие значки, когда жил в Йоханнесбурге. Алексей усмехнулся: зачем ему значок их полиции с правом ареста? Он не собирался никого арестовывать.

Подошла стюардесса, показавшаяся невероятно красивой после двух лет в обществе, где единственными представительницами прекрасного пола были черепаха и газели. Еда и напитки с ее подноса показались невозможно изысканными после двух лет тюремной баланды.

Облака летели за окном, как кружева поземки на дорогах предновогодней Вологды в детстве. Подумал, что сын уже почти закончил первый класс, а дочка пойдет в школу на следующий год. Как там они одни?

Приземлились во Франкфурте-на-Майне, Алексея тут же пересадили в вертолет Ведомства по охране границ Западной Германии. Там была новая охрана. Вертолет летел примерно километров триста и приземлился около КПП «Херлесхаузен».

Алексей понял, что это КПП, что где-то совсем рядом свои, и впал в прострацию оттого, что мозг отказывался верить в это. Он даже не сразу понял, что вышедшие из автобуса в сопровождении охраны хорошо одетые мужчины с дорогими чемоданами с той стороны КПП привезены для обмена.

Когда эти мужчины торопливо переходили границу, с недоумением глядя на него, Алексей машинально подсчитал, что их одиннадцать.

Уже потом рассказали, что это были десять шпионов, сидевших в ГДР, и юаровский армейский генерал, пойманный кубинцами в Анголе. Пересекая границу, Алексей снова увидел себя словно со стороны, словно снимающимся в главной роли странного фильма.

От эмоционального перенапряжения не ощущал вообще

ничего, пока гэдээровские охранники не подвели его к ангару, в глубине которого маячили две мужские фигуры.

Алексей узнал генерал-майора Виктора Михайловича Нагаева и начальника отдела безопасности Бориса Алексеевича Соловова. Бросились друг к другу, обнялись, расцеловались.

— Лешка, живой! — прошептал первый.

— Сам не верю, — покачал головой Алексей.

— Да ты же стал вполовину себя! Как себя чувствуешь? — обеспокоенно спросил второй.

— Пока никак… А кто эти мужики с чемоданами, на которых меня поменяли?

— Не представляешь, какую многоходовку сделал Центр! Знали бы в ЮАР, на кого меняют, попросили бы больше! Давай быстрей в машину, наши ждут в Берлине, стол накрыли!

В машине веселье почему-то смолкло, километров тридцать растерянно молчали, сказалось перенапряжение. Когда подъехали к городу Айзенаху, расположившемуся у подножия горного массива, и когда в вышине показалась крепость Вартбург, Алексей не выдержал.

— Мужики, — сказал он. — Я же живым на Родину вернулся! Обмыть это дело надо!

И только тогда водителю приказали затормозить у первой же пивной, сели на скамейки за старый деревянный стол, отполированный тысячами локтей, и заказали по сто граммов шнапса и по кружке пива.

После этого, пока ехали до Берлина, рта не закрывали. А там уже ждал шикарный стол с икрой, семгой и прочими представительскими деликатесами. Но отощавший Алексей придвинул к себе селедку и кастрюлю с горячей дымящейся картошкой — двух главных героинь тюремных грез.

В конце вечера генерал Шумилов пошутил:

— Лешка, ты даже не посмотрел на деликатесы, но сожрал всю нашу представительскую селедку и картошку!

Алексей отодвинул кастрюлю и задумчиво спросил:

— Мужики, почему они меня взяли? У меня не было ни одной помарки!

Повисла длинная неловкая пауза. У всех здесь была одна профессия, и потому паузу без обид прервали совсем другой темой:

— Завтра получишь денег и накупишь подарков детям!

— Ох, долго меня дома не было! — наморщил лоб Козлов. — Я ж, когда уезжал, обещал сыну с дочкой привезти часы с кукушкой, с родины этих самых часов — Шварцвальда!

— Леш, скажи, что было самое страшное?

— Да не знаю… — пожал Алексей плечами и расстроенно добавил: — Кстати, они не вернули мне альбомы с марками! А там были очень ценные экземпляры!

Глава тридцать вторая
КАРАНТИН

Однако, прилетев в Москву, Алексей увидел детей далеко не сразу. Его изолировали и поместили в «карантин» на виллу в Серебряном бору. «Кормили на убой, поили на упой», задавали вопросы и в шутку обещали отправить на Колыму.

Алексей понимал, что идет анализ информации, и относился к этому философски. По инструкции он бы тоже долго проверял человека, которого пытали два года иностранные разведки.

Как говорили им еще на погружении:

— Ты пришел сюда добровольно и с самого начала знаешь, что тебе будут доверять, но будут проверять. Потому что за твоей работой стоит безопасность миллионов граждан страны и твоя ошибка может слишком дорого стоить. Внешне умей не выделяться из общей массы, соблюдай конспирацию везде и во всем. И будь каждую минуту готов к тому, что придется рисковать жизнью.

Сытое время взаперти тянулось медленно, и он снова лежал ночами, правда, теперь уже не на вонючем матрасе, а на двуспальной кровати с волшебно вышитым бельем, и анализировал детали.

«Крот» слил разведке его полную анкету и фотографию в молодые годы, значит, сидел в КГБ достаточно высоко и продолжал работать на врагов.

Если бы Алексею показали его сейчас, разорвал бы на куски собственными руками, несмотря на то, что силы еще не восстановились. Нашел бы силы!

Где могла быть ошибка? За границей он читал и писал только по-немецки, по-английски и по-французски. Понимал, что иначе в обиходе может выскочить русское слово. Даже, сильно выпив, матерился исключительно на иностранном языке.

Его сразу учили тому, что нелегал — это человек, переключивший себя внутри на чужую страну, и если он думает на родном языке, надо немедленно прекращать работу и возвращаться, иначе засыплется и засыплет других.

Все годы нелегальной деятельности Алексей избегал личных встреч. Необходимое получал в тайниках и отправлял через тайники. Был десять лет «прописан в Риме», но не провел там ни одной встречи и с людьми из Центра виделся, только выезжая в другую, нейтральную, страну.

А в государствах со сложной оперативной обстановкой, по

которым работал, вообще не проводил встреч. И никогда не посещал советских посольств, поскольку в них нереально попасть незамеченным.

Однажды в Европе пошли с женой на концерт Эллы Фицджеральд и Дюка Эллингтона, оба были фанатами классического джаза. И только устроились в первом ряду, как раздался дикий вопль через весь зал:

— Леха, иди к нам!

Увидел группу сотрудников советского посольства, а с ними корреспондента газеты. Со всеми был знаком еще по учебе в МГИМО.

Сделал вид, что не слышит, шепнул жене:

— Тебе повезло, ты останешься и будешь смотреть. А я ухожу — может, и мне повезет.

И сбежал в пивную.

Как-то возникла резкая необходимость встретиться с человеком, который «вел» Козлова лет десять. Алексей разрисовал метками все стены в условленном месте. Но на связь не вышли потому, что тот человек решил, что это ошибка или деза. Он знал: «Козлов не любит личных встреч».

Все годы после смерти Татьяны работал совсем один.

Однажды под Новый год, накануне отпуска на родину, прилетел из Тегерана в Копенгаген для встречи с резидентом. Обменялись паспортами — Алексей отдал ему свой «железный», с которым все время ездил, резидент ему принес другой, который через некоторое время нужно было уничтожить.

Резидент поздравил Козлова с Новым годом, с награждением «Знаком почетного чекиста» и добавил:

— Поздравляет тебя еще один общий знакомый, который здесь!

— Кто это? — насторожился Алексей.

— Олег Гордиевский.

Олег учился вместе с Алексеем в МГИМО, только на два курса младше. А брат Олега — Василько — учился на два курса старше Алексея. Вместе работали в комитете комсомола. Козлов закончил институт раньше и уехал на нелегальную работу. Гордиевский не знал, где он. А Алексей слышал, что Гордиевского взяли в документальный отдел.

— Откуда Олег Гордиевский знает, что я здесь, если я сам узнал три дня назад о том, что должен быть в Дании? Ты, что ли, ему сказал? Или показал этот мой новый паспорт?

— Знает потому, что он мой заместитель в Копенгагене.

Это была рабочая ситуация, но Алексей уже тогда подумал, что нелегалу без крайней необходимости нельзя общаться с

коллегами из резидентуры, а лучше не общаться с ними даже если есть крайняя необходимость.

И когда арестовали в ЮАР, страшно испугался: «Что подумают ребята, где прокол, как объясню, почему попал, если сам не понимаю?»

Карантин закончился, и Козлова повезли на встречу с руководителем Управления нелегальной разведки ПГУ КГБ СССР, проще говоря, с руководителем Управления «С».

С тем самым легендарным Дроздовым, начинавшим карьеру в официальном представительстве КГБ СССР при гэдээровской «Штази». И участвовавшим под псевдонимом Юрген Дривс в операции по освобождению из тюрьмы США Рудольфа Абеля, изображая его немецкого «кузена».

В кабинете был накрыт стол, сидело некоторое количество знакомых и некоторое количество незнакомых. Дроздов обнял Алексея и предложил тост за его здоровье. А когда выпили, рассказал все по порядку:

— И у нас, и у американцев были подозрения, что научно-исследовательская лаборатория в Пелиндабе работает над созданием атомной бомбы. В 1978 году удалось один раз зафиксировать похожую на атомный взрыв вспышку неподалеку от Кейптауна. Когда ты дал шифровку, что есть подтверждение ядерных испытаний, я ночью вызвал на совещание начальников отделов. Обсуждали твою информацию, хотя документальных подтверждений не было. А уж когда ты прислал фотографии, мы были просто на седьмом небе. Запросили все данные об израильских физиках, работавших по этой теме и выезжавших в Африку по своим и чужим документам. Потом искали по базам военного пилота.

— Нашли всю информацию про Гидона Крамера? — спросил Алексей, вспомнив заплаканные глаза Тианы, и сердце сжалось.

— Конечно, нашли! Ты же снял этого Крамера в семейном альбоме, начиная с ясельного возраста! Тогда дали тебе шифровку, чтобы немедленно уезжал из ЮАР, понимали, если засыплешься там, от тебя не останется даже мокрого места! — сказал Дроздов.

— Ну не съели же они его! — пошутил кто-то за столом.

— А кто это мог гарантировать? Вон, диктатор Иди Амин в Уганде объявил журналистам, что ел людей! А голову Сулеймана Хусейна он держал в холодильнике и доставал, чтобы вести с ней философские беседы! Мы не можем кормить диктаторов разведчиками такого уровня, как Козлов! — сказал Дроздов, и все засмеялись.

— Да этот Питер Виллем Бота в ЮАР хоть и белый, но

людоед больше, чем все черные диктаторы, вместе взятые, — заметил Алексей.

— Ты не обижайся, Лешка, что столько просидел в карантине, сам понимаешь нашу работу, — вдруг начал оправдываться Дроздов.

— Спасибо, Юрий Иванович, что не расстреляли! — усмехнулся Козлов.

— Ладно тебе, это в сталинские времена машина репрессий перемалывала возвратившихся нелегалов, — ответил Дроздов. — Они слишком много знали о том, сколько ошибочных решений приняло руководство вопреки найденной ими информации. У тебя-то совсем другой случай!

— Какой? — осторожно спросил Алексей, и воцарилась тишина.

— Ты по всем статьям родился в рубашке! Материалы допросов с момента, когда Бота объявил, что ты арестован, получал отдел по охране конституции, в котором сидел наш человек! — сказал Дроздов. — Страшно было за тебя, Лешка, но вытащить раньше не получилось. Хочешь, процитирую твои ответы на допросах или расскажу, как Жора из МОССАДа кормил тебя бородинским хлебом?

— Из протоколов видно, что я не назвал ни одной фамилии? — У Алексея просто груз свалился с плеч.

На месте Дроздова он бы и сам не исключал перевербовку при таких пытках.

— Да я это и без протоколов знал, уж больно ты упрямый всегда был, но, сам понимаешь, есть формальности, — напомнил Дроздов. — А главное, Лешка, ты пока еще до конца не понимаешь, что сделал для страны и планеты!

Через два года Алексей получил приглашение от министра госбезопасности ГДР Эрика Мильке. И тогда познакомился с руководителем внешней разведки ГДР Маркусом Вольфом, агентом которого был президент ведомства по охране конституции ФРГ Конрад Корум.

Поскольку Отто Шмидт был западногерманским немцем, разведка ЮАР посылала все копии допросов на родину заключенного в ФРГ. Из ФРГ они чудесным образом попадали в ГДР, а оттуда напрямик в СССР.

Молодая разведка ГДР, созданная сразу после войны, быстро стала одной из наиболее эффективных разведслужб мира. К моменту знакомства Алексея Козлова с Маркусом Вольфом на нее работало около 1500 внедренных агентов, не считая легальную агентуру при посольствах и вспомогательных агентов.

Многие агенты занимали достаточно высокое положение. Тот же Конрад Корум или агент Гюнтер Гийом, работавший помощником канцлера ФРГ Вилли Брандта.

А значок полиции ЮАР с правом ареста Алексей подарил первому заместителю директора СВР Владимиру Ивановичу Завершинскому, который собирал значки и не мог поверить, что ему дарят такую редкость. Алексей ведь понимал, что такое быть коллекционером.

Собственные альбомы с марками, к сожалению, вернуть так и не удалось. Ни те, что забрали в ЮАР при аресте, ни те, что остались в Вене. В Вене Отто Шмидт снимал у хозяйки комнату и в домашнем сейфе хранил запасной паспорт, бумаги и альбомы с марками.

Адрес был записан в бумаге о регистрации в Вене. После ареста южноафриканцы вместе с австрийской и немецкой полицией пришли к той самой квартирной хозяйке и потребовали показать комнату и открыть сейф жильца.

Но хозяйка возмутилась и послала их, сказав, что бумаги и вещи Отто Шмидта отдаст только ему. Это Алексей узнал из копий документов, сделанных полковником Глоем, и долго смеялся.

А потом загрустил, ведь там были такие ценные марки! Там, кстати, была и марка 1966 года с портретом Героя Советского Союза, академика Отто Шмидта на синем фоне. Узнать бы, что хозяйка с ними сделала?

Однажды приснился Чака, он обеспокоенно смотрел Алексею в глаза, пытаясь что-то сказать. Потом показал пальцем на себя и на Алексея и сделал жест, словно щекотал себя под мышками.

Воспоминания об этом сне почему-то не отпускали и требовали расшифровки. Было ощущение, что Чака передает очень важную информацию. Может быть, самую важную. Видимо, жест щекотания под мышками означал у зулусов что-то определенное. Алексей переговорил с африканистами, просидел часы в Ленинке, но так и не получил ответа.

То, что Чака показал пальцем на себя и Алексея, означало, что информация касается обоих. Но что общего могло быть у мертвого зулусского военачальника и выжившего советского разведчика?

Однажды из памяти выплыла сцена. Они сидят в саду старого Джона, тот кормит лысого попугая дольками яблока и рассказывает:

— Империя Чаки стала непобедимой. Трудно предположить, сколько бы еще земель подчинил себе великий воин, если бы не предательство. Его предал сводный брат Дингане. Втроем с

единомышленниками Дингане убил Чаку, застав врасплох в его собственном краале…

Когда в 1985 году в Англию сбежал предатель Олег Гордиевский, прихватив архивы КГБ, все прояснилось. Ему стало известно не только о пребывании Алексея Козлова в Дании, но и о том, под каким именем он работает как нелегал.

Ведь копенгагенский резидент, заместителем которого Гордиевский оказался в тот момент, забирал паспорт Отто Шмидта и выдавал Алексею Козлову временный паспорт для поездки домой на другую фамилию.

Гордиевский признал это свое предательство, упомянув об Алексее Козлове в своей книжке. Мог ли Козлов представить в молодости, что приятель по учебе в МГИМО станет одним из самых омерзительных и наиболее известных «кротов» в истории нашей разведки? После разоблачения в 1985 году англичане сумели вывезти Гордиевского из СССР в автомобильном багажнике и вскоре после этого выдворили из страны двадцать пять советских дипломатов и журналистов.

Гордиевский до сих пор живет в Англии. Теперь, когда продана вся накопленная в СССР информация, он существует на крохотную пенсию, много пьет, комментирует шпионские скандалы и дает интервью за деньги. Но как живет страна после 1985 года, узнает только из теленовостей и потому много фантазирует.

За предательство и измену Родине Гордиевский заочно приговорен на Родине к смертной казни, а в Великобритании удостоен той же награды, которую в романе «Из России с любовью» получил Джеймс Бонд. Только Бонда наградили за подвиги ради своей страны, а Гордиевского — за предательство своей страны.

Парадокс предательства Гордиевского заключался еще и в том, что он, рискуя жизнью, вывез секретные архивы КГБ. А Великобритания отдала их США, где они попали в руки советского агента в ФБР Роберта Хансена, и тот вернул их обратно в СССР.

Алексей часто думал о приятеле по учебе в МГИМО. Как должен относиться к себе врач, убивающий пациента; учитель, избивающий ученика; милиционер, насилующий женщину; священник, обворовывающий прихожанина? Каков масштаб внутренней разрухи человека, нарушившего присягу?

Считалось, что Гордиевского сгубила любовь к деньгам, к красивой жизни, к коллекционированию фарфора. Алексея это изумляло, в их поколении среди интеллигентных людей говорить о деньгах считалось неприличным.

В финале жизнь Гордиевского стала выглядеть как проигранная партия в карты. Англичане не заплатили особых денег за предательство, на старости лет ему достался скромный домик под Лондоном, бойкот семьи и друзей и смешащая всех попытка прикидываться диссидентом и борцом с советским режимом.

А ведь в молодости они вместе учились ремеслу на биографиях великих разведчиков: семьи Зарубиных, Якова Серебрянского, Дмитрия Быстролетова, Рудольфа Абеля, Бориса и Зои Рыбкиных… Были идеалистами, трудились за убеждения, а деньги считали только инструментом для работы.

Глава тридцать третья
ФИНАЛ

Алексей приехал домой, отдохнул, полечился пару месяцев и был назначен начальником отдела института, обслуживающего Управление «С» КГБ СССР. Работа оказалась интересной, коллектив замечательным, но постепенно размеренность и предсказуемость жизни начала угнетать.

Однажды во время дождя Алексей долго смотрел в окно и думал, сколько бы отдал, чтобы вернуться на работу нелегала. Мечта была неосуществимой, но он набрал телефон Дроздова и сказал:

— Юрий Иванович, я должен с вами поговорить.

— Десяти минут тебе хватит, чтобы дойти до меня? — спросил Дроздов.

— Хватит.

— Давай иди.

И, сев напротив руководителя Управления «С», сказал:

— Юрий Иванович, больше так не могу! Хочу вернуться на нелегальную работу!

— И как ты, собственно, это себе представляешь? — удивился Дроздов. — Ты всем известен, как можно тебя куда-то посылать?

— Я все просчитал. Руководство ЮАР воспользовалось полученной от западных спецслужб информацией, но не предоставило им в ответ никакой своей информации обо мне! — напомнил Алексей.

— Но ты везде шлялся, все тебя знают! Как же я тебя опять приму на нелегальную работу? — вздохнул Дроздов.

— Не знаю, как, но пока не примете такое решение, я отсюда не уйду, так и буду сидеть, — ответил Алексей без тени иронии. — Вы мое упрямство знаете.

— Ну, сиди, — усмехнулся Дроздов и уткнулся в бумаги.

Молча просидели полчаса.

Дроздов первым прервал молчание:

— Но с другой стороны, как такой профессионализм, такой опыт не использовать? А почему бы нам с тобой не рискнуть? Ведь тебя же никто не разыскивает. Они тебя отдали, и нигде нет розыскных листов с твоей фотографией. И потом, какой дурак подумает, что человек, только вынув голову из петли, опять собирается ее туда сунуть? Черт его знает, вдруг получится?

И после этого наш герой еще на десять лет перестал быть

Алексеем Козловым. Правда, стал уже не немцем и не Отто Шмидтом. Но кем, история пока умалчивает. История говорит только о том, что это был единственный известный в мире случай возвращения раскрытого нелегала в разведку.

* * *

Алексей Михайлович любит бродить по старому московскому центру. На одну из прогулок он отправился с известным психологом, имя которого мы засекретим, хотя в подобных историях засекречивают имена разведчиков, а не психологов.

Они гуляли по Бульварному кольцу, и психолог расспрашивал Алексея Михайловича о пытках в тюрьме ЮАР, а потом спросил:

— Как вы там с ума не сошли?

— Может быть, и сошел уже, черт его знает! — улыбнулся Козлов.

— Нет, не сошли!

— Я вам признаюсь как психологу, что там, в ЮАР, иногда видел дух великого зулусского воина Чаки, — сказал Алексей Михайлович. — Там все относятся к общению с духами спокойно, но вы поймите, я ведь коммунист, советский офицер… А вы говорите, не сошел с ума!

— Видите ли, современная психология, особенно трансперсональная…

— Какая? — переспросил Козлов.

— Трансперсональная. Это новое для нашей страны направление, оно включает в себя области личностной психологии, но добавляет к ним более глубокие и высокие аспекты человеческого опыта, — попытался объяснить психолог. — В том числе и опыта расширения сознания, выходящего за рамки «объективной действительности»…

— Ничего не понял, — покачал головой Козлов.

— Упрощу. Например, когда спортсмен с шестом летит наверх, он видит свое тело со стороны, как под воздействием наркотика. Или человек под наркозом наблюдает операционную сверху, — пояснил психолог. — Прежде все это считалось фантазиями, а сейчас набран огромный опыт исследования подобных явлений, и на их основе даже созданы психотерапевтические техники.

— То есть это нормально, что я видел Чаку? — улыбнулся Козлов.

— Когда люди сидят в одиночке, в сенсорной изоляции, они

населяют помещение целыми компаниями, и это не сводит их с ума. А напротив, помогает скомпенсироваться.

— Так я его и до ареста видел!

— Наша наука устроена так, что целесообразней понять, не почему вы его видели, а зачем вы его видели? С чем были связаны его появления? — чуточку поменял тему психолог.

— У меня было много времени обдумать это, и если убрать лишнее, то получается, что каждый раз он давал какую-то важную информацию, которую я не сразу научился расшифровывать. Например, перед казнью он помотал головой, и я понял, что останусь жить.

— А еще?

— Последний раз я видел его уже здесь, но во сне. Было ощущение, что он сообщает мне что-то очень важное, связанное с предательством. Но при этом делает жест, словно щекочет себя под мышками. — Алексей Михайлович показал, как делал Чака.

Они подошли со стороны Никитского бульвара к Никитским Воротам.

— Давайте остановимся, — предложил психолог. — Закройте на секунду глаза, заставьте себя увидеть то, что он вам показал, переведите это в слова и попробуйте понять, какие слова в этом сообщении самые главные.

Алексей Михайлович остановился, прикрыл глаза, пожал плечами и сказал:

— Мне кажется, тут всего два слова — «предательство» и «щекотка»… — И вдруг распахнул глаза и взволнованно сказал: — Не может быть!

«Щекотка» — это была кличка предателя Гордиевского.

— Теперь я не понял, о чем вы, — развел руками психолог.

— Да ерунда… — По привычке ничего не рассказывать, махнул рукой Козлов и усмехнулся. — А с точки зрения вашей новой науки, почему дух великого воина выбрал для консультаций именно меня, а не президента или премьер-министра? Как-то не по чину!

— Не знаю, — сказал психолог и пошутил в ответ: — Видимо, считал, что вы спасаете его страну и его народ. У призраков всегда больше информации, чем даже у таких опытных разведчиков, как вы. Пройдемся мимо особняка Рябушинского?

— Мимо дома-музея Горького? — уточнил Козлов.

Они перешли проезжую часть по переходу и двинулись по Малой Никитской к особняку Рябушинского.

— Ну, как психолог, я бы, конечно, сделал его не музеем Горького, ведь Горькому, кроме этого дома, Сталин подарил еще дачу в Горках и в Теселли. Сделали бы ему музей в Горках.

Кстати, пару лет здесь с Горьким жила баронесса Закревская-Бенкендорф-Будберг, которая трудилась по вашему ведомству.

— Скорее против нашего ведомства, — поправил Козлов. — На ведомство МИ-6.

— Ну, в этом я плохо разбираюсь, — согласился психолог. — Но лично я бы сделал здесь музей Отто Юльевича Шмидта и его жены Веры.

— Здесь? — удивился Алексей Михайлович.

— Горький жил в этом особняке всего два года, а до этого, в 1922 году, Отто Юльевич Шмидт с женой Верой организовал тут Русское психоаналитическое общество. Став его председателем, Отто Юльевич возглавил секцию психологии искусства и литературы.

— Тот самый Отто Юльевич Шмидт, академик и герой-полярник? — не поверил своим ушам Козлов.

— Именно он!

— Какой всесторонний человек, — улыбнулся Алексей Михайлович. — В молодости мы все мечтали быть похожими на него хоть чем-нибудь.

— На Отто Шмидта? — переспросил психолог.

Он ведь не знал, какое имя было написано в западногерманском паспорте Алексея Козлова до ареста в ЮАР.

Справка

Алексей Михайлович Козлов — советский разведчик, обнаруживший документальные подтверждения проведения ЮАР испытаний собственной атомной бомбы в 1976 году совместно с Израилем и разработку обогащенного промышленного урана в оккупированной Намибии. Эти данные дали возможность СССР склонить США и ряд государств Западной Европы к усилению режима международных санкций против ЮАР. Результатом работы Алексея Козлова стало объявление эмбарго ЮАР всеми странами, что привело к смене правительства и отказу от ядерного оружия.

Благодаря работе Алексея Козлова ЮАР стала первым государством, добровольно отказавшимся от ядерного оружия.

Алексей Козлов проработал в нелегальной разведке ровно 50 лет в 86 странах мира. Поскольку стаж за границей у разведчиков считается год за два, а в тюрьме — год за три, то проработал намного дольше, чем прожил.

Он заслуженный сотрудник органов внешней разведки РФ (1999). Награжден советским орденом Красной Звезды (1977), российским орденом «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени (2004), медалями, в том числе «За боевые заслуги» (1967), знаками «Почетный сотрудник госбезопасности» (1973) и «За службу в разведке» (1993), получил звание Героя Российской Федерации с вручением знака особого отличия — медали «Золотая Звезда» (№ 713).

Биография Алексея Козлова давно обросла легендами, одна из них даже утверждает, будто он внук знаменитого «шпиона всех времен и народов» Сиднея Рейли, но это не так. И все или почти все, что написано в этой книге, рассказано им самим.

А не рассказано значительно больше…

07.07.2011

Послесловие

А теперь расскажу, почему вдруг стала автором «шпионского кино и шпионской литературы», да еще и втянула в соавторство мужа-иностранца.

Если честно, то мне не интересно писать книги, главные герои которых мужчины. Мужчины и так слишком много написали о себе за столетия, в течение которых не подпускали женщин к письменному столу. И есть только один человек, способный заставить меня делать мужчин главными героями, — друг детства, кинорежиссер и кинопродюсер Александр Иванкин.

Когда-то мне было двадцать, ему — двадцать пять. Я была студенткой отделения драматургии Литературного института, а он уже закончил ВГИК и снял несколько нашумевших документальных фильмов.

Именно тогда Иванкин позвонил и заговорщицким тоном сказал:

— Мань, есть дело! Надо немедленно встретиться!

— Ты забыл, сколько месяцев моим детям? — возмутилась я.

— Подумаешь, у меня сын еще младше… — Его старший сын родился на пару месяцев позже моих.

— Буду гулять с коляской с двух до трех, подъезжай к подъезду, — сдалась я.

— Мань, меня мучает вопрос, почему Юрий Карлович Олеша в течение тридцати лет не написал ни одной большой вещи? — озабоченно начал Иванкин при встрече. — А тебя?

Я катила по улице клетчатую близнецовую коляску и поправляла сыновьям пустышки:

— А меня мучает, кто пойдет завтра в шесть утра на молочную кухню за детским питанием?

Видимо, муж был на гастролях.

— Мы обязаны снять великое кино про Юрия Карловича Олешу! Ты должна все бросить и немедленно сесть за сценарий! — упорствовал Иванкин.

Когда мы познакомились, мне было четырнадцать, а ему девятнадцать. Я была случайно принятой в студенческую компанию вундеркиндистой школьницей, а он — начинающим кинодокументалистом из мастерской Кристи и гениальным рассказчиком. Субординация, возникшая в юности, незыблема до смерти, но статус молодой матери позволял сопротивляться:

— Считаешь, что у меня сейчас так много свободного времени?

— Будешь писать, пока они спят! — предложил он. — Ты же

не хочешь превратиться в домашнюю курицу и стать не интересной своим детям, когда они подрастут?

Он попал в больное место:

— Хорошо, тащи материалы про Олешу, я подумаю.

— В том-то и дело, что материалов нет! Точнее, они под замком! — торжественно объявил Иванкин. — И наша первая задача, найти их!

— Материалов про Юрия Олешу нет в открытом доступе???

Дело было в 1977 году — все малолетнее население СССР наизусть знало «Трех Толстяков», и Олеша никак не относился к запрещенным авторам.

— Его архив закрыт и почему-то принадлежит Виктору Шкловскому. Но я договорился о встрече.

Встреча не принесла результатов. Иванкин рассказал об идее фильма, «главный литературовед СССР» Шкловский поморщился:

— Вы и ваша сценаристка слишком молоды, чтобы снимать кино об Олеше! По этой причине я не дам разрешения на использование архивных материалов…

Иванкин пошел жаловаться на Шкловского вдове Юрия Карловича Олеши — Ольге Густавовне Суок-Олеше.

Она удивилась:

— Почему он так говорит? Ведь Юрочке было именно двадцать пять, когда он написал свои лучшие вещи!

Последнее слово все-таки осталось за Шкловским, и он перекрыл доступ к архиву. Мы написали несколько заявок на фильм, но их даже не рассматривали. Видимо, Шкловский включил административный ресурс, что позволял его тогдашний статус.

Иванкин, как всякий режиссер, не мог долго быть влюбленным в одну идею, быстро заболел новой и умчался от Олеши в сторону фильмов о спорте. А я зависла на теме, начала потихоньку собирать материалы об Олеше, вытаскивать информацию из открытой части архива ЦГАЛИ, встречаться с современниками, шифровать строчки и сверять даты.

А потом написала пьесу «Завистник» о Юрии Карловиче Олеше. Писала, когда дети спали днем, лежа на ковре в коридоре. Развозила кроватки по разным комнатам, чтобы успеть допрыгнуть до заплакавшего, прежде чем он разбудит второго. Кстати, Олеша тоже писал «Трех Толстяков» лежа на полу. Бумаги не было, он писал на старых обоях, а их невозможно раскатать на письменном столе.

Позже, когда опубликовали часть его наследия, я услышала от «олешеведов» байку, якобы Виктор Шкловский выбросил мешок рукописей Олеши в Москву-реку возле писательского дома

в Лаврушинском переулке. Представила, как они плыли и какую метафору этой мизансцене придумал бы Юрий Карлович, глядя с небес. Он ведь писал: «…Целый ящик рукописей. Грязные, испачканные в чужих квартирах, в скитаниях листы. Пачки, перевязанные грубыми веревками, чуть ли не подтяжками. Жаль себя. Я хороший художник. Иногда отдельные места ослепляют блеском…»

А еще узнала от современников, что Виктор Шкловский страшно переживал, когда полуспившийся Олеша приходил к его жене Серафиме Суок — бывшей первой жене Олеши и сестре его нынешней жены Ольги Суок. Серафима болтала с Олешей, закрывшись в комнате, и вручала на прощание крупную купюру, которую он брал с брезгливым выражением лица.

Шкловский страдал в путах этого перекрестного опыления, ревновал Олешу и к вздорной жене, и к литературе. Он тоже хотел написать что-то вроде неувядающих «Трех Толстяков», но бог не дал таланта.

К тому же даже в сохранившихся рукописях Олеши оказалась такая махровая антисоветчина, что выхлопотавший к этому времени Государственную премию СССР Шкловский опасался их размораживать. Понимал, что мы с Иванкиным в силу молодости и непуганности вытащим на свет все, что он не решился утопить в Москве-реке. Впрочем, мог просто иметь и прямую инструкцию КГБ.

В архиве Олеши я когда-то нашла анекдот времени спасения челюскинцев. Встречаются два чиновника, и один спрашивает другого: «Слышали, Отто Юльевича Шмидта сняли со льдины?» Второй удивленно спрашивает: «Что вы говорите? А кого назначили?»

Этот анекдот касается второго случая, когда Иванкин заставил меня делать главным героем мужчину.

Больше чем через тридцать лет после истории с Олешей он позвонил со знакомой интонацией:

— Мань, есть дело! Надо немедленно встретиться!

Иванкин уже был классиком документального кино и пожил в немыслимом количестве стран. А, появившись в моей кухне, заявил с совершенно не изменившейся интонацией:

— Ты должна все бросить и немедленно сесть за сценарий про писательницу Зою Воскресенскую, которая была великой разведчицей!

— Ты б по телефону предупредил, я б сразу ответила, что ненавижу писать для кино, что про разведчиц и разведчиков мне неинтересно и некогда, я заканчиваю роман… И вообще, почему

ты решил прийти с этим ко мне?

Иванкин хитренько посмотрел на меня:

— Я приму отказ без обид, но только после того, как ты узнаешь, что… — И через мхатовскую паузу добавил: — Она была воспитанницей Александры Коллонтай!

…Я написала сценарий о писательнице Зое Воскресенской — первой женщине — полковнике разведки в мире Зое Рыбкиной, работавшей под прикрытием первой женщины-посла в мире Александры Коллонтай.

Отношусь к авторам-занудам и не могу написать ни строчки, пока не узнаю всех подробностей времени и места происходящих событий. Сотрудники Пресс-бюро СВР передали мне кучу материалов по рассекреченным периодам ее работы. Помогали, разъясняли, ловили в тексте исторические и технологические промахи.

Консультант — легендарный Иосиф Линдер — посвятил меня в кучу нюансов. А для написания трех сцен со стрельбой и дракой (большая часть которых не вошла в фильм), дал возможность «войти в роль» с боевым, хотя и незаряженным, оружием в руках. И пошагово понять, какими приемами самозащиты пользуется разведчик-нелегал данной конкретной школы для ликвидации противника. Это помогло избежать литературной клюквы.

Забавно, что архив писателя Олеши в конце восьмидесятых оказался закрытым наглухо, а архив разведчицы Воскресенской-Рыбкиной оказался доступен за исключением спецопераций, время секретности которых еще не истекло. Для меня это важный знак того, что последние тридцать лет развернули страну ровно на 180 градусов.

* * *

И вот на очередной встрече Иванкин снова сказал:

— Мань, а теперь ты должна написать сценарий об Алексее Козлове!

— Во-первых, кто это? — удивилась я. — Во-вторых, ты же знаешь, мне не интересно писать о мужиках!

— Алексей Козлов — икона современной разведки. Вижу, что хочешь отказаться. И приму отказ без обид, но только после того, как ты прочитаешь материалы о нем и познакомишься…

Понятно, что после встречи с Алексеем Михайловичем Козловым, я сказала «да», хотя прекрасно понимала — способность обаять собеседника входит в профессию разведчика-нелегала как первая составляющая.

Но я никогда не была в Африке и «не чувствовала ее на вкус». Пришлось уговорить мужа — Шумита Датта Гупту — стать соавтором. Во-первых, в ЮАР начинал свою карьеру Ганди, и «гандиана» в индийских школах проходила с интенсивностью «ленинианы» в наших. Во-вторых, во всех африканских государствах мощнейшие индийские диаспоры, и ЮАР ощущается в Индии примерно как у нас Украина. В-третьих, знаменитые родственники мужа — герои борьбы с британской колонизацией, и тема апартеида, воспринимающаяся мною как экзотика, понятна на генетическом уровне.

У Шумита это первый опыт литературной работы на русском языке, он всю жизнь писал по-английски. И мы чуть не развелись, пока писали сценарий, потому что смотрели на материал с разных географических и исторических точек планеты. За бортом сценария фильма «Испытание смертью» — снятого режиссером Владимиром Нахабцевым на студии «Артель» с Олегом Тактаровым в главной роли — осталось столько материала, что мы решили написать эту книгу.

Пафосно признаюсь, что глубоко благодарна Александру Иванкину за участие в проекте «Испытание смертью» при том, что сценаристы всегда недовольны режиссерами и продюсерами. Дело не в фильме, а в том, что погружение в материал заставило меня заглянуть на вторую сторону луны, куда считается неприличным заглядывать людям моей среды и моих убеждений.

Неожиданно распахнувшаяся страница новейшей истории обрушила своей тяжестью представления о многих предметах. Не то чтоб я намеренно избегала или равнодушно перелистывала эту страницу в двух гуманитарных вузах, а просто не вводила ее в зону критики и не раскрашивала человеческими судьбами.

Ведь когда изучаешь историю молодым, тебе некогда и незачем спотыкаться на нравственных оценках. Ты изучаешь ее не для себя, а для зачета и экзамена. Слово «апартеид» отталкивается, как все, о чем надрывается советский телевизор. Ты выплескиваешь с водой любого ребенка, в которого ткнула пальцем коммунистическая пропаганда, и постепенно оказываешься в системе координат, в которой «первый мир» безапелляционно первый, а «третий мир» — безапелляционно третий.

Я не покраснела, не полевела, но увидела вчерашний и сегодняшний день большой политики в совершенно ином объеме. И в некоторой степени частично дистанцировалась от своего сообщества, считающего, как Алиса в Стране чудес, что «на той стороне земли живут антиподы». И что запад — дистиллированный оплот прав человека, а золотой миллиард

позолотили его исключительные интеллектуальные качества и гражданские свободы, а не кровь подмятых под него народов.

Мы знакомы с Александром Иванкиным 40 лет… такое даже трудно выговорить! Время предложило нашему поколению невероятные пируэты. Мы прошли пионерское детство, антисоветскую юность, перестроечную взрослость, вступили в созидательную зрелость, сползающую к гармоничной старости… и оба понимаем, что в стране и в судьбе наступило время собирать камни.

Мой муж уверяет, что, если бы Иванкин родился в Индии, он стал бы известным гуру, и люди толпами приходили бы слушать его рассказы. С этим я согласна, хотя совершенно не представляю, на что подобьет меня очередной звонок Иванкина со словами: «Мань, у меня к тебе дело!»

И я снова нарушу все планы и двинусь за ним, как крыса за дудочкой Крысолова…

Мария Арбатова

Конец семидесятых, Южная Африка, ужасы апартеида, тайные ядерные испытания, спецоперация легендарного советского разведчика-нелегала по их разоблачению, предательство, арест контрразведкой ЮАР и два года пыток шестью разведками мира... Книга написана на основе недавно рассекреченных материалов Службы внешней разведки России.

www.ast.ru
www.elkniga.ru

ISBN 978-5-271-40565-5

9 785271 405655

Главный герой — Алексей Михайлович Козлов — проработал в нелегальной разведке 50 лет в 86 странах мира. Поскольку стаж за границей у разведчиков считается год за два, а в тюрьме — год за три, то проработал намного дольше, чем прожил. Его биография давно обросла легендами. И все или почти все, что написано в этой книге, рассказано им самим. А не рассказано значительно больше...

notes

Примечания

1

К. Чуковский. Бармалей (отрывок).